

WITCHES IN RED

"Hendee has a gift for intricate psychological plots, and her characters are some of the best in current fantasy."
—Booklist

A NOVEL OF THE MIST-TORN WITCHES

BARB HENDEE

NATIONAL BESTSELLING AUTHOR OF THE MIST-TORN WITCHES

На севере люди изолированного сообщества по добыче серебра превращаются в злобных «зверей», убивающих любого человека, который попадётся им на глаза. Рудники принадлежат благородной семье князя Антона — правителя замка Сеон и покровителя Селин и Амели. Властный отец Антона приказал своему сыну разрешить эту таинственную проблему в качестве испытания его способности править. У него нет выбора, кроме как отправить на опасный север ведьм, чтобы те использовали свои способности и выяснили причину метаморфоз. Учитывая, скольким они обязаны князю, у сестер нет другого выбора, кроме как взяться за работу.

Вместе с их яростным защитником, лейтенантом Яромиром, Селин и Амели входят в темный мир далекого горного лагеря, подточенного страхом, недоверием и рабской покорностью, и преследуют мужчин, без всякого предупреждения превращающихся в огромных безумных волков. Они вынуждены полагаться на свои силы и хитрость. Сёстры никогда не думали, что силы эти можно использовать не только для того, чтобы раскрыть тайну, но и чтобы выжить...

Переводчики: Риша Каулитц, Oksana Proshina, Андрей Рыбаков
Переведено для группы vk.com/club68806729

Пролог

ПОСЕЛЕНИЕ РЯЗАНСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ РУДНИКОВ, СЕВЕРО-ЗАПАД ДРОЕВИНКА

Меня зовут Мэрайя.

Как-то среди одной ночи я выскользнула из лагеря Мондьялитко, где я жила, и направилась к деревьям. Я оставила свою вечно сердитую сестру и других моих родственников — по крайней мере, на некоторое время.

Я бы не позволила себе думать ни о каком из них сегодня вечером. Я собиралась встретить свою любовь.

Меня все еще удивляло, что он почти четыре месяца жил прямо у меня под носом, и мы никогда не замечали друг друга. Как такое возможно? Но, конечно, у нас обоих были обязательства и обязанности, мои даже менее приятные, чем его. Потом. . всего несколько недель назад мы говорили, и его рука коснулась моей, и я знала.

Он был добрым, в отличие от других солдат, присланных сюда присматривать за серебряными рудниками. Он тихо прошептал мне и прикоснулся ко мне, как будто я была сделан из стекла, и он слушал, когда я говорил. Я никогда не представляла, как сильно я нуждалась в том, чтобы кто-то слушал, пока он не заполнил это пустое пространство.

Он был красив, высокий и стройный, с густыми волосами и серыми глазами.

Мне не терпелось увидеть его.

Как только я оказалась достаточно далеко от лагеря, я начала двигаться быстрее, спеша к тому месту, где мы всегда встречались. Мне хотелось прикоснуться к его лицу и свернуться калачиком под одеялом, чтобы мы могли шептаться друг другу и согреться. Даже когда я почти не ела весь день, эти моменты давали мне больше, чем тушеное мясо из оленины со свежим хлебом.

Хотя я знала, что большинство мужчин смотрят на меня с голоду — дикая оплошность

темноволосой девушки — я все еще не могла поверить, что это происходит, что лейтенант солдат принца Ливена, связанный с Домом Пэлениов, любит меня. . хотел жениться на мне.

Но он сказал, что мы должны держать нашу любовь в секрете, пока он не сможет организовать перевод на новую должность. Я знала что он был прав, потому что я была игрушкой его капитана, и если правда откроется, ни я, ни мой лейтенант никогда не смогут покинуть это место, поэтому я охраняла наши полуночные встречи, как священные сокровища.

Все еще двигаясь между деревьями, я заметила впереди небольшую поляну, у ручья, где мы так часто встречались, и мне стало интересно, был ли он уже здесь.

«Саллиан?» позвала я тихо.

К моему удивлению, в ответ мне раздался стон, похожий на чью-то боль.

«Саллиан?» — повторила я, на этот раз в замешательстве, и вышла на поляну.

Он был там, в кольчуге и коричневой накидке, но согнулся, держась за живот. Я побежала к нему. Перед ним стекала рвота, изо рта текла слюна.

«Что это?» спросила я. «Тебе плохо?»

Вместо ответа он уставился на свою руку, и когда я проследила за его взглядом, мое сердце почти остановилось.

«Нет. .,» прошептала я. С ним этого не могло случиться. Не с ним.

Он заткнул рот, пытаясь выплюнуть слюну изо рта.

«Мэрайя, уходи!» — выдохнул он. «Беги!»

Я не двинулась с места.

Он споткнуться в нескольких шагах от меня, а я стояла, как вкопанная. На открытой коже на его лице и руках начал расти мех. Он упал на землю, корчась от боли. Его руки продолжали меняться, его ногти превращались в когти, а затем его грудь начала расширяться. Он кричал от боли, и я ничем не могла ему помочь.

Я Мондиалитко, и я много раз наблюдала, как оборотни среди моих людей меняют форму. Но это не было похоже на это. Настоящая трансформация происходила быстро и без усилий. . безболезненно, из человеческой формы в животную форму. Это было так же просто, как дышать.

То, что происходило с Саллианом, было чем-то другим, чем-то уродливым и неестественным.

Его крики боли были настолько громкими, что, должно быть, он вызвал тревогу у ночной стражи, и я услышал крики.

«Откуда это?» проозвучал голос.

«Там!» кто-то другой ответил.

Если бы они увидели его, они бы его убили.

«Вставай», — умоляла я, не подходя ближе. «Ты должен спрятаться!»

Похоже, он меня не слышал.

Его темно-коричневый плащ разорвался на несколько частей, а его тело продолжало расширяться. Его лицо вытянулось, а я все еще стояла и смотрела. У него во рту вырос ряд клыков. Я знала, что мне нужно бежать, что в считанные секунды он перестанет быть самим собой. . хотя это тоже отличалось от образа жизни оборотней моего народа, которые всегда оставались самими собой в той или иной форме.

Но опять же, то, что происходило с Суллианом, было другим.

Я подавила рыдание. Он был всем, что у меня было, и я собиралась его потерять.

— Саллиан, — прошептала я.

Его тело теперь было больше, чем у больших медведей, бродивших по этим северным лесам, и его крики боли сменились тихим рычанием. Не в силах пошевелиться, я увидела его. Чем-то он напоминал огромного волка: головой и лапами. Но его грудь была намного шире, а глаза были красными. Слюна продолжала литься из его рта, и его рычание стало громче.

Он бросился вперед на несколько шагов на своих когтистых ногах, а затем медленно повернул голову ко мне. От моего любимого не осталось ничего. Я видела только ярость в его безумных красных глазах.

Открыв рот, он обнажил зубы, и я поняла, что бегать бесполезно. Тем не менее, если бы я хотела бежать, я бы сделала это раньше.

Все его тело дрожало, и я ждала, когда он бросится на меня, чтобы положить этому конец.

Шесть человек сорвались с деревьев; пятеро были солдатами, а шестым был старый Сет, стареющий шахтер, который иногда заглядывал ко мне и моей сестре. Однако в тот момент он не выглядел таким старым, готовым к битве и вооруженным киркой.

Голова Саллиана повернулась в их сторону, и он взревел.

Двое солдат несли заряженные арбалеты. Один из них прицелился и выстрелил. Стрела застряла в центре груди моего любимого.

«Не надо!» плакала я. «Это Саллиан!»

Мои слова заставили солдат ненадолго задуматься, так как до сих пор ни один из офицеров не поддавался этому ужасу. Нападение на начальника было серьезным преступлением в вооруженных силах, но их пауза длилась недолго, поскольку Саллиан бросился прямо на старого Сета. . у которого не было ни единого шанса с его киркой. Я слышал крик Сета, и мне хотелось плакать, но я все еще не могла пошевелить ногами.

Еще одна арбалетная стрела показалась — из-за горла Суллиана, когда трое солдат побежали к нему с копьями выше их. Я услышала первый удар с отвратительным влажным звуком, и Саллиан попытался обернуться в своем безумии, чтобы атаковать ближайшего человека. Но солдат, который, казалось, был вне всякого страха, ворвался внутрь, сжимая копьё обеими руками, и каким-то образом вонзил острие в глаз Суллиану, прижав его голову к земле.

Мой любимый несколько раз ударился, а потом он замер.

Наконец я упала на колени.

Я была теперь одна.

Глава 1

ДЕРЕВНЯ, ОКРУЖАЮЩАЯ ЗАМОК СЕОН, ЮГО-ЗАПАДНАЯ ДРОЕВИНКА

Селин Фав тихо работала одна в своей аптеке.

Ну, она была не совсем одна. Ее большой рыжий кот Оливер погнался за мышью через трещину в стене, а затем встал прямо перед трещиной, ожидая свою жертву. Его хвост постоянно подергивался, что очень отвлекало.

— Оливер, — сказала Селин. — Эта мышь давно исчезла. Либо вздремнуть, либо пойти поохотиться где-нибудь в другом месте.

Он проигнорировал ее, как обычно, и она попыталась вернуться к своей работе.

Несчастный летний кашель обрушился на деревню, и у нее уже кончилась смесь от кашля. Итак, вчера она наполнила несколько больших банок лепестками роз и залила их

кипятком. Сегодня жидкость будет готова к следующему этапу — она смешает ее с медом и щепоткой соли, чтобы получился сироп.

Ее сестра Амели ушла купить хлеб и яблоки на обед, и Селин гадала, скоро ли она вернется. Сейчас был конец лета, и за последние несколько месяцев единственным человеком, с которым Селин чувствовала себя по-настоящему непринужденно, была ее сестра. Но они вдвоем прошли через мучительные испытания, чтобы стать владельцами этого магазина, и Селин все еще пыталась оставить часть этого позади.

Однако мысль о магазине заставила ее улыбнуться. Это была ее гордость. Снаружи дом был выкрашен в теплый желтый цвет с темно-коричневой отделкой, и они называли его «Бетони и Бук» из-за обилия бетони, растущей в травяном саду позади дома, и молодого Бука, который нависал над их забором снаружи.

Селин действительно любила этот магазин.

Она просто не хотела вспоминать, что ей и Амели пришлось сделать, чтобы получить его. Хуже того, принц Антон, который был хозяином замка Сеон и его окрестностей, запланировал один из своих банкетов сегодня вечером и настоял, чтобы Селин и Амели присутствовали. Селин все еще было не по себе в замке, но она не могла отказать принцу.

Отбросив все эти мысли, она снова попыталась сосредоточиться на приготовлении сиропа из лепестков розы. Когда входная дверь открылась, она подняла голову.

Незнакомая молодая женщина лет двадцати нервно стояла в дверном проеме.

Независимо от состояния души, Селин верила в доброту и внимательность к своим клиентам. Большинство людей, посещавших аптеку, сталкивались с какими-то трудностями, и она всегда помнила об этом.

— Войдите, — сказала она из-за стола, за которым работала. — В данный момент у меня кончился сироп от кашля, но я могу оставить тебе немного из следующей партии.

Молодая женщина ничего не ответила и, наконец, сделала несколько шагов внутрь. Она была худой, с невымытыми каштановыми волосами, выбившимися из единственной косы. Ее платье было изношено.

— Нет... мне не нужен сироп, — сказала она.

Селин достаточно хорошо разбиралась в людях, чтобы понять, что ее гостя столкнулась не только с семьей, страдающей от летнего кашля, и что бы ни случилось, она близка к концу своей жизни. Большинство молодых женщин, которые так выглядели и говорили, как правило, были незамужними и беременными — с жестоким отцом, которого они боялись.

— Чем я могу помочь? — Спросила Селин, выходя из-за стола. — Не хотите ли чаю? У меня есть горячая вода в чайнике.

Ее посетительница не ответила ни на один вопрос и вместо этого посмотрела на копну темно-русых волос Селин. — Вы и есть провидец? Тот, кто может заглянуть в будущее?

Желудок Селины сжался, и она попыталась сохранить спокойное выражение лица. — Сейчас нет, — твердо ответила она, гадая, как быстро ей удастся вытащить эту женщину из магазина. Она не собиралась читать чье — либо будущее. Хотя прошло уже несколько месяцев с тех пор, как она была в замке, она не была готова снова заниматься своей другой профессией. А пока она предпочла быть всего лишь аптекарем.

— Я Ирмина, — представилась молодая женщина. — Может быть, вы видели моего мужа Хьюго в деревне? Он Тэтчер, и его часто можно увидеть работающим на той или иной крыше.

— Нет, не думаю, что видела.—

— Вчера утром он упал с крыши и ударился головой, — перебила Ирмина, — и до сих пор не проснулся.

Несмотря на растущий дискомфорт, Селин не могла не почувствовать укол сочувствия. — О, мне очень жаль. Вы хотите, чтобы я подошла и посмотрела на него?

— Нет. Он либо проснется, либо нет. Дело вот в чем... Мне нужно знать, согласится он или нет.

Селин попыталась заговорить, но ее снова прервали.

— Мы купили себе маленький домик у Эврарда, виноторговца, — торопливо продолжала Ирмина, — и немного отстали. Потом Хьюго устроился на работу-возводить новую крышу в кузнице, за приличное жалованье, чтобы, как только он закончит и получит зарплату, мы могли наверстать упущенное, но потом... он упал.

— Вы купили дом у Эврарда? — Повторила Селин. Все его знали. Он был одним из самых богатых жителей Сеона, и он не стал таким из-за каких-либо добрых поступков. В качестве побочного бизнеса он скупал небольшие жилища и продавал их с прибылью — часто на плате — и был беспощаден ко всем, кто попадал в трудные времена и больше не мог платить.

— Да. — Ирмина кивнула. — Мои родители считают, что я должна просто отказаться от дома, попросить кого-нибудь из мужчин отнести Хьюго в их хижину и переехать к ним... но я едва могу смириться с этой мыслью. Мы с ним так усердно работали, чтобы обзавестись собственным маленьким домиком.» Она вытащила что-то из кармана. Это было серебряное кольцо с каким-то маленьким голубым камнем.

— Это было передано от бабушки Хьюго, — продолжала Ирмина. — Это единственная ценная вещь, которой мы владеем. Если я буду знать, что он очнется, я продам это и отдам деньги Эврарду. Кольцо должно принести достаточно, чтобы выиграть нам немного больше времени. Мы можем остаться в доме, а Хьюго сможет вернуться к работе, когда поправится. Но если... — в первый раз ее голос дрогнул, — если он не проснется, тогда я продам кольцо его бабушки в лучшем случае за несколько месяцев и все равно потеряю дом. — Протянув руку, она коснулась запястья Селин. — Вы видите? Теперь вы понимаете, почему я должна это знать?-

Селин действительно видела. Она видела слишком хорошо.

Слегка дрожащими руками она указала на стул. — Проходите и садитесь. — Она не хотела этого делать, но в то же время не могла заставить себя отказаться.

Не колеблясь, Ирмина поспешила к креслу, и вспышка надежды в ее глазах заставила Селин вздрогнуть. Эта ее многообещающая сила не всегда срабатывала, а даже если и срабатывала, что, если новости были плохими?

Протянув руку, она схватила Ирмину за руку — так как это было необходимо. Она должна была находиться в физическом контакте с человеком, которого читала.

Закрыв глаза, Селин сосредоточилась на Ирмине, на Искре ее духа внутри, а затем перевела взгляд на Хьюго... за их с Ирминой совместное будущее. Сначала ничего не произошло, но она продолжала пытаться, и ее ударило толчком.

Она сжала челюсть, готовясь к этому. Когда ударил второй толчок, она почувствовала, как ее тело понесло вперед по туннелю тумана, и она забыла обо всем, кроме ощущения скорости через туман вокруг нее, когда он закружился в оттенках серого и белого.

Это путешествие было недолгим, и почти сразу же туман рассеялся, и перед ней вспыхнул образ. Она увидела маленькую спальню с выцветшими стенами. По какой-то

причине зрение часто приводило ее в спальни... смертные Одры, детские кровати или просто сцены, разыгрывающиеся в спальнях. Она не знала почему.

Посмотрев вниз, она увидела Ирмину, сидящую на табурете возле кровати. На кровати с закрытыми глазами лежал молодой человек. Его голова была разбита, и он явно был без сознания, а не спал. Ирмина держала в руке чашку с водой и наклонилась вперед, чтобы приподнять его затылок и попытаться влить немного воды ему в рот, вероятно, в надежде, что он проглотит ее. Большая часть жидкости стекала по краям его рта.

— Пожалуйста, Хьюго, — сказала она. — Попробуй для меня.

С того места, где стояла Селин, ей было видно окно и заходящее солнце. Небо было затянуто оранжевыми облаками. Она знала, что Ирмина ее не видит. Селин на самом деле там не было. Она была всего лишь наблюдателем.

Как только ее взгляд вернулся к мужчине на кровати, она услышала кашель, сопровождаемый звуком задыхающейся Ирмины.

Раздался еще один кашель, на этот раз сопровождаемый звуком брызг.

— Хьюго? — Спросила Ирмина.

Селин придвинулась ближе к кровати. Глаза мужчины были открыты, и он смотрел в замешательстве, все еще частично задыхаясь от воды. Через мгновение его взгляд, казалось, прояснился.

— Ирмина?

Громко вздохнув, Ирмина опустилась на колени рядом с кроватью. — Ты меня слышишь? Ты меня хорошо видишь? Ты знаешь, как тебя зовут?

Селин была удивлена присутствием духа молодой женщины, задававшей такие вопросы, но... это были разумные вопросы.

Хьюго вытер немного воды со рта и облизал пальцы, как будто хотел пить.

— Конечно, я знаю свое имя, — сказал он слабым голосом. — Что случилось?

Маленькая комната исчезла, и Селин почувствовала, как ее уносит назад сквозь туман.

Она открыла глаза и увидела, что Ирмина сидит неподвижно.

— Хорошо... вы что-нибудь видели?

— Да, — мгновенно ответила Селин. — Он действительно просыпается. Я не знаю, как скоро, но время дня было на закате. Я не думаю, что это может быть дальше, чем сегодня или завтра, так как его тело не могло бы выжить намного дольше, если бы он не пил воду должным образом.

— Но он просыпается? Вы видели, как он проснулся?

— Да.

Ирмина наклонилась вперед, как будто ее сейчас стошнит. — О, благодарю вас... спасибо.

— Все в порядке. — Селин протянула руку, чтобы помочь ей сесть.

И вдруг все стало хорошо. Она только что использовала свои силы и помогла кому-то, и она чувствовала... радость. Прежде чем ее способность по-настоящему заглядывать в будущее проявилась, она провела пять лет, притворяясь, что читает будущее, и в процессе этого часто давала советы.

Последнее пришло к ней так же естественно, как если бы она никогда не останавливалась. — Послушайте меня, — сказала она. — Пока не продавайте кольцо. Эврд не вышвырнет вас в ближайшие день-два. Подождите, пока Хьюго проснется, и как только его разум прояснится, спросите, что он думает по этому поводу. Если он чувствует, что ему

потребуется несколько недель, чтобы выздороветь, он может посоветовать вам продать его, но если он думает, что сможет вернуться к работе раньше, вы могли бы договориться с Эврардом — который предпочел бы, чтобы ему заплатили, если это возможно. Таким образом, Хьюго не будет обвинять вас в поспешности, и вы, возможно, еще сможете сохранить кольцо его бабушки.

Ирмина на мгновение задумалась, а затем кивнула. — Да... да, конечно. Я буду ждать.

— Да, и еще кое-что, — добавила Селин. — Поскольку будущее еще не наступило, оно все еще может быть изменено, если вовлеченные люди примут другой курс действий. Вы должны продолжать заботиться о Хьюго точно так же, как и раньше, и постараться сделать вид, что никогда не разговаривали со мной. Продолжайте делать то же самое, что вы делали бы для него раньше.

Ирмина снова кивнула. — Я так и сделаю. Спасибо. — она вдруг почувствовала себя неловко и встала. — У меня нет денег, чтобы заплатить вам, но когда ваша крыша нуждается в ремонте, вы приходите ко мне, и я прослежу, чтобы Хьюго починил ее.

В прошлом Селин часто выменивала ее услуги. — Она улыбнулась. — Это было бы очень приятно, и я очень рада... Я рада, что смогла сообщить вам хорошие новости.

Ирмина еще раз поблагодарила ее и поспешила к двери, вероятно, торопясь поскорее вернуться домой.

Оставшись одна, Селин позволила себе несколько откровений. Во-первых, она использовала свои способности, и в результате ничего ужасного не произошло. Во-вторых, ей нравилось читать Ирмину, помогать ей. Возможно... возможно, она снова сможет стать провидицей.

Принц Антон спокойно ждал, когда она вернется в прежнее состояние, хотя и не настаивал. Поскольку она была не в состоянии угодить ему в этом, пребывание в его обществе стало утомительным, и она стала бояться быть вызванной в замок.

Но теперь ей стало немного легче.

Пройдя через магазин, она направилась в спальню, которую делила с Амели, и открыла их деревянный шкаф. Там висело несколько прекрасных платьев, и ее взгляд остановился на одном из дорогих янтарных шелков, который особенно нравился Антону.

Внезапно она перестала бояться сегодняшнего банкета.

* *

Амели Фав бесцельно бродила по рыночным прилавкам в деревне, не спеша делать покупки и возвращаться в «Бетони и Бук»... не то чтобы она не гордилась аптекарской лавкой. Она была. И не то, что она не была благодарна за то, что ей и ее сестре Селин дали дом здесь, в Сеоне. Конечно, она была ему благодарна.

Даже рынок здесь был веселым местом, заполненным лотками с разноцветными фруктами и овощами, дымящимся хлебом, рулонами ткани и свечами. Люди сияли здоровьем, и им нечего было бояться, пока они оставались внутри толстой стены, окружавшей замок и деревню.

Нет, скорее в этом безопасном месте Амели не чувствовала себя полезной.

Только прошлой весной они с Селин жили в темной, незаконной деревне под названием Шетана. Сестры осиротели чуть больше пяти лет назад, когда Селин было пятнадцать, а Амели-двенадцать. Шетана находилась под контролем принца Дамека, а солдаты Дамека смотрели на жителей деревни не более чем как на добычу, над которой можно издеваться.

Две осиротевшие девочки сначала казались легкой мишенью, но Амели быстро доказала, что это предположение неверно. Она привыкла носить кинжал на одном бедре и короткий меч на другом. Она научилась полагаться на скорость и элемент неожиданности, и она могла разрезать человека в считанные секунды своим кинжалом.

Селин научилась играть роль «провидицы» и расширила свои знания о травах и целительстве. Амели заботилась об их защите и повседневных нуждах, в то время как Селин зарабатывала большую часть их жизни. Они зависели друг от друга.

Однако... здесь, в Сеоне, солдаты принца Антона явились полной неожиданностью. Они действительно считали своим долгом защищать людей, которые жили здесь. Конечно, это было хорошо. Это просто оставляло Амели мало дел самой.

Вдобавок к тому, что она привыкла к этому новому положению вещей, она еще кое с чем смирилась. Вскоре после прибытия сюда Селин обнаружила, что она действительно развивает способность видеть будущее — как и их мать — а затем Амели обнаружила, что может читать прошлое. Последнее было откровением, так как Амели никогда не считала себя особенной, и уж точно не такой, как Селин.

Селин всегда была необыкновенно хорошенькой и могла заставить большинство людей делать все, что ей заблагорассудится. Амели была, ну, . разнообразной.

Начнем с того, что сестры совершенно не походили друг на друга. Селин была маленькой и стройной, с копной темно-русых волос, ниспадавших на спину. Она часто надевала красное бархатное платье, которое плотно облегалo ее — чтобы выглядеть как провидица, — и ее глаза были цвета лаванды.

Амели унаследовала лавандовые глаза их матери, но это было все.

Недавно отпраздновав свой восемнадцатый день рождения, Амели была еще ниже Селин. Но там, где Селин была хрупкой, телосложение Амели показывало намек на силу и мускулы. Она презирала платья и всегда носила бриджи, мужскую рубашку, парусиновую куртку и сапоги. Она унаследовала прямые черные волосы их отца, которые стригла в Боб. В течение многих лет она держала его на уровне челюсти, но в последнее время она позволила ему вырасти, и теперь он висел у нее на плечах.

Большинство людей находили ее немного странной, но ей было все равно.

Затем... она сделала это открытие, что тоже родилась с силой — как и ее мать — только она могла читать прошлое, а не будущее. Она страстно желала использовать эту способность, возможно, даже заработать ей и Селин немного дополнительных денег. Люди часто приходили к Селин, чтобы узнать свое будущее, но могло быть много причин, почему кто-то хотел бы, чтобы прошлое было прочитано...

Чтобы найти потерянный предмет, который был убран, а затем тайник забыт.

Решить спор, в котором два человека вспоминали ситуацию по — разному.

Возможности были безграничны. Но Селин все еще была такой хрупкой после того, что они пережили в замке — в котором они были задействованы, чтобы поймать убийцу, — что до сих пор она не могла представить сестер как пару провидиц.

Амели не хотела давить на нее и решила не использовать свою новую силу, пока Селин тоже не будет готова.

Но все это оставило Амели ни с чем, чтобы защитить и ничего не делать.

Вдобавок к тому, что она чувствовала себя бесполезной, она начинала чувствовать беспокойство — и это только злило ее на себя за то, что она недостаточно ценила их удачу.

— Доброе утро, лейтенант, — раздался голос у нее за спиной.

— Доброе утро, Саймон, — отозвался знакомый голос.

Амели замерла перед рыночным прилавком, где она стояла.

Она медленно повернула голову и увидела лейтенанта Яромира, входящего на рынок в кольчуге и коричневом плаще. Он еще не заметил ее. Теперь его приветствовали и другие жители деревни. Яромира очень любили люди, которых он защищал.

Что он здесь делает, просто гуляет по улицам? Лето было ужасно тихим. Возможно, ему было скучно, как и ей.

Слегка пригнувшись, Амели не могла не смотреть на него несколько мгновений.

Ему было лет тридцать, и он не отличался особой красотой, но носил маленькую козлиную бородку вокруг рта и держал свои светло-каштановые волосы завязанными на затылке. От обветренного лица до шрамов на руках, большинство элементов его внешности выдавали в нем профессионального солдата. Он был высок, силен и, казалось, чувствовал себя комфортно в своей собственной шкуре. Однако он был также высокомерен и слишком любил все контролировать, и он сделает все — все — что сочтет необходимым, чтобы защитить принца Антона.

И мнение Амели о Яромире, и ее отношение к нему были одинаковыми. . сложными. По правде говоря, между ними не было никаких отношений, но он намекал, что предпочел бы изменить такое положение вещей.

Поэтому при мысли о том, что он пойдет на рынок, она сделала единственное, что могла сделать, — бросилась за прилавок, чтобы спрятаться, пока он ее не заметил. Да, это было трусостью, и она это знала, но встретиться с ним на улице было бы гораздо хуже.

Ей пришлось вежливо поприветствовать его несколько раз, когда Антон настоял, чтобы сестры пришли в замок на банкет, но как только формальности были закончены, она смогла избежать разговоров с Яромиром из-за различных мероприятий, которые происходили в толпе, таких как все ели слишком много еды или неизбежные карточные игры, которые последовали.

Здесь, на рынке, в одиночестве, у нее не будет предлога не заговорить с ним, если он подойдет к ней.

Поэтому — хотя ей было отчасти стыдно за себя — она присела за прилавком продавца шерсти и выглянула на улицу.

— Что ты делаешь, девочка? — спросил стареющий продавец шерсти.

— Тихо, — сказала ему Амели. — Я не хочу, чтобы меня кто-то видел.

Он бросил взгляд на улицу. — Лейтенант? Вы нарушили закон?

Все здесь называли Яромира «лейтенант», как будто это был какой-то титул. Он имел власть над всеми, кроме князя Антона. Ему это нравилось.

— Нет, — ответила Амели. — Я просто не хочу с ним разговаривать, - старик поднял бровь.

Но он не успел ответить, так как со стороны внешних деревенских ворот послышался громкий шум. Амели поднялась с корточек, чтобы посмотреть, что происходит.

По узкой мощеной улочке прямо к рынку мчался всадник, подгоняя лошадь слишком быстро, чтобы можно было считать ее в безопасности за стеной, окружающей деревню и замок. Население здесь было многочисленным и компактным. Людям не разрешалось скакать галопом по улицам.

Но всадник не замедлил шага. Жители деревни закричали и бросились врассыпную. Несколько тележек с фруктами были опрокинуты, а он все шел и шел.

Амели стояла, гадая, что сейчас произойдет, когда она увидела, что Яромир встал прямо на пути всадника.

— Стой! — приказал он.

Что за показуха, подумала Амели.

Всадник отчаянно пытался остановить коня и едва не врезался в Яромира, прежде чем тот успел остановить чудовище. Яромир даже не вздрогнул.

Именно тогда Амели наконец заметила, что всадник был одет в кольчугу и темно-коричневый плащ: цвет, который носили стражники принца Ливена, который был отцом Антона и Дамека, а также нынешнего главы дома Пален.

Хотя всадник тяжело дышал, но, разглядев Яромира получше, он наклонился и что-то сказал с напряженным выражением лица. Амели не могла расслышать, что было сказано, но глаза Яромира расширились, и он, казалось, совсем забыл об общественном беспорядке. Повернувшись, он велел всаднику следовать за ним, и они оба направились к замку.

Наконец-то что-то произошло.

Амели умирала от желания узнать, что именно.

* *

Оказавшись в замке, лейтенант Яромир послал стражника наверх, чтобы найти Антона, а затем повел гонца в огромный главный зал, после чего сразу же начал сомневаться в себе. Из-за банкета, запланированного на эту ночь, зал был в состоянии беспорядка, слишком много слуг суетились вокруг движущихся столов и перетаскивания скамеек на место.

Посыльный в коричневом плаще оглядел всю эту суету. Он все еще пыхтел, и Яромир не мог не заметить его поседевшего лица, седых волос и широкой груди. Этот человек был слишком стар, чтобы мчаться во весь опор от самого замка Пален.

Служанка в фартуке стояла прямо в зале, и Яромир сделал ей знак. — Не могли бы вы принести этому человеку кружку эля? — спросил он. Это прозвучало как просьба, но она, конечно же, бросила свои дела и побежала на кухню.

— Не могли бы вы рассказать мне кое-что из вашего послания? — спросил он дородного мужчину рядом с собой.

— Нет, — ответил незнакомец без обиняков. — Это письмо прямо от принца Ливена к его сыну.

Несмотря на то, что мужчина обладал сильным голосом, Яромир едва мог расслышать его из-за шума в зале. И все же Яромиру не хотелось приводить незнакомца в личные покои Антона. Такая перспектива противоречила всем его инстинктам.

Нет, лучше подождать здесь.

Внезапно в зале воцарилась тишина. Когда принц Антон вошел под большую открытую арку. Среднего роста, стройный, с темными волосами, заправленными за уши.

На нем были черные бриджи и темно-синяя туника. В свои двадцать три года он выглядел слишком молодым, чтобы командовать таким количеством людей, но держался благородно, и Яромир гордился человеком, которому служил. Антон был больше, чем его господин. Эти двое стали хорошими друзьями.

Все слуги склонили головы, но Антон, казалось, не замечал их.

— Леонидис? — спросил он, глядя на посыльного.

Седой человек устало улыбнулся. — Да, парень, это я. -

Яромир невольно ошетинился от такого неуважения. Все здесь обращались к Антону «мой принц» или «мой господин.» Но когда Антон не стал настаивать на должном

исправлении, Яромир вдруг почувствовал себя не в своей тарелке, неуверенным в ситуации.

— Посмотри, в каком ты состоянии, — сказал Антон, подходя ближе.

— Я ехал всю ночь и полдня. У меня сообщение от вашего отца.

Девушка рысцой вернулась с элем, и стареющий посыльный взял у нее кружку, осушил ее в несколько глотков и вернул обратно.

В зале была небольшая боковая комната с закрытой дверью, и Яромир кивком головы указал на нее. — Может быть, там?

Антон кивнул и пошел вперед. Как только все трое оказались внутри, Яромир закрыл дверь. Комната действительно была маленькой, с одним столом, двумя стульями и без окна. Несколько свечей горели из-за стола.

— Яромир, — сказал Антон, — это Леонидис, мой мастер меча, когда я был мальчиком. Он служил моему отцу много лет.

Нежность в его голосе была нескрываемой и необычной, так как Антон почти всегда скрывал свои эмоции. И снова Яромир почувствовал неуверенность. Поэтому он просто вежливо кивнул.

— Сядь и отдохни, — сказал Антон.

С благодарным выражением лица Леонидис опустился в кресло.

— Мой отец здоров? — Спросил Антон.

— Он здоров, — проворчал Леонидис. — Но у него есть проблема, очень сложная, и ему нужно, чтобы ты немедленно занялся ею.

— Я?

Леонидис откинулся назад и нахмурился, словно собираясь с мыслями.

— Помнишь, лет пять назад твой отец купил Рязанские серебряные рудники на северо-западе?

Антон не ответил, но Леонидис, казалось, ничего не заметил.

— Эти мины оказались хорошей покупкой, — продолжал мастер меча. — Твой отец послал отряд своих гвардейцев разбить лагерь и нанять рабочих для добычи серебра. На протяжении многих лет он менял людей, размещенных там... как глупо оставлять кого-то в этой дикой стране слишком надолго. Но шахтеры все еще копают, и серебро все еще выходит.

Антон в замешательстве покачал головой. — А теперь возникла проблема?

Леонидис даже не взглянул на него. — Несколько месяцев назад твой отец получил сообщение, в которое почти не верил, сначала не верил. Нынешний контингент находится там всего около четырех месяцев, но даже за короткое время эти леса могут многое сделать с разумом человека. Здесь командуют капитан Киган и лейтенант Саллиан. Киган написал твоему отцу, что несколько молодых солдат под его началом были убиты... — Он сделал паузу. — Ну, они превратились в зверей, сошли с ума, и их пришлось убить.

— Что? — Спросил Антон.

Леонидис кивнул. — Твой отец прислал небольшое подкрепление, но когда в замок Пален стали поступать новые сообщения, он начал думать, что эти истории-не просто лесное безумие. К этому моменту восемь наших охранников были мертвы, а потом... две недели назад лейтенант Саллиан превратился в одного из этих зверей, и его пришлось убить.

— Это чепуха, — сказал Яромир, не в силах больше молчать. — Первоначальные инстинкты принца Ливена были верны.

— Это не чепуха, — решительно заявил Леонидис, и его голос разнесся по комнате. Он

снова посмотрел на Антона. — И эти люди, превратившиеся в зверей, слишком часто убивают шахтеров, прежде чем они сами могут быть убиты. Некоторые из рабочих, с подписанными контрактами, были пойманы при попытке ускользнуть ночью. Производство почти остановилось, и твой отец хочет решить эту проблему. Он хочет, чтобы серебро снова потекло.

Во всяком случае, Антон выглядел еще более озадаченным, чем раньше.

— Почему он нанял меня для этого?

Как будто в согласии с замешательством, Леонидес пожал плечами и ответил: «Честно говоря, парень, я не знаю. Он сказал, что вы умны — с чем я не спорю — и послал меня сюда так быстро, как только я мог ехать. — Сунув руку под броню, он вытащил листок бумаги. — Да, и еще он прислал письмо.

Антон быстро просмотрел содержимое письма и протянул его Яромиру.

Яромир взял его и прочитал отчет обо всем, что только что рассказал Леонидис, но его взгляд остановился на двух тщательно составленных предложениях:

Я узнал, что недавно вас беспокоила похожая, казалось бы, неразрешимая проблема, и все же вы справились с ней. Я поручаю вам решить это дело для меня, и как можно быстрее, но если это окажется слишком для вас, я могу передать это дело вашему брату.

Его взгляд метнулся к лицу Антона. Во-первых, откуда принц Ливен узнал об их «проблеме» прошлой весной? Они ничего ему не сказали. Во-вторых, это был тест, простой и понятный. Отец Антона хотел решить эту проблему и поручил ее Антону... вместе с завуалированной угрозой схватить вместо него Дамека, если потребуется.

Яромир не мог сдержать гнева. Антона и Дамека постоянно натравливали друг на друга, и если бы Яромир имел хоть какое-то право голоса в этом вопросе, Антон не только выжил бы, но и вышел бы на первое место.

У дроевинки не было наследственного короля. Вместо этого это была земля многих принцев, каждый из которых возглавлял свой собственный благородный дом и контролировал множество вотчин. Но... все они служили одному великому князю, и новый великий князь избирался каждые девять лет собравшимися главами знатных домов. Эта система хорошо служила стране уже более ста лет. В настоящее время правил принц Родек из дома Эн-Тес.

Но через два года будет избран новый великий князь.

Антон и Дамек были сыновьями дома Палена. Их отец, принц Ливен, контролировал большую часть западного региона. Он отдал Дамеку, который был старшим братом, старый замок и семь больших феодалов для надзора. Он подарил Антону замок получше, но шесть поместий поменьше. Эти «задания» были шансом для каждого молодого человека проявить себя. Однако в последние дни принц Ливен заметно постарел, и ходили слухи, что вскоре он назначит преемника на пост главы дома Пален. Это было его право выбирать между своими сыновьями, и если победитель будет выбран в течение

следующих двух лет, то этот сын будет иметь право поместить свое имя в Список для голосования на должность великого князя.

Больше всего на свете Яромир хотел, чтобы Антон был в этом списке.

Но эта задача, которую только что потребовал принц Ливен, едва ли казалась справедливой... чтобы остановить отряд солдат в изолированной, густо заросшей лесом местности от превращения в зверей?

Антон посмотрел на Леонидиса. — Вы, должно быть, устали, и я не хочу, чтобы вы

возвращались сегодня. Я прикажу отвести вас в комнату для гостей, чтобы вы могли поесть и отдохнуть, пока я буду писать ответ. Ты можешь отнести его моему отцу завтра.

Стареющий мастер меча вздохнул. — Спасибо, парень. Признаюсь, я уже не так молод, как когда-то.

Яромир открыл дверь и позвал ту же девушку, что и раньше. — Вы не могли бы отвести этого человека в комнату для гостей? — спросил он, и снова это прозвучало как просьба. — Ему тоже понадобится горячая еда.

— Конечно, сэр. Немедленно.

Леонидис последовал за девушкой. Яромир снова закрыл дверь и повернулся к Антону.

— А вы как думаете?

— Даже не знаю. Но мой отец не склонен к фантазиям. Если он верит в эти истории, значит, в них есть доля правды.

Хотя Яромир не хотел соглашаться, он понимал, что Антон был прав. Принц Ливен не был склонен к фантазиям.

— Хорошо, — сказал Яромир. — Главное, чего хочет ваш отец, — это восстановить добычу на рудниках. Рязань находится в четырех днях езды отсюда, и после этого неизвестно, сколько времени уйдет на решение этой проблемы. Мы оба не можем так долго находиться вдали от Сеоны. Я предлагаю, чтобы вы позволили мне лично отобрать отряд наших людей и лично проследить за этим.

Антон несколько мгновений молчал, а потом сказал: — У моего отца есть люди... гораздо больше людей, чем я, вместе с капитанами и лейтенантами, которым он доверяет. У Дамека определенно больше людей, чем у меня. Отец не поручил бы мне эту задачу, если бы считал, что ее можно решить, послав более сильный контингент с лучшим лидером. — Он помолчал. — Кроме того, я встречался с капитаном Киганом, и если он отвечает за шахты, то он рассердится на вас, когда вы примчитесь с демонстрацией силы, и тогда вы будете в ссоре. Нет, он должен верить, что ему посылают «помощь», а не вызов компетентности. К этому нужно подходить по-другому.

— По-другому?

И снова Антон заколебался. — Так или иначе, мой отец знает об убийствах, которые произошли здесь весной. Я не знаю, откуда он знает, но эти убийства были раскрыты и остановлены тремя людьми. — Он встретился взглядом с Яромиром. — Только трое.

Яромир смотрел на него в ответ, и ему не нравилось, к чему все это клонится.

Глава 2

Селин и Амели прибыли в замок тем же вечером и направились напрямик в большой банкетный зал. Пока они шли от входа вниз, по главному коридору, жаровни вдоль стен освещали дорогу. Впервые за это лето Селин не заставляла себя присутствовать на этом мероприятии. Она не боялась тонко замаскированной озабоченности Антона, пытавшегося вежливо выяснить, использует ли она снова свои способности.

Сегодня ночью,... когда он спросил, могла бы она помочь ему... Она, конечно, знала, что его забота отчасти продиктована невыносимой виной за то, что он попросил ее сделать весной — это могло навсегда навредить ей. Сегодня она сможет избавить его этой вины или, по крайней мере, облегчить.

Кроме того, она надела шелковое платье янтарного цвета, которое ему особенно нравилось. Квадратный вырез начинался чуть выше вершин ее груди, усаживался на плечах. Узкие рукава, тонкая талия идеально подходят ей, а пышная юбка, укутывала складками

ткани. Цвет отражал только намек на золото, совпадая с ее темно-белокурыми волосами, которых она лишилась.

Амели, как всегда, была одета в штаны, выцветшую голубую рубашку и короткую куртку. Селин хорошо знала сестру, и даже не предлагала ей что-то другое.

— Что-то не так, — сказала Амели, приближаясь к большой арке банкетного зала. — Нам не встретились другие гости, и я не слышу никаких голосов.

Обратив больше внимания на обстановку, Селин поняла, что сестра права. Обычно они уже слышали бы звуки смеха и болтовни, доносящиеся из зала.

Селин и Амели прошли через арку, ожидая увидеть, возможно, с сотню-другую хорошо одетых гостей, хранящих тишину по каким-то причинам, но нашли обширные палаты почти пустыми.

На одном из длинных столов был накрыт легкий ужин, несколько стражников замка ели холодную ветчину с хлебом и запивали элем. Один из охранников взглянул на них.

До того, как одна из сестер смогла задать вопрос, за ними раздался глубокий голос.

— Селин.

Она обернулась, чтобы увидеть лейтенанта Яромира, идущего к ним.

— Мы ошиблись ночью? — спросила она.

Он покачал головой.

— Нет, банкет отменили.

Заметив напряженное выражение лица, она почувствовала внезапный холод в животе.

— Отменили? Почему за нами не послали? Князь Антон болен?

— Нет, он не болен, и за вами не послали, потому что что-то появилось... — Он запнулся и взглянул на Амели. — Вы обе должны подняться со мной, в его покои.

* *

Амели последовала за сестрой и Яромиром к покоям Антона, изо всех сил борясь со смесью волнения и тревоги. Часть ее не могла не радоваться, что что-то, похоже, происходит, но она и Селин никогда не будут приглашены на частную встречу, как сейчас, если это не было серьезно,... и если Антон не хотел чего-то от них.

Амели закрыла за собой дверь и огляделась.

Большинство князей жили в какой-либо роскоши, но Антон, казалось, предпочитал аскетизм. На стенах были большие гобелены в компании с большим очагом. Но обстановка состояла из грязного письменного стола, нескольких тяжелых деревянных стульев и рядов книжных полок вдоль стен. Это больше походило на палаты ученого, чем на апартаменты князя. Закрытая дверь была на той же стене, что и очаг, Амели знала, что она вела к спальням князя, потому что Селин ухаживала за ним, когда он болел.

Сам Антон стоял рядом с одним из стульев, в простой голубой тунике и черных штанах. Выражение его лица было не менее напряженным, чем у Яромира, что привело к усилению опасений Амели. Затем взгляд Антона остановился на Селин, и он на секунду замер. Она приложила некоторые усилия к своему виду для появления сегодня вечером, и это сказалось.

— Селин... — его глаза задерживались на ее шелковом платье.

— Что случилось? — Спросила Селин, явно обеспокоенно.

Антон жестом пригласил их внутрь. Он открыл рот, как бы готовясь заговорить, и снова закрыл.

— Я едва знаю, с чего начать, — наконец сказал он. — Яромир... возможно, ты мог бы?

...
Яромир провел рукой по голове, и опасения Амели обернулись тревогой.

— Что происходит? — Спросила она. — Это как-то связано с тем посланником, который прибыл сегодня из замка Пэлен?

— Откуда ты это знаешь? — Он быстро покачал головой. — Нет, не важно. Князь нуждается в вашей помощи, чтобы помочь решить ... трудности отца.

— Какие трудности? — Спросила Селин, и Амели внезапно пожалела, что они сегодня вечером приблизились к замку. В течение нескольких месяцев Селин, казалось, была самой собой, а теперь к ней снова вернулся этот призрачный взгляд.

— Вы когда-нибудь слышали о Рязанских серебряных рудниках? — спросил Антон, снова вступая в разговор.

Обе сестры покачали головами. Они прожили всю свою жизнь в Шетане, прежде чем приехали сюда.

— Мой отец владел этими шахтами в течение последних пяти лет, и они оказались вполне... прибыльными. — Он сделал несколько глубоких вдохов, как будто задыхаясь после быстрой ходьбы, а затем снова начал говорить, проливая свет на причудливую историю о солдатах, приписанных к этим рудникам, которые превращаясь в зверей, убивают нанятых подрядчиков, а потом кончают жизнь самоубийством.

Амели напряженно стояла, ожидая, куда заведет рассказ.

— Наконец, отец потерял девять человек от этой беды, по крайней мере, один из которых был офицером, — тихо закончил Антон, — и производство на рудниках зашло в тупик. Он попросил меня разобраться с этим и угрожал обратиться к Дамеку, если я не смогу. — Он закрыл глаза. — Это проверка на лидерство.

Селин не ответила, но ее левая рука слегка дрожала.

— Даже если любая из этих диких сказок верна, — сказала Амели, шагнув вперед своей сестры. — Какое отношение это имеет к нам?

Яромир вздохнул, выглядя крайне несчастно, но Амели не собиралась облегчать ему жизнь. Она хотела точно знать, почему ее и Селин притащили сюда выслушивать это.

— Принц Антон считает, что отправка нового контингента не поможет, — наконец ответил Яромир. — Он хочет, чтобы мы втроем, ты, я и Селин, решили это,... как мы это делали раньше.

— Нет! — Выплюнула Амели. В последнее время она чувствовала себя бесполезной и беспомощной, Селин никуда не денется от такой-то кучи солдат Пэлена, которые, как сообщается, превращаются в «зверей».

— Я могу держать вас обоих в безопасности, — настаивал Яромир. — Я буду с вами, пока ты и Селин используете свои способности, чтобы выяснить, что происходит. У меня не будет никакой другой задачи, кроме как защищать вас. Когда вы узнаете правду, вы передадите ее мне, и я буду действовать,... как и в предыдущий известный нам раз.

— Вы хотите, чтобы мы читали этих солдат, — тихо спросила Селин, — их прошлое и будущее, и выяснили, что с ними происходит?

— Я бы никогда не попросил тебя об этом, — рьяно отозвался Антон. — Я не хочу тебя посылать... — Он замолчал. — Но это первый раз, когда мой отец попросил меня о личной услуге. Я не могу отказать. Я не могу потерпеть неудачу, и это невозможно решить силой. — Он шагнул ближе к Селин. — Мы с Яромиром планировали весь день и придумали несколько вариантов. Я пошлю тебя и Амели, как моих придворных дам, личных целителей

и провидец, чтобы обеспечить вам должное уважение со стороны солдат, расположенных в Рязани. Для самой поездки Яромир возьмет небольшой отряд моих собственных охранников, и, в качестве дополнительной защиты, мы оденем вас обеих в красные плащи.

Амели захотелось покачать головой, сетуя на своё «положение при дворе». Древинка часто

находилась в состоянии гражданской войны, даже нескольких небольших войн между домами. В прошлом путешественники-целители, которые пытались помочь раненым солдатам, часто сами бывали убиты на дорогах, как шпионы или вражеские дружинники. Почему-то — и никто совершенно не знал, с чего это началось — они стали носить красные плащи, пытаясь отличить себя. Тем не менее, слишком многие из них были потеряны, и страна столкнулась с нехваткой квалифицированных целителей. В результате, все князья собрались и согласились, что ни одна фракция не причинит вреда тем, кто в красных плащах.

— И вы думаете, что эти плащи защитят нас от безумцев, превращающихся в «зверей»? — Серdito спросила Амели.

— Нет — заявил Яромир. — Это сделаю я.

К усиливающемуся беспокойству Амели, дрожь в левой руке Селин становилась все сильнее. — Вам нужно будет одеться как путешествующие придворные дамы, — добавил Антон, взглянув на штаны Амели.

Ооо, становилось всё лучше и лучше.

— Мы ещё не согласились никуда идти, — сказала она ему.

Его лицо потемнело, и она боролась, чтобы удержать язык за зубами. Антон, как правило, хорошо воспитан, но, как и все князья своего народа, он был военачальником, который держался за власть, и ожидал, что ему беспрекословно повинуются.

— Я прошу вас сделать это для меня, — сказал он твердо.

Не думая, Амели взорвалась единственным возможным способом, заявив собственные требования.

— Что нам с того?

Селин ахнул, лицо Яромира в шоке вытянулось. Он смотрел на нее, как на незнакомку.

Через мгновение Амели пожалела о своих словах и с удовольствием забрала бы их обратно. Они, возможно, оказали Антону услугу прошлой весной, но он не только дал им безопасное убежище и свою защиту; он дал им аптеку с прилегающим травяным садом, тем самым обеспечив всеми средствами к существованию. Они были обязаны ему больше, чем могли когда-либо отплатить.

Только Антон не растерялся от ее требований. Вместо этого, он оглядел её сверху донизу, как будто она была простачкой.

— В награду, вы можете получить меня, как великого князя вашего народа. Разве вы бы предпочли Дамека?

Амели смущенно посмотрела в сторону.

— Мы не можем отказаться, — прошептала Селин.

Все замолчали, и, когда Антон снова взглянул на шелковое платье Селин и на распущенные волосы, настала его очередь выглядеть смущенным. Но смущение быстро прошло, и он вытянулся в полный рост.

— Идите домой, и отдохните этим вечером, — сказал он. — Возвращайтесь в замок завтра и повидайтесь с Хельгой. Не утруждайте себя другим багажом, кроме лекарственных

средств, которые вы, возможно, пожелаете взять. Хельга соберет ваш багаж и подготовит к путешествию. Вы выйдете в полдень. — Он сделал паузу. — Клянусь, Яромир не даст причинить вам вреда.

Селин не встретила с ним глазами, но кивнула.

* *

На следующее утро, после почти бессонной ночи в собственной постели, Селин оказалась в замке, в комнате для гостей, в ловушке между двумя очень волевыми женщинами.

— Я не ношу их, — настаивала Амели.

— О да, ты, девчонка, — возразила Хельга, засовывая её в зеленое шерстяное платье, которое зашнуровывалось спереди, как и белая хлопковая сорочка Амели. — Его лейтенант-величество говорит, что вы едете в маскировке для собственной безопасности, так что смотри! Теперь снимай эти штаны, или я привяжу тебя к постели и стащу их сама.

Глаза Амели сузились.

— Можешь попробовать.

Хельга откинулась на стул, сдвинула платье на одну руку и сжала кулаки. На вид ей было, по

крайней мере, лет семьдесят, пучок густых белых волос частично покрывал оранжевый платок. Морщинистое лицо было загорелым, она носила выцветшее домотканое платье, которое, возможно, когда-то было фиолетовым.

— А что с твоей сестрой? — Обвинила она. — Лейтенант Его Величества говорит, что вы будете в безопасности, если приедете в качестве придворных дам, которые к тому же в красных плащах. От этого зависит и безопасность госпожи Селин. Если ты появишься одетой, как мальчишка-хулиган, рассказ Яромира не продержится ни минуту, и если эти солдаты не поверят тебе, ей они тоже не поверят. Что тогда произойдет?

Амели стояла, дрожа от ярости, но, со стиснутыми зубами, наконец-то протянула руку.

— О, дай его сюда.

Селин тихонько вздохнула с облегчением, но это был первый и единственный намек на облегчение, которое она почувствовала со вчерашнего вечера. Как бы ни была важна эта задача, часть ее не могла поверить в то, о чем просил Антон. Она думала, что он заботился о ней всё это время, давая все необходимое для лечения. Но... оказалось, он просто не требовал её помощи до поры до времени, и как только потребовалось, не стал колебаться. Хуже того, несмотря на мастерство Яромира владения мечом, Селин и Амели подвергались опасности — и Антон это знал.

Селин не могла не почувствовать онемение. Всё было не так, как она думала.

Амели сердито сняла свою выцветшую синюю рубашку, Хельга отступила назад и осмотрела лавандовое шерстяное платье, которое надела Селин.

— Хорошо. Это хорошо. Дамы во время путешествия носят шерсть. Теперь, подойди и посмотри, что я упаковала для тебя.

Немного поколебавшись, Селин решила подчиниться, она не могла не смотреть на Хельгу с любовью. Хотя старушка официально считалась слугой здесь, в замке, Селин подозревала, что она была большим. Во-первых, все остальные относились к Яромиру с уважением и почтением — порой даже со страхом, — но Хельга, саркастически называя его "Его лейтенант-величество», имела склонность им командовать... и по какой-то причине он позволял ей это.

Более того, Хельга помогла Селин и Амели понять, кто они такие и откуда родом их мать: мондьялитко или «маленькие дети мира», путешествующие цыгане.

До прибытия в Сеон, Селин и Амели мало знали о своем происхождении.

Их отец был деревенским охотником в Шетане, однажды, он ушел на долгую охоту, которая длилась несколько недель, с которой вернулся с их матерью и женился на ней. Затем пара построила аптеку и завела маленькую семью. Когда Селин и Амели стали достаточно взрослыми, их мать научила их читать. Она передала Селин свои знания о травах и способах исцеления — но ничего не говорила о ее собственном прошлом.

Ни одна из сестер никогда не слышала термин «Туманный провал», прежде чем Хельга объяснила им, что они не только родились от матери мондьялитко, но и обладали особым даром под названием «Туманный провал», благодаря которому каждая из сестёр обладала особой силой. Как сестры Селин и Амели были двумя сторонами одной монеты: одна умела читать будущее, другая могла читать прошлое.

Это знание изменило их жизнь.

— Я упаковала по два шерстяных платьев для каждой, — говорила Хельга, — и официальное платье для вас обеих, если вдруг капитан Киган окажется одним из тех офицеров, которые любят развлекаться.

Амели оглянулась, ее лицо покраснело.

— Я думала, что мы будем в глубине леса.

Хельга задумчиво кивнула, заставив ее платок снова съехать на глаза.

— Да, но некоторые из капитанов, размещенных в глуши, настаивают на том, чтобы привезти свое вино и посуду, и пытаются делать вид, что они не в лесу. Его лейтенант-величество понятия не имеет, что вас ожидает, и сказал мне, чтобы вы были ко всему готовы.

— Спасибо, Хельга — сказала Селин. — Мы знаем, что вы пытаетесь помочь.

Хельга хмыкнула и вернулась к большим дорожным сумкам.

— У меня здесь есть чулки, смены чистого белья и щетки для волос. У вас есть зелья, которые вам нужно собрать?

Селин прикусила внутреннюю часть щеки при слове «зелья» и подошла к двери, чтобы достать большую коробку припасов, которую она привезла из магазина. Как и Яромир, она понятия не имела, на что они идут, и хотела быть готовой к любым непредвиденным обстоятельствам.

— Найдется место в повозке с провизией? — спросила она.

— Лейтенант освободит место, — ответила Хельга, поднимая коробку.

— Я едва могу двигаться в этом, — жаловалась Амели.

Взглянув на сестру, Селин увидела, что она пытается размахивать руками в зеленом платье.

— Ты привыкнешь к этому, — сказал Селин почти сердито. В самом деле... у них было бы меньше волнений, если бы Амели не заставили отказаться от ее штанов и надеть платье.

— Цвет подходит тебе, — сказала Хельга.

Действительно, оттенок лесной зелени гармонировал с бледной кожей Амели. Платье было простым, с длинными рукавами, с прямым вырезом. Юбка была не слишком пышной, хотя она казалась довольно длинной. Надеюсь, она не споткнется.

Пригнувшись, Амели засунула свой кинжал в ножны внутри сапога.

Хельга подняла пару ярких красных плащей, лежащих на кровати.

— Лучше наденьте это. — Она протянула один. — Принц Антон купил их в деревне сегодня утром. Я слышала, он заплатил целое состояние.

Селин в этом не сомневалась. Оба плаща были прекрасного качества, окрашенные богатым оттенком алого. Только принц мог позволить себе в любой момент купить две такие готовые вещи.

Амели протянула руку и коснулась его.

— Разве это не сделает нас похожими на придворных дам, просто играющих в целительниц?

Селин взяла плащ и надела его, оставив капюшон свободно лежать на плечах.

— Это не важно. Единственное, что имеет значение, это то, чтобы этот капитан Киган поверил, что мы придворные провидицы и целительницы Антона, направленные ему на помощь.

По иронии судьбы, они обе были придворными провидицами и умелыми целительницами, но никто в Рязани не мог знать, что они были крестьянками, которые еще несколько месяцев назад влачили жалкое существование в крошечной, грязной деревне под суровой властью жесткой руки Дамека. Им будет необходимо проявлять уважение, если они намереваются провести надлежащее расследование.

В ответ Амели тоже надевала свой плащ.

Повернувшись, Селин заглянула в высокое зеркало на подставке в углу. Рядом с ней стояла Амели, они предстали, как два респектабельных молодых целителя, готовых к путешествию.

— А как же твои волосы? — Спросила Амели.

— Если кто-то спросит, мы скажем им, что у меня была лихорадка, и пришлось отрезать их, скоро они отрастут обратно.

— Что ж, тогда мы готовы?

Селин не ответила. Все это происходило слишком быстро, она не чувствовала себя готовой.

* *

Незадолго до полудня Селин обнаружила себя во дворе замка, стоящую возле шумного собрания солдат и лошадей, тем временем, Яромир отдавал приказы по подготовке к отъезду. На нём была кольчуга поверх камзола герольда замка Сеон, с вложенным в ножны длинным мечом на левом бедре.

Амели наблюдала за тем, как их дорожные сумки уложили в повозку, но Селин, казалось, была не в состоянии говорить или двигаться. Часть ее все еще не могла поверить, что только вчера вечером она подошла к замку, с нетерпением ожидая участия в банкете.

Она чувствовала себя потерянной, как будто всё вышло из под контроля и её несет течением, вместо того, чтобы направляться своей дорогой.

— Ладно, — скомандовал Яромир. — Берем провизию и закрепляем.

Селин взглянула на мужчин, которых он выбрал. Хотя она не была удивлена, но слегка расстроилась, заметив капрала Павла на стороне Яромира. Павел был высокого роста, долговязым, с темными, коротко стриженными волосами. Он считался довольно хорошим рубакой в сражении, поэтому Яромир зачастую брал его в поездки. Но Селин была очень

осторожна насчет Павла. У него был хорошо скрытый характер, и хотя он никогда не навредил Селин, но подошел слишком близко, она старалась избегать его, когда это было возможно.

Однако она была удивлена, увидев гвардейца Рюрика в этой же компании. Он был маленьким человечком с вьющимися светло-коричневыми кудрями до плеч. Он был известен как самый быстрый наездник под командованием Яромира, поэтому ему предложили должность посредника между Антоном и его отцом.

Казалось маловероятным, что Антон захочет расстаться с ним на какое-то время.

Тем не менее, Яромир, похоже, очень доверял Рюрику, и когда Селин и Амели впервые показались во дворе утром, Яромир приступил к приготовлению немного более тщательно. Он выбрал пятнадцать человек в качестве эскорта, которых хорошо знал из рядов Сеона, и у него была повозка с провизией. Как только они подъедут к Рязани, с ним останется капрал Павел, остальные отправятся обратно в Сеон, поскольку Антон не хотел, чтобы они появились в лагере полным составом. Яромир позже отправил бы Павла, чтобы организовать сопровождение, чтобы безопасно сопроводить их домой, как только... трудность будет решена. Антон и Яромир считали, что отряд разобьёт условный лагерь где-нибудь в лесу и будет ждать. Но неизвестно, сколько времени понадобится Амели и Селин на то, чтобы решить ситуацию — возможно, недели — и, в конце концов, они решили, что это лучший вариант, если люди просто вернутся в Сеон и выдвинутся обратно, когда это будет необходимо.

Однако суть всего этого предполагала, что поездка не будет краткой. Это было ясно. Так что Селин попросила Эрину, дочь кузнеца, приходить каждый день проводить Оливера в магазине, приносить ему молоко и убедиться, что у него есть свежая вода. Селин оставила задний затвор открытым, так что он мог легко войти и выйти, и свободно охотиться, она хотела, чтобы он знал, что не был брошен, что магазин по-прежнему его дом.

И теперь она просто ждала, чтобы отправиться в путешествие, от которого не могла отказаться.

— Я сам выбрал лошадь, — сказал мягкий голос позади нее.

Повернувшись, она обнаружила, что Антон стоит, глядя на её красный плащ.

— Хочешь с ней познакомиться? — спросил он.

Лицо его было нечитаемым, но голос напряжен, глаза блестели от страдания. Внезапно все ее онемение исчезло. Он не хотел посылать ее на эту работу. Он выглядел таким же потерянным, как и она от всей деятельности, происходящей в этом дворе.

Пытаясь улыбнуться, она ответила:

— Да, пожалуйста, представьте нас.

Она последовала за ним к пятнистой серой кобыле с полотняной уздечкой и попоной под седлом.

— Ее зовут Соболя, — сказал Антон. — Она кроткая, но быстрая.

Селин не умела ездить верхом, поэтому просто кивнула, погладила мягкий нос Соболя.

— Спасибо.

Страдание в его глазах усилилось, и он наклонился ближе.

— Селин, я не хотел просить вас об этом ... только не об этом. Но я не могу подвести отца, и я не вижу другого выхода. У тебя и Амели есть шанс узнать, что происходит на этих рудниках, тогда Яромир сможет это остановить. Больше никого нет. — Он остановился. — Понимаешь? Дело не во мне. Речь идет о будущем Древинки.

Его обычно высокомерный голос звучал с болью, она не была уверена, как ответить. Она действительно понимала, и не могла даже представить Дамека как великого князя, наделённого властью над жизнью и смертью народа.

— По коням! — скомандовал Яромир.

Селин взглянул на Амели, которая вскарабкалась в дамское седло на маленьком черном мерине. Амели тоже не знала, как ездить, а сидеть на лошади с ногами на одной стороне вряд ли облегчало ситуацию. Само понятие дамского седла поразило Селин, так нелепо, но она и Амели должны быть придворными леди.

Антон схватил уздечку Соболя и помог вставить ногу в стремя. К счастью, она сумела приподнять себя и поместиться в собственном седле с небольшим изяществом.

Затем она опустила глаза. Перед отъездом ей нужно было что-то сказать Антону. Она чувствовала себя иначе, чем несколько минут назад. Его выход сюда, чтобы увидеть ее, выразить свое сожаление и нежелание, заставил ее понять важность того, о чем он просил.

— Мы не потерпим неудачу, — сказала она. — Клянусь, ваш отец не будет разочарован, он увидит вас лидером, способного подойти к любой задаче, любой проблеме и найти способ ее решить.

Он посмотрел вверх.

— Селин...

— Клянусь, — повторила она.

Затем ей удалось повернуть кобылу и последовать за Амели и Яромиром к воротам замка, с отрядом из пятнадцати солдат и повозок, идущих позади них.

Глава 3

Два дня спустя спина Амели стала нестерпимо болеть. Ноги от верховой езды на лошади спасала одежда, но для спины не нашлось компромисса. Каждый шаг посылал новый раздражающий укол боли в позвоночник. Поскольку отряд путешествовал по грунтовой дороге, сильно заросшей лесом, она всерьез подумала о том, чтобы спросить Яромира, могут ли она и Селин привязать своих лошадей к повозке и некоторое время проехать на ней.

Только две вещи остановили ее.

Во-первых, «придворные дамы», вероятно, не должны быть замечены, сидящими поверх повозки, будто дополнительный багаж.

Во-вторых... Яромир не смотрел на нее с тех пор, как началось путешествие. На самом деле, он не смотрел на нее с той ночи в покоях Антона. Она ожидала, что он начнет дразнить ее зеленым платьем и шутить о том, что, ее, наконец, заставили нацепить юбку, — и боялась, что он это сделает.

Но он не делал.

Он не сказал ни слова.

С каким-то щемящим чувством, она думала, что знает, почему. Он был так потрясен, когда она потребовала от Антона: «Что нам с того?»- и с тех пор он не смотрел на нее. По правде говоря, она должна быть заинтригована, танцевать от радости, что она наконец-то сделала что-то, чтобы он перестал дразнить ее, флиртовать, пытаясь сделать ее похожей на него. Она знала его репутацию, потому что прошла через череду женщин, и она не собиралась быть просто еще одной девушкой в его длинном списке.

Но все же... он разозлился на нее? Неужели ее слова Антону так потрясли, что его мнение о ней навсегда изменилось? Неожиданно для себя она обнаружила, что невероятно расстроила его.

— С тобой все в порядке? — устало спросила Селин, очередной раз вздрагивая от резкого шага лошади.

— Хорошо.

Понимая, что ее лицо, должно быть, что-то выдало, Амели отодвинула все мысли о Яромире. Вместо этого она пыталась игнорировать свою больную задницу и сосредоточиться на путешествии. Часть ее всегда хотела путешествовать, но шанс выпадал редко. Однажды, в юности, она побывала в великом городе Энске, но сегодняшнее путешествие проходило будто в тумане.

Теперь она попыталась отследить путь, которым они следовали.

Замок Шона был расположен на юго-западе Древинки, недалеко от Белашкинской границы. Несмотря на то, что Яромир хорошо ориентировался, у него была карта, он иногда останавливался и сверялся с ней. Сначала он повел их по хорошо укатанной дороге прямо на восток, а затем повернул на север. Она слышала, как несколько солдат заметили, что рязанские серебряные рудники были в верхней Древинке, прямо на Стравинской границе. Но она не могла не заметить, что чем дальше они продвигались на север, тем гуще, казалось, росли деревья, а дорога стала более узкой и извилистой. Осенью здесь будет сплошная слякоть.

Погода в Древинке обычно была склонна к холоду и сырости, порой даже летом. Амели привыкла к этому.

Но к концу второго дня пути она начала находить окружение прямо угнетающим. Дневной свет исчез, а старые деревья вдоль узкой дороги были усеяны мхом, который свисал скудными бородами на некоторых ветвях. Поверх аромата суглинка и дикой листвы витал вездесущий тонкий запах гниения. Кстати, несколько солдат взглянули на деревья, и она увидела, что она не одна заметила жуткое состояние леса.

— Небольшая поляна впереди, — позвал Яромир. — Мы разобьем на ней лагерь на ночь.

— О, слава богам, — тихо сказала Селин. — Я не могу дождаться, когда сойду с этой лошади.

Через несколько минут они съехали с дороги и спешили, началась знакомая рутина.

Несколько солдат занялись лошадьми, другие стали искать хворост для костра, а третьи распаковывали провизию. По возможности Амели и Селин пытались помочь, но люди Яромира были хорошо обучены, и Амели чувствовала себя полезнее, чем это было на самом деле.

— Вултер и Риму, — сказал Яромир паре мужчин, указывая на запад. — Чуть ниже этой поляны есть ручей. Идите и принеси воды.

Он уже знал о ручье до привала? Яромир, казалось, планировал все, и умело отдавал приказы. К счастью, он упаковал небольшую палатку, и каждый вечер один из солдат устанавливал ее для Амели и Селин, чтобы им не пришлось спать под открытым небом.

К наступлению полной темноты лагерь был установлен, вода кипела для чая, несколько мужчин раздавали порции говядины, яблок и печенья. Амели, с ужином в одной руке, перешла поближе к костру. Ей пришлось держать другую руку свободной, чтобы приподнять более чем раздражающий подол юбки. Она все еще ненавидела это платье и не думала, что привыкнет к нему. Красный плащ ее так не беспокоил. По крайней мере, в нем было тепло.

Несколько солдат сели рядом с ней. Распорядок дня для лагеря и еды был точно таким же, как и прошлой ночью, но сегодня вечером... что-то было по-другому. Люди все время поглядывали в сторону густого темного леса, а длинные, рваные бороды мха на ближайших деревьях выглядели как черные веревки, будто ожидая, чтобы запутать того, кто будет достаточно глуп, чтобы приблизиться.

Даже Рюрик, гвардеец, который был известен своей жизнерадостной природой, молча сидел с опущенными глазами, вгрызаясь в яблоко.

— Как будем развлекаться? — Улыбаясь, просила Селин, проходя через сидящих солдат, и вставая у костра. — По мне, вы все выглядите мрачно.

У нее не было еды, плащ был отброшен за плечи, чтобы руки оставались свободными. Амели не могла не почувствовать восхищение своей сестрой. У Селин было несколько недостатков, будучи слишком чувствительной для других, но иногда эта чувствительность могла быть полезна. Вероятно, последние несколько часов она чувствовала беспокойство мужчин еще более остро, чем Амели.

Разница заключалась в том, что Селин может что-то с этим сделать.

— Гвардеец Вултер, — сказала Селин, поворачиваясь к молодому человеку с морковно-рыжими волосами. — Я видела вас на рынке на прошлой неделе, пытающимся завоевать Эсмеральду, красивую дочь мясника, и я видела, что она оставила вас в сомнениях.

Несколько солдат перестали жевать и ухмыльнулись, когда лицо Вултера стало красным, как его волосы.

— Хотите знать, как вам привлечь её внимание в следующий раз? — Спросила Селин.

— Я хотел бы знать, — отозвался Рюрик, с полным ртом яблока.

Некоторые рассмеялись.

Стоя там, со сверкающими волосами от света костра, с темнотой позади нее, в красном плаще, отброшенном назад, Селин каждым дюймом выглядела красивой цыганской гадалкой.

— Вы хотите знать? — Осторожно спросила она Вултера, и он кратко кивнул.

Подойдя, Селин взял его за руку.

— О, очень многообещающе, — сказала она, глядя ему в ладонь. Она на самом деле не пыталась использовать свои способности и увидеть его будущее, но мужчины этого не знали. В течение пяти лет, до того, как проявилась ее истинная сила, Селин хорошо зарабатывала, притворяясь, что читает будущее. Она точно знала, что сказать и сделать.

— Отец Эсмеральды заставляет свою семью есть слишком много мяса, — объявила она, все еще глядя в ладонь Вултера. — Я вижу здесь, что в следующий раз, когда вы ее увидите, вы принесёте ей небольшую булочку с корицей и клубнику, которые она обожает, — и она будет очень приветлива и рада видеть вас. Ваши знаки внимания будут с радостью приняты.

Большинство мужчин теперь улыбались, Селин повернулась к солдату с серебром на висках.

— У вас есть вопрос. Я вижу это по вашему лицу.

Она был искусна в чтении лица. Она всегда это умела.

Солдат колебался, а затем сказал:

— Я хотел бы получить еще одного жеребенка от моей кобылы, Аспен, но она становится старше, и я не хочу ее потерять. Будет ли она в безопасности, если я попробую?

Это был более сложный вопрос. У Селин было много друзей в деревне, и она могла знать, что Эсмеральда питает слабость к коричневым булочкам и клубнике. Однако, хотя эта новая задача была не такой забавной, как у Вултера, все люди у костра внимательно слушали,

заинтересованные ответом.

Селин не колебалась. Подойдя, она взяла руку мужчины и посмотрела на его ладонь, провела пальцем по центральной линии.

— Нет, вы мудры, раз обеспокоены. Я вижу ее в беде, если она снова родит. Если хотите сохранить ее в безопасности, вы не должны пробовать.

У Амели было ощущение, что это и есть ответ. Селин, когда сомневалась, обычно ошибалась по поводу безопасности, но она также сумела похвалить солдата за его мудрость и в то же время, вероятно, сказала ему то, что он хотел услышать.

Селин огляделась по кругу и снова улыбнулась.

— Кто следующий?

Амели перестала слушать и слегка повернула голову, пытаясь заглянуть себе за спину.

Яромир стоял вне круга сидящих мужчин, наблюдая за Селином с благодарностью на лице. Он не был дураком, и, должно быть, чувствовал нервозность людей, когда они разбивали лагерь.

Теперь Селин облегчила ситуацию.

Тем не менее, нежелательная волна несчастья захлестнула Амели.

По какой-то причине — и она понятия не имела, почему... она не хотела, чтобы Яромир плохо думал о ней. Это было против ее природы, чтобы объяснять или извиняться. За всю свою жизнь она несколько раз испытала это с Селином. Но Селин всегда прощала ее с большой теплотой.

Яромир не был человеком, известным своим теплом.

Тем не менее, не позволяя себе думать, Амели поднялась на ноги. Она не могла пойти в другой день, оставив всё так, как было.

Пробираясь за пределы круга, она почти отшатнулась, когда Яромир увидел, как она приближается, и выражение его лица стало каменным. Как бы она себя чувствовала, если бы попыталась объяснить всё себе, ее попытка что-нибудь изменила бы? Унижение было бы слишком большим.

Но она не могла остановиться.

— Яромир, ... — пыталась она начать.

Он оглянулся на костер, и ее сердце сжалось.

— Я хотела... — заикалась она. — Я хотела сказать, что я не имел в виду то, что сказала в покоях князя Антона.

Он быстро повернул к ней голову, уронив взгляд ей на лицо.

— Мы с Селин росли в бедности, — бросилась она. — Мы должны были просить оплаты или торговаться за все, что мы сделали для других. То, что я сказала,... это просто вылетело. Я чувствовала себя загнанной в угол, а когда это происходит, я всегда говорю не то. Но я не это имела в виду. Я благодарна за все, что Антон сделал для нас, и я... Извини меня.

Вся твердость его лица исчезла, карие глаза стали мягкими.

— Не извиняйся. Ты знаешь, я жил как наемник когда-то, бедный и голодный, и эти шрамы никогда не заживают. Я должен был понять. Теперь ты здесь, и ты готова помочь. Давай больше не будем об этом говорить.

Амели недоверчиво моргнула. Она потянулась к кому-то, кроме Селин, и он вернулся. Он был добр. Она не знала, что сказать.

— Кроме того, — добавил он. — Это путешествие стоило того, чтобы увидеть тебя в этом платье.

— Ну, не привыкай! — Огрызнулась она, прежде чем смогла остановиться.

Он сверкнул улыбкой.

Она не вернула улыбку, но ей стало намного лучше.

* *

Селин продолжал развлекать мужчин, пока они не закончили ужин. Профессионально она не читала по руке, и, конечно, делала это не так, как надо, но она отлично опиралась на свои глубоко укоренившиеся навыки в умении читать лица и эмоции, и сегодня ее единственной целью было — отвлечь и помочь людям немного расслабиться в этом гнетущем лесу. И она преуспела. Оглянувшись, она увидела, что Амели разговаривает с Яромиром, и это зрелище порадовало ее. В этой поездке Яромир был немного безразличным, и независимо от того,

насколько Амели притворялась, было ясно, что она обеспокоена.

— Хорошо, — сказала Селин, — мне тоже нужно поужинать. Она сделала шаг от костра.

— О, еще разочек, — умолял Рюрик, его коричневые кудри выглядели вялыми в сыром ночном воздухе. — Жена сержанта Базина снова бросила его, выбросила одежду на улице и все такое. Это было нечто. Можете посмотреть, вернет ли она его обратно?

Коренастый страж среднего возраста подавился чаем и огляделся.

— Рюрик!

— Ну, разве ты не хочешь знать? — Спросил Рюрик.

Но Селин не заинтересовалась. Помахав Рюрику, она снова начала двигаться. Приближаясь к краю круга, она остановилась.

Капрал Павел стоял у темного дерева, глядя на нее. Она поняла, что он, должно быть, стоял там, в тени, наблюдая за ней все время, не присоединяясь. Он был грустным, наверняка голодным, и она боролась с чувством жалости к нему. Его настроение может быстро измениться. Она недооценила его однажды, и это едва не обошлось ей дорого.

Изменив направление, она пошла дальше в сторону Яромира и Амели.

— Я спущусь к ручью, чтобы умыться, — сказала она, проходя мимо них.

— Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — Спросил Яромир.

Вероятно, в одном из ведер осталось немного воды, но Селин действительно нужно для себя несколько минут.

— Нет, я скоро и хорошо вижу ночью. Мне просто нужно смыть пыль.

Облака разошлись, и лунный свет лился через деревья. Она пробралась вниз по склону, прислушиваясь, как вода несется на небольшом расстоянии внизу. Сверху до неё доносились голоса мужчин, когда они разговаривали вокруг костра, опустившись на корточки, Селин зачерпнула ладонями холодной воды и поднесла их к лицу.

Ее первый момент уединения за несколько дней.

Часть ее не хотела останавливаться на том, что ждало впереди,... но ее обещание Антону, что она не потерпит неудачу... Однако, успех заключался не только в том, чтобы заставить нескольких мужчин смеяться возле костра. Ей нужно будет прочитать солдат в Рязани по-настоящему, призвать свои способности и, по всей вероятности, увидеть кровь и смерть в чем-то будущем.

Могла ли она повторить это снова?

— Селин, — сказал тихий голос у нее за спиной.

Все еще находясь вприсядку, она с тревогой обернулась, чтобы увидеть Павла, стоящего в нескольких шагах. Неужели он следовал за ней сюда? Его выражение было по-прежнему печальным.

Весной, когда она занималась для Антона расследованием серии убийств, они с Павлом подружились. Она знала, что он был увлечен ей, и однажды использовала это в своих интересах. Когда она с Яромиром разошлись во мнениях о том, как защитить потенциальную жертву, она попыталась обойти авторитет Яромира и в итоге предложила Павлу чашку чая с опиумом, так как он охранял жертву. Он взял чай из ее рук, думая, что она благоволит ему своим вниманием. Вскоре, выпив чая, он заснул, позволив ей скрыться за пределами замка для лучшей защиты жертвы.

Да, это было сомнительное действие с ее стороны, но в то время это казалось ей единственным верным способом.

Павел получил выговор, и после этого, в гневе, загнал Селин в лачугу и напугал ее. Позже он пожалел об этом, но это не имело значения. Она больше не доверяла ему. Хотя он держал эту свою темную сторону скрытой большую часть времени, она увидела её.

— Почему ты не хочешь поговорить со мной? — Спросил он. — Ты так злишься, что даже не хочешь говорить?

Оглянувшись по склону, она осознала, что они были одни. Она не рассердилась. Она боялась его.

— Мне нужно вернуться к Амели.

Она попыталась пройти мимо, но его правая рука скользнула, схватив ее за запястье. Прежде чем она поняла, что происходит, он прижал ее спиной к дереву. Она ахнула, инстинктивно

уперлась ему в грудь. Кажется, он не заметил, что она борется.

— Ты меня наказываешь? — Прошептал он ей на ухо. — Ты знаешь, что мне жаль за то, что случилось раньше ..., но ты играла со мной, обманывала меня, выставляла меня дураком перед лейтенантом. — Он поднял левую руку и коснулся ее щеки. — Это все в прошлом.

Ее ум судорожно пытался успокоиться и освободиться, когда он опустил руку ей на лицо, к ее горлу, она не могла удержаться, пытаясь выкрикнуть.

— Амель...

Мгновенно его рука накрыла её рот, глаза вспыхнули от гнева.

— Ты останешься здесь и поговоришь со мной! Скажи мне, что я должен сделать, чтобы ты простила меня и перестала наказывать.

Она не могла двигаться в его хватке, изо всех сил пытаясь дышать носом. Каким-то образом она ухватила его за запястье, пытаясь оторвать его руку от своего рта.

— Павел, пожалуйста, — попробовала она сказать ему в ладонь, но звук был приглушенным.

— Капрал! — Рявкнул глубокий голос.

Тело Павла дернулось. Его хватка немного ослабела, и Селин удалось посмотреть влево. Яромир стоял там в лунном свете, омывающим его лицо.

— Убирайся, — приказал он.

Всего лишь секунду или две, Селин подумала, что Павел откажется, что будет означать, что он был более расстроен, чем даже осознавал. Люди Яромира не ослушались его приказаний.

С резким рывком Павел отступил назад, глядя на нее, как будто она вызвала это.

— Селин, возвращайся в лагерь, — сказал Яромир.

Это было неловко для всех, но её не нужно было упрашивать дважды. Устремляясь мимо Яромира, она побежала по склону, услышав низкий голос позади нее, а затем короткие,

оборванные ответы Павла.

Хотя она была рада, что Яромир пришел, чтобы присмотреть за ней, часть ее не могла не сожалеть о том, что он увидел. Хотя она, конечно же, не винила себя за поведение Павла, она тоже не могла не почувствовать, что это из-за нее произошел разрыв между двумя солдатами, которым нужно зависеть друг от друга.

Возвращаясь в лагерь, она попыталась казаться спокойной — и, по-видимому, потерпела неудачу.

— Что случилось? — Спросила Амели.

— Ничего.

Большого она не скажет.

* *

Амели ожидала, что на следующий день напряженность будет меньше... но всё было не так. Яромир снова общался с ней так же спокойно, как до их недопонимания, что сделало ее и довольной, и слегка раздраженной, но что-то еще было не так, и почему-то теперь он и Павел, казалось, избегали друг друга.

Независимо от того, что Селин отрицала, что что-то случилось накануне, Амели было больно, что Селин не сказала ей. Сестры никогда ничего не скрывали друг от друга.

Однако, по мере продолжающегося дня, больная спина Амели взяла приоритет над всеми другими проблемами, и она начала сосредотачиваться только на том, чтобы просто поскорее наступили сумерки.

Лес вокруг них по-прежнему становился гуще и темнее. Путь, по которому они ехали, теперь едва напоминал дорогу, стал настолько узким, что весь отряд выстроился в цепочку по одному, а сержанту Базину, который вел повозку, приходилось особенно нелегко, когда очередная ветка попадала в спицы колес.

Каким-то образом все они продолжали двигаться вперед, пока Яромира не остановили опустившиеся сумерки. Амели соскользнула с лошади, положив обе руки на спину. И снова солдаты быстро работали, разбивая лагерь, но они казались такими же беспокоящими, как и накануне, вглядываясь в темные деревья.

Когда костер ярко разгорелся, а ужин был в самом разгаре, Селин снова вмешалась, чтобы

отвлечь мужчин. Сегодня она переключилась на повествование.

— Вы слышали историю о неблагодарном принце? — Спросила она, сложив ладони вместе.

Ее первая история была о приключениях надменного молодого принца, превращенного в волкодава волшебником, которому он нагрубил. Молодой дворянин бродил по земле, пытаясь снять проклятие, используя только свои мозги и лапы, в тоже время, узнавая больше о людях своей провинции.

Селин ходила вокруг пылающего костра, используя руки, чтобы помочь рассказать историю, изменяла голос, чтобы персонажи казались более реальными.

К тому времени, когда она была на полпути своего рассказа, солдаты перестали есть и наклонились вперед, просто внимательно слушая.

Разумеется, молодой принц, в конце концов, снял свое проклятие, выполнив одно бескорыстное дело, помогая деревне, преследуемой троллями.

Селин сыграла финальную битву с большим талантом.

Следующая сказка была комедией о трех братьях, соперничающих за любовь к

недостойной женщине, разыгрывая подлые трюки друг с другом. Когда Селин дошла до того, что один брат испортил чужую ванну с голубой краской, солдаты громко смеялись.

Хотя Амели тоже наслаждалась рассказами, она оглянулась и заметила, что Яромир смотрит на Селин с такой же благодарностью, как и накануне.

При виде этого, Амели снова чувствовала себя бесполезной. Она обладала умениями и даром, но умения развлекать других людей среди них не было. Хотя она жаждала быть полезной, дар Селин были просто намного больше... бесспорно больше.

Вскоре, все спали, несколько подбодрённые как рассказами Селин, вплетенными в ночной воздух, так и надеждой добраться до места назначения следующим днем.

Но на следующий день таланты Селин стали еще более заметными и незаменимыми.

Утро началось достаточно хорошо. Как только они собрались и готовы были уйти, Яромир сел на лошадь и сверился с картой. Амели осторожно опустилась в седло своего черного мерина и подъехала к нему.

— Далеко ещё? — Спросила она, уже сжав зубы от боли, стреляющей в позвоночнике.

— Это зависит от того, — ответил он, держа карту так, чтобы она видела. — Как нам придется пересечь реку Вудрашк, отсюда есть два возможных маршрута.

— Пересечь реку? Разве это не граница между Древинкой и Стравиной?

— Вообще-то, да, — ответил он. — Но за последние сто лет или около того было продано несколько территорий непосредственно с обеих сторон. Рязань — одна из них.

Обратив ее внимание обратно на карту, он указал пальцем на их текущее местоположение, а затем начал скользить по ней.

— Если мы хотим сократить время, то свернём на эту широкую северо-восточную дорогу, проследуем по ней до Энемуска и обогнем его, а затем продолжим идти, пока не доберемся до этого моста. — Он указал на символ, обозначающий мост. — Однако мы можем отправиться на запад, но этот маршрут займет у нас больше времени. — Его палец двинулся назад к их текущему положению и после этого вверх. — Или мы можем продолжить идти прямо на север по нынешней узкой тропке и перейти реку здесь, по мелководью. Следуя по этому маршруту, мы должны добраться до Рязани к вечеру.

— Ох, короче, пожалуйста, — выпалила Амели.

— Ты спешишь туда добраться?

— Нет, я спешу покинуть эту лошадь. Моя спина никогда не будет прежней.

Мгновенно, она пожалела о своих словах, ожидая, что он пошутит над ее задом, но он просто кивнул.

— Отлично. Прямо на север.

Она поехала позади него, когда он тронулся в путь, а Селин прямо позади нее. Движение цепочкой по одному не оставляло много возможностей для разговоров, но в некотором роде это было лучше. Ей хотелось просто сосредоточиться на том, чтобы пережить еще один день. Если все пойдет хорошо, завтра ей не придется возвращаться на эту лошадь.

Во второй половине дня, она услышала звук несущейся, журчащей воды, через несколько шагов звук стал громче.

— Что это?

— Река, — ответил Яромир.

Прорвавшись сквозь деревья, он повел лошадью по берегу, чтобы освободить место для тех, кто шел позади него. Следуя за ним, Амели почувствовала первый намек на сомнение в

ее стремлении двигаться самым быстрым маршрутом. Когда Яромир сказал «мелководье», она представляла медленное течение по каменистому ручейку.

Вид впереди оказался не похож на образ в ее сознании. Река была широкой, и течение оказалось быстрым. Через воду она могла видеть дно и оценила, что глубина почти скроет колеса повозки.

— Ты сказал, что будет мелко.

Яромир взглянул на нее.

— Здесь неглубоко. Это единственное место, где баржи могут столкнуться с неприятностями.

Селин подъехал к ним и слегка побледнела.

— Мы собираемся пересечь это?

— Солдаты из северных домов делают это постоянно, — заверил он их. — Мы все будем в порядке.

Из леса начали выходить остальные, и Яромир начал отдавать приказы.

— Сначала я возьму Амели и Селин, — позвал он. — Павел и Рюрик, вы помогут Базину с повозкой, встаньте по одному с обеих сторон от лошадей.

— Да, сэр, — оба отозвались одновременно.

Амели вспомнила, что коренастый охранник среднего возраста, управляющий повозкой, был тем, кого жена, по-видимому, выбросила из дома.

Но у нее не было времени подумать об этом, Яромир подтолкнул лошадь вперед.

— Следуйте за мной, — сказал он.

С небольшим колебанием Амели повела своего мерина следом за крупным каштановым жеребцом Яромира по кличке «Барсук» из-за его склонности к кусанию любого, кого он невзлюбил. Маленькая лошадь Амели, не колеблясь, шла прямо в воду. Она оглянулась назад, чтобы увидеть серую кобылу Селин, идущую за ними. Вода поднялась до уровня живота Амели, поток быстро ускорился. Низ ее платья и плаща пропитались водой, но ее лошадь сумела идти в постоянном темпе, следуя примеру Яромира, и вскоре все три лошади сорвались на рысь, когда достигли берега с другой стороны.

Селин все еще была бледной, но ей удалось улыбнуться.

— Не так уж и плохо.

Амели обернулась, оглядываясь на то, как идут все остальные. Солдаты верхом не испытывали никаких проблем, но Базин пытался заставить запряженную двойку войти в воду, и обе лошади отказывались. Чтобы помочь, Рюрик наклонился и схватил одну уздечку, в то время как Павел сделал то же самое с другой. Яромир напряженно наблюдал, а затем, казалось, немного расслабился, когда двойка, наконец, двинулась вперед, потянув повозку в поток.

— Хорошо, — отозвался он.

Как догадалась Амели, вода быстро достигла более чем половины колес, и двойка фыркала, когда изо всех сил пыталась продвигаться вперед, с бешеными глазами. На полпути, казалось, они сделают это без приключений, но затем запряженная лошадь с левой стороны споткнулась о скалу и начала уходить под воду. Она громко заржала, борясь за жизнь. К сожалению, Павел не держал свою уздечку, его конь запаниковал и попытался убежать. Он тоже поскользнулся... и стал заваливаться на всадника.

— Павел! — Крикнул Яромир, пиная собственного коня обратно в воду.

Амели беспомощно наблюдала, как лошадь Павла завалилась на него, а затем взвилась,

чтобы выпрыгнуть. Павел сошел с лошади, но его нога все еще была в стремени. Амели услышала треск над водой, затем он освободился от седла, но его подхватило потоком.

Селин громко вздохнула, когда Яромир добрался до него и спрыгнул с лошади. Поймав Павла обеими руками, Яромир каким-то образом сумел протащить его остаток пути через реку и вытянуть вверх на берег. Лошадь Павла тоже сумела добраться до берега. Селин уже бежала к ним, наконец, поборов шок, Амели бросилась за ней.

Павел плакал от боли, а Селин уже отдавала приказы.

— Яромир, не двигай его больше. Просто положи. Это правая нога.

Следующие несколько мгновений были размыты путаницей, когда все больше людей выбирались вслед за ними на берег. Яромир использовал кинжал, чтобы разрезать штанину Павла, Амели зажала рот рукой. Она не была брезгливой, но белая кость голени торчала из его разорванной плоти.

— О, боги, — сказал один из солдат, — это невозможно исправить. Он потеряет ногу.

Глаза Павла широко распахнулись. «Нет!» Он попытался приподняться.

Амели захотелось ударить солдата, который говорил.

Но Селин была возле Павла, разговаривая с ним.

— Не слушай его. Ты не потеряешь ногу.

Она огляделась, когда повозка выехала из реки на берег.

— Амели, беги и достань мою коробку. — Она повернулась. — Яромир, мне нужны плоские доски. Можешь разбить один из ящиков с яблоком и принести мне несколько досок?

Амели и Яромир оба побежали к повозке. Поручение Амели было быстрее, так как ей просто нужно было достать коробку Селин и бежать обратно. Она оставила Яромира, разбивающего одну сторону ящика.

— Вот! — позвала Амели, затормозив.

Павлу было так больно, что он тяжело дышал, его черты исказились.

Коробка была большой, и Селин осторожно открыла ее. Внутренняя часть была заполнена бутылками, баночками, порошками и бинтами. Она достала бутылку с белым молочного цвета веществом.

— Амели, держи голову.

Амели знала, что делать, и двинулась к голове Павла.

— Проглоти это, — сказал Селин. — Это остановит боль.

Ее слова, должно быть, дошли до него, потому что он позволил ей положить бутылку ему в рот, и выпил.

— Еще разочек, — приказала она. — Большой глоток.

Он повиновался ей.

Все остальные просто смотрели, но через несколько мгновений Павел начал расслабляться в объятиях Амели. Осторожно, она положила его на берег, его глаза закрылись ещё на полпути. Яромир прибежал с досками.

— Что ты ему дала?

— Маковый сироп, — ответила Селин. — Скоро он заснет. Я должна сложить его ногу, и ты не захочешь, чтобы он проснулся в этот момент.

Спустившись вниз, она нахмурилась над сломанной костью. Сапоги Павла были сделаны из жёсткой кожи и доходили до середины голени.

— Этот сапог, должно быть, защитил его лодыжку и ногу, когда лошадь прыгнула

обратно, но потом на ногу пришлось вся нагрузка. — Она взглянула на Яромира. — Нам нужно снять обувь, не причинив больше никакого урона. Я собираюсь держать ногу, и мне нужно, чтобы ты медленно, очень медленно, снял сапог.

При всей его силе, Амели подозревала, что Яромир был способен быть нежным, и в следующие несколько мгновений он доказал её правоту, когда Селин держала ногу Павла ниже перелома, а Яромир не спеша, понемногу снимал сапог.

Селин глубоко вздохнула, когда Яромир отошел от ноги Павла с сапогом в руке.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь мне нужно отрезать остальную часть этой штанины, а затем поставить кость на место.

— Ты уже делала это раньше? — Спросил Яромир осипшим голосом.

— Да, много раз. Моя мать научила меня, как складывать все — от сломанных костей до вывихнутых плеч.

Это показалось ему достаточно хорошим ответом, потому что он замолчал и позволил ей работать. Она взглянула на Павла, чтобы убедиться, что он не проснулся; затем, с хрустом, она сложила сломанную кость на место, пока части кости не выстроились идеально, и нога стала прямой. После этого она быстро, но осторожно протерла рваные края раны очищающей и лечебной мазью, сделанной из яда гадюки. Затем обложила его голень узкими досками и начала

медленный процесс, плотно обертывая полосками бинтов.

Это заняло некоторое время.

Вытирая лоб тыльной стороной ладони, она, наконец, сказала:

— Хорошо. Это все, что я могу сделать. Кость защищена, и она должна срастись. Ему нельзя путешествовать до тех пор, пока не проснется, и даже тогда нам нужно будет устроить для него место в повозке, чтобы он мог сидеть с прямой с ногой. Он не сможет наступать на неё в течение нескольких недель. Когда вернется домой, ему придётся пользоваться костылями, пока нога не сможет держать его вес. — Глядя на Яромира, она колебалась. — Прости, но придется выбрать другого солдата, чтобы оставить с нами в Рязани.

К недоумению Амели, вспышка облегчения пересекла лицо Яромира, как будто с него внезапно свалилось бремя.

— Да, конечно. — Он встал. — Мы разобьём здесь лагерь и посмотрим, сможет ли он ехать утром.

Амели подняла бровь. Почему Яромир был рад, что Павел не сможет остаться с ними в Рязани?

* *

На завтра, в середине дня, Селин объявила, что Павел готов к путешествию, она наблюдала, как Рюрик, Яромир и Базин переносили ее пациента на ложе, устроенное для него в повозке.

— Не пытайся помогать нам, — сказал Рюрик Павлу. — Просто позволь нам сделать работу.

Как только они устроили его, он прислонился к большому свернутому куску полотна, и взглянул на свою сломанную ногу. Селин понятия не имела, как он себя чувствует. Его выражение было темным, она догадалась, что он, вероятно, разрывался между благодарностью, что его нога была спасена и сердитым разочарованием, от потери места в миссии.

— Помни, что я сказала о том, чтобы не опираться на ногу, — сказала она ему, играя роль целителя, чтобы не говорить о чем-либо еще. — Кости надо дать спокойно срастись.

Он не ответил и не смотрел на нее.

Она повернулась к Яромиру.

— Я думаю, что для него безопасно, если мы продолжим.

Яромир выдохнул через нос, словно что-то обдумывая, а затем встал в конце повозки.

— Все сюда, — позвал он.

Скорее, чем Селин ожидала, все люди собрались вокруг. Амели была среди них, с любопытством глядя на Яромира.

— Рязань не далеко по этой дороге, — начал он, указывая на север. — Гвардеец Рюрик останется со мной, остальные отправятся обратно. — Немного повернувшись, он жестом повел по широкой, ухоженной дороге на восток. — Я не хочу, чтобы вы снова пересекали реку, поэтому идите на восток и используйте мост выше Энемуска. — Он передал карту Базину. — Только

езжай прямо домой и убедись, что Павел останется с ногой.

Почти все кивнули в знак согласия ... все кроме Рюрика, который был ошеломлен.

— Я? — Спросил он. — Сэр? Разве ты не можете выбрать кого-то другого?

Яромир не привык к тому, чтобы его приказы ставились под сомнение.

— Гвардеец?

— Что, если принцу Антону нужно будет доставить сообщение, отправленное его отцу? — Рюрик бросился вперед.

Челюсть Яромира дернулась.

— Он может послать кого-нибудь другого. — Его голос был угрожающим, Рюрик потрясенно замолчал.

Селин задавалась вопросом, почему. Со стороны Яромира она нашла его выбор хорошим. Рюрик может и не был таким сильным бойцом, как Павел, но он был уверенным и веселым, и для их задачи эти два качества могли быть более полезными. Почему он не хотел остаться? Он слышал какие-нибудь намеки о том, для чего они с Амели пришли сюда? Тем не менее, он был солдатом и не ударился в панику, лишь слегка испугался.

— Гвардеец Вултер, — сказал Яромир. — Привяжите женские сумки к одной из дополнительных лошадей. — Он продолжал отдавать приказы, готовясь отделиться от группы, но Селин перестала слушать.

Она повернулась и посмотрела на дорогу, уходящую на север, забыв о странном нежелании Рюрика и сломанной ноге Павла.

Рязань ждала.

Глава 4

К полудню и без того узкая дорога превратилась в тропинку, но когда Яромир увидел впереди поляну, он понял, что они прибыли к месту назначения. Когда его лошадь прорвалась через лес, он понятия не имел, чего ожидать.

Но... он ожидал увидеть по крайней мере несколько небольших зданий. Насколько он понял, люди принца Ливена находились здесь уже пять лет.

— Палатки? — Спросила Эмили в таком же недоумении, останавливая свою лошадь рядом с ним.

Шесть огромных палаток и множество меньших были единственными жилищами в поле

зрения. Позади палаток стоял большой самодельный деревянный сарай, но, похоже, это было единственное постоянное сооружение.

Несколько солдат в темно — коричневых плащах, вооруженные копьями повернулись в их сторону, но все замерли, когда Селин подъехала к сестре, а Рюрик замыкал шествие.

Яромир приветственно поднял руку. Никто не ответил, и солдаты, толпившиеся среди палаток, стояли, уставившись на Эмили и Селин. Эти люди казались немытыми и нервными, с напряженными, встревоженными лицами. Следуя своим инстинктам, Яромир решил не приближаться, пока кто-нибудь не подойдет к нему.

Наконец, подошел тучный стражник, сжимая копьё, но держа его острие прямо.

— Ты проиграл? — спросил он.

Двое других охранников подошли к нему сзади, выглядя еще более неопрятными вблизи. Одному охраннику было лет семнадцать, у него были длинные спутанные волосы и разные глаза: один голубой, другой карий. Он казался скорее пугливым, чем раздраженным. Его спутник был немного старше и выше, с двумя отсутствующими передними зубами. Младший наполовину спрятался за его спиной, словно ища защиты.

Но все трое мужчин продолжали смотреть на Эмили и Селин.

Яромир напрягся от полного отсутствия военной дисциплины, и его тон стал холодным, сердитым и властным. — Я лейтенант Яромир из замка Сеона. Нас послали по просьбе принца Ливена. Я хотел бы поговорить с капитаном Киганом.

Прямо перед ним был караульный, который скривился, словно вспомнив что-то забытое. Затем он выпрямился и коснулся своей груди. — Гвардеец Сондерс, сэра. — Он указал сначала на юношу позади себя, а затем на другого мужчину. — Гвардейцы Грэм и Рэмси.

— Где ваш капитан? — Спросил Яромир.

Сондерс обернулся. — Сюда, сэра.

Оставаясь верхом, Яромир кивнул Эмили и последовал за гвардейцем Сондерсом через палатки. Многие из временных убежищ, мимо которых они проходили, выглядели очень старыми, с заплатками и неухоженными дырами. Дождя не было, но небо было пасмурным и серым, что еще больше усугубляло мрачность окружающей обстановки. Сондерс повел их к задней части лагеря, ко второй по величине палатке — размером с небольшой дом, только эта казалась новее остальных.

Яромир спешил и повернулся, чтобы помочь Эмили слезть с лошади. Она посмотрела на его протянутые руки и, казалось, собиралась оттолкнуть их, но он покачал головой, надеясь, что у нее хватит ума сыграть свою роль. К счастью, она, казалось, тоже это поняла и позволила ему поднять себя. Рюрик стоя на земле, сделал то же самое для Селин.

— Доложи о нас, а потом займись нашими лошадьми, — приказал Яромир.

Сондерс просунул голову в открытый полог палатки. — Капитан, посетители здесь, чтобы встретиться с Вами. . из замка в Сеоне.

Не дожидаясь приглашения, Яромир прошел мимо него внутрь, подав знак своим спутникам следовать за ним. После потрепанного облика Кампи роскошь теперь окружала его. Пол был покрыт толстым мехом. Гобелены, свисающие с потолка, были со вкусом расставлены, создавая перегородки. В центре зала стоял длинный полированный стол с шестью деревянными стульями, украшенными серебряными подсвечниками. Посмотрев сквозь перегородки в заднюю часть палатки, он увидел круглую, окаймленную камнем яму для костра с вентиляционным отверстием наверху, чтобы в случае необходимости можно

было согреться.

В настоящее время в палатке находились только двое, оба мужчины в кольчугах и темно-коричневых плащах. Яромир сразу же определил капитана Кигана, но только в силу его возраста. Киган был среднего роста, коренастый, мускулистый, который только недавно начал толстеть. Его волосы поседели, и он носил коротко подстриженную бороду, которая полностью скрывала нижнюю половину его лица.

Другой мужчина выглядел лет на тридцать, высокий, хорошо сложенный, гладко выбритый, с волосами песочного цвета и светло-голубыми глазами.

Киган немедленно ошетинился, увидев вошедших в его палатку гостей. — Что это? — рявкнул он.

И снова Яромир заколебался. Неужели здесь рухнуло все подобие военного профессионализма?

— Лейтенант Яромир, — сухо ответил он, — из замка Сеон. — Он протянул руку к женщинам.

— Позвольте представить вам леди Селин и леди Эмили фавориты из свиты принца Антона.

Как и в случае с Сондерсом, его манеры возымели немедленный эффект, и оба мужчины вытянулись по стойке смирно, но, казалось, не находили слов.

Селин улыбнулась. — Простите за наш внешний вид, капитан. Мы путешествуем уже несколько дней.

Это возымело еще более быстрый эффект, чем слова Яромира, и Киган со своим спутником поспешили к столу, выдвигая стулья. — Дамы, прошу вас, — сказал Киган, — проходите и садитесь.

Сондерс уже ушел, а в дверях стоял Рюрик. — Вы свободны, — спокойно сказал Яромир. — Проследи, чтобы о лошадях позаботились.

— Да, сэр.

Киган налил вино Эмили и Селин, которые сидели за столом, и жестом подозвал высокого рыжеволосого мужчину. — Это капрал Куинн. Он является моим заместителем в гвардии. — Оглянувшись на Яромира, он спросил: — тебя послал князь Антон?

— Через своего отца, чтобы предложить свою помощь, — ответил Яромир, шагнув вперед и вытащив два письма из-под стеганой рубашки под доспехами. — Первое — письмо принца Ливена к милорду, а второе — письмо Милорда к вам.

Они с Антоном решили ничего не скрывать и предоставить Кигану полный доступ ко всей необходимой информации.

Озадаченно нахмурившись, Киган взял у него письма и не спеша прочитал их оба. Первым было то самое письмо, которое Леонидис привез от принца Ливена, в котором он объяснял ситуацию и явно просил Антона разобраться с этим делом. Второе письмо было от Антона, написанное непосредственно Кигану, объясняя, что Селин и Эмили были провидцами и целителями из двора Сеона, которым должно было быть оказано полное содействие. Антон откровенно заявил, что если Киган хочет, чтобы суть этой проблемы была искоренена и решена, он должен удовлетворить все просьбы Селин и Эмили.

Наконец Киган поднял глаза и протянул оба письма капралу Куинну. Но капитан, казалось, был на грани напряженного недоверия.

— Позвольте уточнить... — начал он. — Итак, вместо того чтобы послать мне замену или даже подкрепление из Палена, мой принц обратился к своему младшему сыну...

который, в свою очередь, прислал двух женщин, которые утверждают, что они «провидцы».

— Твой князь уже однажды прислал подкрепление, — ответил Яромир. — От них не было никакой помощи.

— Пожалуйста, капитан, — сказала Селин. — Я знаю, как это должно выглядеть, но у принца Антона была похожая, казалось бы, неразрешимая... проблема весной, и мы с сестрой смогли остановить серию неестественных смертей. Нас бы сюда не послали, если бы ваш и мой принц не верили, что мы сможем вам помочь.

Капрал Куинн слушал ее с интересом. У него был такой же затравленный, измученный вид, как и у всех остальных, кого Яромир встречал здесь до сих пор, но светло-голубые глаза мужчины были более настороженными.

— Вы проделали весь этот путь без сопровождения? — спросил он.

— Нет, конечно, нет, — ответил Яромир. — У нас был небольшой отряд, но я отослал его обратно.»

— Отослал их обратно? — Повторил Киган. — Но почему?

И снова Яромир решил быть честным. — Потому что мой господин подумал, что вы можете почувствовать вызов или что ваша власть окажется под угрозой, если я приеду с отрядом людей из Сеона под моим командованием.

Когда Киган отвел взгляд, стало ясно, что интуиция Антона не подвела.

— Мой господин хочет, чтобы вы поняли, что мы здесь, чтобы помочь, — продолжал Яромир. — Это все, что мы хотим сделать. И он хотел показать свою уверенность, что он доверяет вам, чтобы защитить этих дам. — последняя часть была просто комплиментом. Он сам защитит Эмили и Селин.

Киган глубоко вздохнул. — Если бы он хотел, чтобы они были в безопасности, он вообще не должен был посылать их сюда.

* *

Селин прислушивалась к разговору мужчин, но в глубине души старалась не паниковать из-за всего, что видела и чувствовала с тех пор, как приехала сюда.

Это было место, покинутое надеждой. Она видела это по лицам мужчин, по их убогим жилищным условиям, по тому, что они давно перестали мыться и заботиться о себе, как подобает солдатам на службе.

Хуже того, внутренняя часть этой палатки только усилила ее беспокойство, поскольку предполагала, что их предводитель отрезал себя от внешнего мира и жил отдельно со своими толстыми мехами, красным вином и гобеленами. И все же... весь лагерь казался таким временным, как будто в течение многих лет ни одна из сменяющихся групп людей, размещенных здесь, никогда не вынашивала намерения оставаться здесь достаточно долго, чтобы построить деревянные бараки.

До сих пор Эмили хранила молчание, но Селин знала, что она должна быть так же обеспокоена тем, во что они ввязались.

Трудно было помогать людям, которые, казалось, считали себя выше всякой помощи — и именно это она чувствовала.

— Простите меня, — осторожно сказал капрал Куинн, глядя на Селин.

Она внимательно посмотрела на него. В то время как капитан Киган казался человеком, давшим себе волю, Куинн был в расцвете сил. Он тоже был сильно напряжен, но в отличие от тех, кто стоял снаружи, его плащ и лицо были чистыми. Вокруг него была свернутая спиралью энергия, как будто он был способен быстро действовать, когда это было

необходимо. Селин подумала, что он может оказаться полезным, если ей удастся завоевать его доверие.

— У каждого из нас свои способности, — ответила она. — Я могу читать будущее человека, а Эмили может читать его прошлое.»

Осушив полбокала вина, капитан Киган громко и насмешливо фыркнул, и Селин поняла, что еще слишком рано просить его позволить ей начать читать его людей. Сначала он должен понять, что они не шарлатаны. Кроме того, ей нужно было лучше понять ситуацию, и, похоже, ей придется полагаться на авторитет, который Антон предоставил, отправив свое письмо.

— Ваш принц упоминал, что некоторые рабочие здесь были убиты, но... где живут рабочие?» — спросила она. — Подъезжая, мы увидели только ваш лагерь.»

Куинн взглянул на капитана, и Киган, выдвинув стул, сел сам. — Он указал на север. — Между деревьями есть тропинка, ведущая к шахтам. Рабочие живут вон там, на расчищенной территории. Я выставлял им охрану по ночам.»

Она кивнула и взяла себя в руки. Настало время для более сложных вопросов.

— Капитан, не могли бы вы сказать нам... что именно вы имели в виду, сообщая, что ваши люди «превращаются в зверей»? Что это за звери?»

Последовало короткое молчание, и на этот раз Куинн ответил:

— Как волки, только крупнее, с широкой грудью и красными глазами. Кажется, это происходит быстро, без предупреждения.»

— Но это происходит только с вашими людьми, — вмешался Яромир, — а не с шахтерами или их семьями.»

— Пока что да, — ответил Куинн. — Но ты не можешь себе представить... эти твари, эти волки дикие, безумные, и они начинают убивать все, что попадает им на глаза, в мгновение ока. Вскоре после того, как это началось, наши рабочие начали пытаться сбежать, и нам пришлось фактически оседлать некоторых из них и вернуть их обратно.

— Оседлать их? — Эмили заговорила в первый раз. — Им нельзя уходить?

Вопрос, казалось, озадачил и Кигана, и Куинна.

— Ну... конечно, они подписали контракты, — ответил Киган. — Моя единственная обязанность здесь-следить за тем, чтобы серебро продолжало течь. Я не могу этого сделать без достаточного количества работников.

Селин быстро переварила услышанное. То, что он описывал, звучало очень похоже на рабство, через эти «контракты».)

— Сколько солдат вы потеряли? — спросила она.

— Десять человек заражены, — ответил Куинн, — включая одного офицера, лейтенанта Саллиана, а десятого мы потеряли всего три дня назад. Но мы также потеряли еще несколько наших людей, убитых волками, так что капитан не смог выделить никого, чтобы донести нашему принцу об этом последнем случае.

— Заразился? — повторила она.

— Ну, а что еще это может быть? — Рывкнул Киган, делая еще один глоток вина. — И это сделано намеренно. Сначала я подумал, что кто-то из мужчин каким-то образом... заразился этой болезнью, и она распространялась беспорядочно. Но пострадали только мои люди. За всем этим кто-то стоит.

Селин тоже пришла к такому выводу, но капитан казался таким уверенным. Может быть, он знает что-то, чем не делится?

— Вы заметили какие-нибудь предупреждающие знаки, прежде чем люди начнут меняться? Или установил какие-то связи между ними?

Куинн покачал головой. — Я видел это только дважды, и оба раза это было неожиданно. Только что человек был в порядке, а потом его начало рвать, и тогда... мы должны убить их как можно скорее.

— А после смерти тела снова принимают человеческий облик? — спросила она.

Оба мужчины были ошеломлены этим вопросом, и она понимала, что, вероятно, совсем не похожа на придворную даму, но такие вещи следовало задавать.

— Нет, — ответил Куинн. — И мы сжигали их вскоре после этого.

— Вы сжигаете тела волков? — Это не было хорошей новостью. Селин хотела осмотреть одного из них. — А как насчет шахтеров и других убитых солдат? Они тоже сожжены?

— Я не вижу причин настаивать на этом, — ответил Киган. — Некоторые из наших рабочих-Мондялитко, и у них есть свой собственный способ делать вещи, и я уверен, что инфекция не распространяется через тела мертвых шахтеров.

— Мондялитко?

Это казалось маловероятным. Насколько она поняла, племя ее матери было кочевым.

Но ни Куинн, ни Киган не ответили, и она посмотрела на Яромира, который до сих пор позволял ей задавать большинство вопросов.

— Капитан, — начала она, не зная, как сформулировать свою следующую просьбу, — очень жаль, что у вас нет тела того, кто подвергся этому... изменению. Когда это случится снова, будет лучше, если вы выведете жертву из строя, чтобы я мог ее изучить.

Она уже начала думать о мужчинах, превращенных в жертв.

Киган на мгновение открыл рот, но тут же снова закрыл его. — Прошу прощения, Миледи, но вы понятия не имеете, с чем мы имеем дело. Поверьте мне, вы не захотите, чтобы одна из этих вещей была просто выведена из строя.

— О, но я сделаю это, — возразила она. — Я не могу даже предположить, что происходит с вашими людьми, пока не осмотрю кого-нибудь, кто пострадал. Мой принц хочет, чтобы эта ситуация разрешилась, и поэтому я сделаю все, что сочту необходимым. — Пока я не заставлю одного из этих... солдат обратить Волков для изучения, возможно, я смогу увидеть тело кого-то, кто был убит одним из этих существ? Раны могут мне что-то сказать.

Если Киган нашел ее первую просьбу тревожащей, то эта показалась ему неприятной, и он скривил верхнюю губу. — С момента последнего нападения прошло три дня. Было несколько раненых. Один шахтер погиб, но его похоронили.

Селин поразмыслила над этим и поняла, что любые полезные улики, вероятно, будут слишком скомпрометированы, чтобы она могла настаивать на том, чтобы выкопать тело.

— Вы упомянули о травмах. У кого-нибудь есть раны, требующие внимания?

Киган задумчиво нахмурился, как будто это никогда не приходило ему в голову. — Возможно... да, я так думаю.

Как по команде, Эмили встала.

— Мы привезли большую коробку с лекарствами, — сказала Селин. — Если вы будете так добры и выделите нам личные покои, мы с сестрой переоденемся, а потом пойдем посмотрим, какую помощь мы можем предложить шахтерам.

Сначала она подумала, что Киган откажется, но он кивнул. — Конечно.

Селин и Эмили предоставили палатку среднего размера-примерно такого же размера, как их мастерская дома, с достаточно высоким входом, чтобы никому не пришлось нагибаться, чтобы войти

— Неплохо, — сказала Эмили, оглядываясь вокруг. «Рассматривающий.»

Селин согласилась. Большая часть пола была покрыта мехами, а в крыше не было дыр. Там стояла кровать с деревянным каркасом и пуховым матрасом, а также небольшой стол и три стула. Там стояли простой умывальник и кувшин. Ей стало интересно, кто же жил здесь раньше.

— Вот, — сказал Яромир, протягивая им дорожные сумки. — Переоденься, и я провожу тебя на север.

Селин взяла сумки, и он закрыл вход снаружи, давая им немного уединения.

— Что ты думаешь об этом капитане? — Прошептала Эмили. — Не думаю, что от нег будет много пользы.

— Я тоже, — прошептала Селин в ответ, снимая плащ и открывая одну из сумок. — Но я была удивлена, что Яромир так спокоен. Я думала, что он может надавить на несколько пунктов.

— Он не может. Киган выше него по званию.

— Что?

— Киган-капитан. Яромир-лейтенант. Он должен соблюдать субординацию.

— Да... но Антон поручил расследование Яромиру.

— Не имеет значения, — сказала Эмили, когда начала раздеваться.

Обеспокоенная Селин принялась расшнуровывать свое шерстяное платье. Яромир отвечал за безопасность большого замка и всех, кто жил вокруг него, а Киган отвечал за группу разношерстных солдат в глуши, и все же Киган обладал большей властью из-за того, что она считала небольшой разницей в официальном звании. Это почему-то казалось ей неправильным. Яромир был самым способным человеком, которого она когда-либо встречала.

Выбравшись из лавандового платья, она слегка поежилась, оставшись в одной длинной белой сорочке и чулках. Платье выглядело еще более изношенным после путешествия. Подол платья был грязным, а рукава и корсаж испачканы в крови Павла.

— Я бы все отдала, чтобы надеть свою синюю рубашку и бриджи, — вздохнула Эмили, глядя на сорочку, которую она носила.

— Ну, давай посмотрим, что еще для нас упаковала Хельга.

В первой сумке они нашли два вечерних платья и набор серебряных щеток для волос, поэтому перешли ко второй. Внутри они нашли чистые чулки, запасные сорочки и пару удобных шерстяных платьев-одно коричневое, примерно под цвет волос Селин, другое бледно-голубое. Эмили взяла бледно-голубое, так как оно было немного короче, а Селин носила загар. Затем они надели свои красные плащи, и Селин взяла большую коробку с припасами.

— Мы готовы, — крикнула она.

Яромир откинул полог и вошел, увидев коробку в ее руках. — Позволь мне понести это.

Он взял коробку, и они последовали за ним.

— А где Рюрик? — Спросила Эмили.

— Смотрит за тем, хорошо ли кормят коней, — ответил Яромир. — Я не доверяю этим

людям барсука, а Антон любит эту серую кобылу.

Селин держалась поближе к Яромиру, когда он шел на север, и несколько грязных солдат в темно-коричневых плащах обернулись, чтобы посмотреть, как они проходят мимо. Должно быть, в семьях шахтеров были женщины, но Селин задавалась вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как эти мужчины видели такую красивую девушку, как Эмили, в бледно-голубом платье и алом плаще.

Однако с Яромиром в качестве эскорта никто из солдат не пытался заговорить с ними, и вскоре они оставили палатки позади.

— Там, — сказал он, указывая.

Проследив за направлением его пальца, Селин заметила тропинку, ведущую между густыми деревьями. Некоторые из серых облаков над головой расступились, и, хотя воздух был прохладным, все же проглядывали клочки открытого неба.

Все трое направились по тропинке в лес и прошли всего около ста шагов, когда она вывела их на открытую местность с небольшими холмами на заднем плане... и Селин обнаружила, что смотрит на лагерь рязанских шахтеров.

Справа от нее стояло около тридцати пяти лачуг или хижин, расположенных так беспорядочно, что они могли появиться только со временем, не имея никакого смысла в планировке. Некоторые были сделаны из старых досок, но большинство представляло собой круглые плетеные жилища с соломенными крышами.

Слева от нее стояли еще шесть плетеных домишек, окруженных четырьмя полуразвалившимися повозками с чем-то похожим на маленькие домики, построенные поверх кроватей. Судя по тому, что она видела, некоторые фургоны когда-то были выкрашены в яркие цвета, но теперь большая часть краски выцвела или облупилась. Пустые шесты для упряжи тянулись от передков этих фургонов, без каких-либо признаков того, что они использовались в течение некоторого времени.

Лошадей нигде не было видно. На самом деле здесь вообще не было животных-ни коз, ни дойных коров, ни даже нескольких кур, скребущих землю.

Но вокруг толпились люди.

— Куда дальше? — Спросил Яромир.

— Налево, — сказала Селин. Она не знала почему, но ее тянуло к разбросанной коллекции фургонов-домов.

Самый большой из них тоже был в лучшем состоянии, с прочной крышей и ставнями на окнах. У входа хлопотали две женщины. Один развешивал одежду, а другой поддерживал огонь. Когда Селин приблизилась, обе женщины выпрямились.

Той, что ухаживала за огнем, было лет шестнадцать, но Селин остановилась, чтобы получше рассмотреть ее. Она была красива, стройна и утонченная, с гривой черных волос. Ее кожа была бледной, а глаза такими же черными, как и волосы. Ее хрупкое тело напряглось, и она напомнила Селин молодую лань, готовую к прыжку. В ее глазах было что-то дикое.

Селин улыбнулась. — Привет.

Женщина, развешивающая белье, приблизилась и встала рядом с девушкой, словно защищая ее. Ей было около двадцати пяти, хотя в уголках глаз уже пролегли тонкие морщинки. Ее густые каштаново-черные волосы были заплетены в косу. Хотя ей не хватало красоты девушки, она была хорошенькой, и Селин считала их достаточно похожими, чтобы быть сестрами.

— Чего ты хочешь? — спросила старшая, глядя на Яромира со смесью гнева и тревоги в

голосе.

Селин была вынуждена признать, что он действительно выглядел довольно устрашающе, особенно по сравнению с некоторыми солдатами, расквартированными здесь.

— Нас послали сюда, чтобы помочь, — быстро сказала Селин, поворачиваясь, чтобы открыть коробку в руках Яромира. — Я целитель из замка Сеона, и принц Ливен попросил своего сына, милорда, прислать вам некоторую помощь. Он слышал о ваших неприятностях и этих ужасных нападениях. — Она подозвала женщину поближе и указала на различные горшки, кувшины и бутылки внутри коробки. — Там есть сироп от кашля, целебная мазь, Мазь от боли в суставах, бинты, мази от насекомых и ожогов, и, О! это очищающее тонизирующее средство.

Женщина окинула взглядом содержимое коробки. От ее тела исходили волны медленно разгорающегося гнева, но в то же время что-то похожее на Надежду промелькнуло на ее лице. Скользящая девушка сделала шаг или два ближе, ровно настолько, чтобы заглянуть внутрь коробки, все еще двигаясь, как лесной зверь, вышедший из-за деревьев.

Селин снова улыбнулась. — Я Селин, а это моя сестра Эмили. Этот человек-лейтенант Яромир. Он наш телохранитель, но уверяю вас, нас послали на помощь.

Женщина перевела взгляд на лицо Селин, словно что-то искала, а затем удовлетворенно кивнула. — Я Мерседес. Это моя сестра, Мария.

Девушка с любопытством изучала Эмили, но не подходила близко к тому месту, где стоял Яромир.

— У вас здесь есть раненые или больные, которым требуется помощь? — Спросила Селин.

Мерседес недоверчиво покачала головой. — У нас есть какие-нибудь...? У нас есть несколько нуждающихся людей.

Селин указала на фургон. — Может быть, я устроюсь здесь, а ты расскажешь остальным?

Мерседес оглянулась на коробку.

— Мария, — сказала она наконец, — отведи этих дам внутрь и окажи им всю необходимую помощь. Я найду Маркуса и попрошу его собрать всех раненых. Я сама поговорю с женщинами.

Девушка склонила голову набок и помахала Селин рукой. Затем она вскочила на задние ступеньки фургона и открыла дверь.

Селин последовала за ним.

* *

Наблюдая, как Селин поднимается по ступенькам, Эмили повернулась к Яромиру. — Вам лучше подождать здесь. У нас все будет хорошо, и я не думаю, что там много места. — Она посмотрела в сторону лачуг и хижин. — Ты можешь даже попробовать прогуляться и поговорить с кем-нибудь из мужчин. Посмотрим, что ты сможешь узнать такого, о чем нам не сказал капитан Киган.

— Сомневаюсь, что кто-то из них захочет со мной разговаривать.

— Так и будет, — настаивала она. — Через пару минут они поймут, что ты здесь, чтобы помочь. Ты так действуешь на людей. Все жители замка в Сеоне доверяют тебе.

Он несколько раз моргнул и кивнул. — Хорошо, но я не буду уходить далеко.

Повернувшись, она поспешила вверх по лестнице, чтобы помочь сестре.

Внутри крытый фургон казался еще больше похожим на дом. Ближе к фасаду стояли две

двухъярусные кровати, прибитые гвоздями к стене. В одну из боковых стенок была встроена скамья с неподвижным столом. На другой стене висели кастрюли и сковородки. Ветхие занавески закрывали закрытые ставнями окна.

— Мария, не могла бы ты открыть ставни, чтобы впустить немного света и воздуха? — Спросила Селин, снимая плащ и ставя на стол коллекцию банок и бутылок.

— Этот солдат не войдет, правда? — спросила девушка.

Это был первый раз, когда она заговорила. Ее голос был мягким и диким, как и ее глаза, но она заговорила с настоящим страхом — и чем-то более глубоким, возможно, ненавистью. Эмили задавалась вопросом, что она могла бы вынести от рук здешних солдат.

— Нет, — твердо ответила Эмили. — Он этого не сделает. Но даже если бы он это сделал, он не причинил бы тебе вреда.

На лестнице послышались шаги, и Мерседес вернулась с первыми пациентами Селин, худой женщиной и двумя детьми, которые все кашляли.

— Войдите, — сказала Селин.

Мерседес отправила семью внутрь, но сама осталась снаружи.

Остаток дня прошел как в тумане. Мария выскользнула наружу, чтобы внутри было больше места. Эмили осталась, чтобы помочь своей сестре, но состояние людей здесь вскоре начало утомлять ее. Она видела бедность, настоящую бедность, в Шетане, но здесь все было по-другому; вереница полуголодных женщин и детей текла через нее, страдая от глубокого кашля, стригущего лишая, укусов зараженных насекомых и опоясывающего лишая. Некоторые женщины были беременны. Селин сделала для них все, что могла.

Все стало только хуже, когда начали прибывать люди. Добыча полезных ископаемых, должно быть, опасное дело, так как столь же недоедающие люди, проходящие через дверь, несли старые травмы плохо сросшихся сломанных костей. Большинство мужчин старше тридцати уже начали сдавать свои суставы, застывшие до постоянной боли.

Селин ничего не могла сделать с плохо сросшимися костями, уже давно зажившими, но она принесла с собой два кувшина густой жидкости, которую делала из аконита, которая хорошо действовала на стареющие суставы, и несколько часов просто втирала ее в локти, плечи и колени, чтобы облегчить боль. Она сказала кое-кому из мужчин, что вернется завтра, и если они принесут ей маленькую пустую банку или бутылку, она отошлет часть аконита домой вместе с ними.

Несколько раз Мерседес подходила к открытой двери и просто смотрела на Селин.

Ближе к вечеру пришел отец с мальчиком лет пятнадцати, который держал его за левую руку правой. Рука была небрежно перевязана грязной тряпкой, недостаточно широкой, чтобы служить настоящей перевязью.

— Сломал руку три дня назад, сказал отец. — Мы были одними из немногих, кто все еще хотел вернуться в шахты, а потом один из этих зверей напал. Мальчик стоял в повозке и пытался выбраться наружу. Он упал.

Эмили пыталась привести в порядок бутылки на столе. — Внутри шахт? Один из... волков напал на тебя там? Вы работали по ночам?

— Нет, это было в полдень. Но с тех пор никто туда не возвращался.

Эмили потребовалось мгновение, чтобы осознать это. Один из солдат Палена преобразился и напал на Шахтеров в середине дня?

— Отведи мальчика в дом, — сказала Селин.

Принесли мальчика, она усадила его на скамью и сняла самодельную перевязь, чтобы

осмотреть предплечье. Эмили поморщилась. Кость была сломана и совсем не срослась. Хотя кожа не была порвана, из того, что она могла видеть, кость все еще была разделена на две части. Если ничего не предпринять, он потеряет руку.

Селин подняла глаза на отца. — Если бы это было всего несколько дней назад, я смогла бы установить это. — она взяла бутылку с маковым сиропом. — Но это будет настолько болезненно, что мне придется сначала усыпить его, а шинирование раны займет некоторое время. Как только кость будет закреплена, она должна будет оставаться в шине и на перевязи, по крайней мере, месяц, возможно, дольше. Какое-то время он не сможет работать, но как только кость срастется, он снова сможет пользоваться рукой.

Этот человек явно не привык к тому, чтобы кто-то пытался помочь ему или его семье, и в нерешительности заламывал руки. Хотя сам он и не думал о том, чтобы как-то помочь раненому мальчику, разговор Селин о боли и сросшихся костях явно расстроил его. Казалось, он не решается доверить своего сына незнакомому человеку.

Мужчина посмотрел на Мерседес, стоявшую в дверях.

У нее было все то же спокойное сердитое выражение лица, но голова ее один раз дернулась вверх-вниз. — Она из моего народа, из рода ФАВ. Если она говорит, что может вправить кость, значит, так оно и есть.

Эмили была поражена. Откуда Мерседес могла знать, что они были Мондьялитко, из рода ФАВ? Но она воздержалась от любых вопросов. Она не хотела, чтобы Шахтер начал сомневаться.

— Чем могу помочь? — спросил мужчина.

— Принесите доски, — ответила Селин, — крепкие, но узкие и короткие, чтобы я могла наложить шину на его предплечье.

И вот во второй раз за два дня Эмили помогла своей сестре напоить кого-то до бесчувствия, вправить кость, скрепить ее досками и плотно обернуть. Когда они закончили, Селин была бледна и вытирала лоб рукавом. С тех пор как она вошла в этот фургон, она не останавливалась, чтобы отдохнуть в течение нескольких часов.

— Теперь нам нужно что-то, чтобы сделать настоящую перевязь, — сказала она, оглядываясь вокруг.

Мерседес все еще стояла в дверях. — Воспользуйся одной из штор. Они чисты, и я не могу придумать что-то другое.

Мерседес фыркнула. — Ты думаешь, я впустил бы тебя сюда, позволил бы лечить этих людей, если бы это было не так? Я узнаю себе подобных, когда вижу их.

Возможно бессознательно, Эмили протянула руку и коснулась ее волос. По иронии судьбы, она унаследовала свои темные волосы от их отца, который не был Мондьялитко.

Затем Селин скорее почувствовала, чем услышала что-то в дверях, и повернула голову. Она застыла на месте. Мужчина, стоявший там, был более высокой и мускулистой версией Марии, хотя по возрасту он был ближе к Мерседес. Его угольно-черные волосы свисали за воротник, а глаза были прикованы к Селин. Она никогда бы не назвала его красивым. Он был... прекрасен. Как и у Марии, в нем было что-то почти дикое, как будто он не принадлежал никаким четырем стенам. Что еще важнее, хотя она никогда не видела его раньше, в нем было что-то знакомое, как будто она знала его много лет.

— Это мой кузен Маркус, — сказала Мерседес. — Я хочу, чтобы ты осмотрела его плечо. Сегодня он будет последним. Я обещаю.

— С плечом все в порядке, — ответил Маркус.

— Все не в порядке, — огрызнулась Мария, — и у нас есть настоящий целитель. Дай ей посмотреть. — она отошла к задней части фургона, к двухъярусным кроватям, чтобы дать ему возможность войти.

Медленно, все еще глядя на Селин, он вошел внутрь.

— Пожалуйста, садитесь, — выдавила она, и он опустился на скамью.

Эмили села рядом с Мерседес на одну из кроватей.

— Посмотри на его правое плечо сзади, — велела Мерседес.

Его рубашка была темно-коричневой, но когда Селин подошла, чтобы осмотреть его спину, она увидела пятна крови, просачивающиеся сквозь нее.

— Пожалуйста, сними рубашку, — сказала она ему.

Он сделал это без колебаний.

— О, Маркус, — выдохнула она, как будто уже тысячу раз произносила его имя. — Что произошло?

Четыре глубокие раны пролегли из верхней части его плеча до середины спины. Они были страшными, опухшими и выглядели так, словно даже не начали закрываться.

— Один из этих солдат-Волков порезал меня. Я пытался отвлечь его от того парня, которому ты только что помог.» Когда он произнес слово «солдат», ненависть в его голосе была очевидна.

— Внутри шахты? — спросила она.

— Да. Нам удалось убить его, но это нам дорого обошлось.

Селин не стала спрашивать, каких усилий им это стоило. Но сейчас она не хотела этого знать. — Эти раны на грани заражения. Мне нужно сделать глубокую чистку... и это будет больно. — Она взяла бутылку с маковым сиропом. — Я хочу, чтобы ты выпил всего одну ложку этого напитка, не столько, чтобы уснуть, но достаточно, чтобы притупить боль.

Он скептически посмотрел на бутылку.

— Сделай это, — приказала Мерседес.

Селин налила ему деревянную ложку, и он позволил ей накормить себя.

— Нам нужно подождать несколько минут, — сказала она, — пусть подействует.

В дверях появилась Мария и заглянула внутрь. Сходство между ней и ее кузеном было поразительным. Потом Селин пришло в голову, что, хотя эти трое были худыми, они не голодали. Обнаженные плечи и руки Маркуса были худыми, но мускулистыми.

— Ты помогала детям, — сказала Мария Селине — Это было здорово.

Ее слова и речь были настолько просты, что Селин несколько секунд не знала, что ответить. — Это то небольшое, что я могу для них сделать. То, что им действительно нужно — так это еда.

— Здесь они почти ничего не найдут, — сказал Маркус, — разве что в солдатской палатке с провизией.

— А почему у вас нет животных? — Спросила Эмили. — Кур или дойных коров?

— Не могу позволить себе купить корову, — ответила Мерседес. — И мы съели последних цыплят много лет назад, еще до того, как прибыли сюда.

— Сколько лет ты здесь живешь?

— Три.

Слушая этот разговор, Селин даже с тем немногим, что знала о людях своей матери, не могла себе представить, чтобы группа Мондялитко оставалась в этом ужасном месте целых три года.

— Где твои лошади? — тихо спросила она Маркуса.

— Ушли. — Он отвел взгляд. — Я охочусь для нас, и мы едим все, что не берет капитан Киган. — И снова, когда он произнес имя Кигана, ненависть в его голосе была хриплой. — Мы делимся тем, что можем, с остальными, а Мария делает для детей все, что в ее силах.

Он посмотрел на Марию, стоявшую в дверях, и она обернулась. Что-то произошло между ними, но Селин понятия не имела, что именно.

Взяв баночку с мазью из гадючьего языка и чистую тряпку, она сказала: — Ладно, это будет неприятно.

Обратив свое внимание на его раны, она вспомнила, что одна из причин, по которой она пришла сюда, заключалась в том, чтобы осмотреть любого раненого страждущими солдатами. Судя по расстоянию между следами когтей на спине Маркуса, у того, кто сделал это с ним, должно быть, были огромные лапы.

Она начала с верхней части его плеча и начала спускаться вниз. Он ни разу не ахнул и не вздрогнул, и она знала, что маковый сироп не мог притупить всю боль. Закончив промывать все раны, она убрала гадючий язык и переключилась на смесь молотого чеснока и имбиря в уксусе.

— Будет больно, но это предотвратит инфекцию, — сказала она, выливая смесь на чистую тряпку и прикасаясь к его спине.

И снова он не дрогнул.

Покончив с этим, она обхватила его за плечи, как могла, и помогла ему надеть рубашку. Он позволил ей.

Мерседес внезапно встала, чувствуя себя неловко. — Мы ничем не можем вам заплатить.

Селин так устала, что с трудом держалась на ногах, что облокотилась на стол. — Мы пришли не за оплатой. — И тут ей кое-что пришло в голову. — Ой. . есть одна вещь, с которой, вы возможно, могли бы нам помочь.

Все тело Мерседес напряглось. — Помочь?

— Да, нам нужно было собрать вещи для путешествия, и нам с Эмили разрешили только одно дополнительное шерстяное платье для дневного ношения. Мы чуть не испортили те, что были на нас по дороге сюда. У меня на рукавах кровь от ухода за раненым солдатом. Как мы можем постирать их здесь? Не могли бы вы позволить нам воспользоваться вашим корытом и бельевой веревкой?

Выражение лица Мерседес стало недоверчивым, а затем она издала короткий смешок. — Все что тебе нужно это помочь со стиркой нескольких платьев? — Она покачала головой. — Приноси их ко мне, и я сама их постираю. Я могу удалить кровь из шерсти.

— Спасибо.

Все еще сидя на скамейке, Маркус смотрел на Селин своими черными глазами, словно пытаясь понять ее. Она надела свой плащ и собрала коробку с припасами, когда Эмили подошла к ней.

— Мы вернемся завтра, — сказала Селин, надеясь, что это прозвучало по-деловому. — Маркус, не снимай эти бинты, даже если раны будут зудеть.

Мария отошла от двери, и Селин направилась к выходу, чуть не споткнувшись на лестнице от усталости. Солнце опустилось совсем низко. Неужели только сегодня утром она помахала на прощание капралу Базену и другим солдатам из Сеона, а затем последовала за Яромиром в этот лагерь? Казалось, что прошла целая вечность.

Яромир ждал их у тропинки впереди, но когда Эмили шла рядом с ней, Селин прошептала: — Что ты думаешь об этих троих там, в фургоне?

— Я думаю, у кого-то в их семье есть склонность к именам, начинающимся на букву М.

Эта попытка пошутить была настолько неожиданной, что Селин невольно приподняла уголки рта. Эмили почти всегда могла заставить ее улыбнуться.

— По правде говоря, — добавила Эмили, — я думаю, что Мерседес злится, но она не скрывает этого. Маркус и Мария держат в себе много ненависти.

Так же думала и Селины.

— Маркус и некоторые из людей Мондьялитко, должно быть, подписали контракты с Киганом, — сказала она. — Лошади тащат повозки или нет, я не могу придумать другой причины, по которой они остались бы здесь... а Маркус ненавидит солдат.

— Да, но как сильно он их ненавидит?

Действительно, насколько?

Навстречу им вышел Яромир. — Ты выглядишь уставшей.

— Ты даже не представляешь, — ответила Селин. — Мы можем пойти в нашу палатку и немного отдохнуть?

— Конечно. — Он взял у нее коробку и повел по тропинке обратно к лагерю солдат.

— Вы узнали что-нибудь от этих людей? — спросила она.

— Ничего особенного, только то, что за день эти... волки трижды нападали на нас в самих шахтах. Шахтеры теперь вообще отказываются работать, и солдаты Кигана не только не отпускают их, но и не заставляют работать, потому что это означало бы, что солдатам придется самим входить в шахты, чтобы наблюдать, и они точно так же боятся быть пойманными или пойманными там.

Селин переваривала услышанное. — Я думаю, ты многому научился. Если кто — то делает это специально — заражая солдат, я имею в виду, — это почти звучит так, как будто они пытаются прекратить работу в шахтах.

Тропинка вела к лагерю Пален.

Когда показались палатки, Селин услышала громкие голоса. Обернувшись, она увидела капитана Кигана среди своих людей. На самом деле... он кричал на пятерых из них. Она узнала троих солдат, которых видела днем раньше: круглолицего гвардейца Сондерса, пугливого молодого Грэма и высокого беззубого Рэмси. С двумя другими она не была знакома.

— У нас гости со двора Сеона! — Крикнул Киган. — Посланы по просьбе нашего принца! И вы все бродите здесь, и никто не помещен на назначенный ему пост. Ты весь грязный, и вид у тебя отвратительный. Я этого не потерплю! Вы приведете себя в порядок и будете вести себя как солдаты, или я поставлю вас на ночную вахту в этом цыганском таборе. Поняли мня?!

Если бы Яромир когда —нибудь произнес такую речь перед своими людьми, они бы пресмыкались. Он редко угрожал — да ему это и не требовалось, — но угрозы Яромира воспринимались всерьез.

Селин ожидала, что солдаты будут кланяться, скрести и хором воскликнут: «Есть, сэр.»

Но они этого не сделали.

Рэмси посмотрел на капитана с плохо скрытой враждебностью и заговорил так тихо, что Селин пришлось читать по его губам, но, похоже, он сказал: — Я не буду подчиняться приказам человека, который не может заплатить свои долги.

Капитан Киган напрягся. — Что ты сказал?

Некоторое время никто не отвечал, а потом Рэмси пробормотал: — Ничего.

— Занять свои посты! — приказал Киган.

Мужчины зашаркали прочь, но Селин была несколько потрясена. Она никогда не видела ничего подобного. Даже в Шетане субординация не подвергалась сомнению, и солдаты подчинялись приказам вышестоящего офицера.

Дисциплина здесь рушилась... а этим людям нужна была дисциплина, если они надеялись организовать и выжить.

Однако, когда она, Эмили и Яромир подошли, они притворились, что не видели этой сцены.

— Добрый вечер, капитан, — сказала она.

Он обернулся и увидел, что она приближается. — Миледи, я уже собирался идти вас искать.

— Да, мы задержались в шахтерском лагере.

Он нахмурился. — Весь день? — Но затем он вежливо поклонился Эмили. — Я приготовил небольшой ужин, который будет подан в моей палатке. Не могли бы вы быть готовы через час?

Селин захотелось застонать. Ей хотелось спать. Меньше всего ей хотелось надевать вечернее платье и сидеть за столом, ведя вежливую беседу. Но они были здесь не просто так, и она взглянула на Яромира. Он коротко кивнул.

— Конечно, — сказала она. — Для нас это большая честь. — Когда она начала уходить, что-то пришло ей в голову, и она не была уверена в протоколе. Эмили подчеркнула, что как старший командир, он отвечал за всех здесь. Нужно ли ей его разрешение на проведение каких-либо чтений? — Капитан... в соответствии с нашим запросом, я хотела бы просмотреть записи о молодой женщине по имени Мария и мужчине по имени Маркус. У меня есть на это разрешение?

Он нахмурился еще сильнее. — Мария? Почему?

Вместо ответа она оглядела его с ног до головы, как это сделала бы любая высокомерная дама из окружения Антона.

Он посмотрел в сторону, смущаясь. — Да, поступай так, как считаешь нужным.

Глава 5

Хотя Селин все еще чувствовала себя усталой, когда вошла в палатку капитана Кигана той ночью, она была достаточно осведомлена, чтобы быть несколько обеспокоенной состоянием своего платья. По просьбе Яромира Хельга собрала вещи для двух сестер, включая два прекрасных платья из замка, которые, вероятно, когда-то принадлежали тетке Антона. Оба платья были шелковыми. Амели была одета в зеленое платье цвета морской пены, а у Селин оно было темно-розового оттенка. Но, несмотря на то, что обе вещи были аккуратно сложены, они все еще несколько дней валялись в мешке. Селин вымыла дорожный мешок, который был использован вместо этого, но она предположила, что Яромирские грязные мешки было бы легче привязать к спине лошади, если это необходимо.

В результате, как бы она ни старалась разглядеть оба платья, на юбках оставались складки, а поскольку изящные туфельки, которые Хельга упаковала, никак не могли пережить прогулку к палатке Кигана, обе сестры в конце концов надели свои сапоги. Так или иначе, это сочетание заставило Селин чувствовать себя менее похожей на придворную даму.

Хуже того, ей почти пришлось затащить Амели в зеленое платье цвета морской пены, так как оба платья были довольно низко вырезаны на груди, и сначала Амели отказалась надеть их, но когда ей пришлось выбирать, она решила, что розовый цвет ей не нравится больше, чем зеленый. Когда ее наконец зашнуровали и причесали, она выглядела одновременно поразительно хорошенькой и болезненно неловкой.

Снова. . последнее едва ли можно было назвать отражением придворной дамы.

Однако ни капитан Киган, ни капрал Куинн, казалось, не замечали этих складок, наблюдая за входящими гостями. Яромир замыкал шествие Троицы. Очевидно, Рюрика, как простого гвардейца, никто не приглашал, и Селин надеялась, что он прекрасно чувствует себя среди группы незнакомых солдат.

«Зрелище для больных глаз,» — сказал Киган, оценивающе глядя на Селин, которая сама уложила свои волосы мягкой челкой, свисающей вниз. «Я не видел леди в приличном платье с прошлой весны.»

Хотя это показалось ей довольно дерзким, она выдавила из себя улыбку. Стол был украшен множеством серебряных подсвечников и оловянных кубков.

Когда Куинн выдвинул для нее стул, Яромир шагнул вперед, чтобы придержать один для Амели. Он ни разу не поддразнивал ее из-за шелкового платья, но также, казалось, не мог отвести от нее глаз. Это не улучшило уровень комфорта Амели.

Как только все уселись, Киган щелкнул пальцами. Из задней части шатра вышел солдат-Пален и, как слуга, принялся разливать вино. Закончив, он снова исчез.

Киган оглядел всех сидящих за столом и откашлялся.

«Леди Селин,» — начал он с интонацией, которую можно было назвать только поучительной. «Мне сообщили, что вы провели весь день, ухаживая за этой грязью, живущей в шахтерском лагере.»

Рука Селин замерла с бокалом на полпути ко рту. «Прошу прощения?»

Он сделал большой глоток собственного вина. «Я думал, вы едете, чтобы позаботиться о нескольких раненых рабочих. Но большинство этих шахтеров и цыган ничего не сделают, чтобы помочь себе. Конечно, я полностью поддерживаю ваши усилия здесь, но вы не должны утомлять себя или тратить впустую лекарства, давая их тем немногим лучше животных. Это им не поможет, и они не поблагодарят тебя.»

Селин уставилась на него, и лицо Амели покраснело.

«Лейтенант,» — выпалил Куинн, словно пытаясь сменить тему разговора, «как прошел ваш летний урожай в Сеоне?»

«В изобилии,» — ответил Яромир, возможно, столь же довольный тем, что говорит о чем-то другом. «Погода была очень хорошая.»

Вошли еще два солдата, один нес тарелку с дымящейся лепешкой, а другой-котлету и большой поднос с двумя жареными птицами сверху. Поднос был поставлен прямо перед Киганом, который взял нож и двузубую вилку, чтобы нарезать мясо. Оба солдата исчезли.

«У нас есть хорошо набитая провизией палатка с печкой, и я привез с собой повара из Пелена.» Он указал на поднос перед собой. «Но у нас здесь тоже полно дичи. Это дикие фазаны, запеченные с грушами. Я думаю, вам понравится это блюдо.»

При виде фазанов Селин услышала в своих ушах голос Маркуса.

Я охочусь, и мы едим все, что не берет капитан Киган.

Маркус, вероятно, сам поймал этих птиц. Думая о трагических обстоятельствах, которые она видела в лагере шахтеров, она задавалась вопросом, Сможет ли она проглотить

хоть кусочек. Глядя через стол, она догадалась, что Амели думает о том же самом.

К счастью, Киган, казалось, не замечал их дискомфорта и не ожидал разговоров от женщин за столом, поэтому он продолжил резать, продолжая обсуждать летний урожай с Куинном и Яромиром. Каким-то образом Селин ухитрилась закончить трапезу и наесться досыта ради приличия, надеясь, что ее скоро отпустят. В промежутке между выпитым вином и чересчур долгим днем стол начал плыть у нее перед глазами.

Сквозь бессмысленный разговор за ужином она услышала, как Яромир спросил: «Сколько человек вы сейчас здесь разместили?»

Киган и Куинн оба замолчали, а затем Куинн ответил: «Вычитая текущие потери, я думаю, что мы снизились до сорока одного.»

«Сорок один?» Повторила Амели. «Если добавить сюда женщин и детей, то в лагере шахтеров, наверное, человек двести или чуть больше. Вам нужен сорок один вооруженный охранник, чтобы держать их здесь?»

Киган заерзал на стуле. «Хорошо. . некоторые из этих людей-подкрепление, посланное моим господином, чтобы помочь справиться с недавними трудностями.»

«Да,» — подумала Селин, — «и эти подкрепления не помогли.»

Снаружи послышался шум, и, к ее удивлению, четверо солдат втащили Марию и Маркуса внутрь. Мария была откровенно напугана, но Маркус оттолкнул обоих солдат, удерживавших его, и уставился на одного из них, словно провоцируя того снова прикоснуться к нему. Затем он посмотрел так, словно собирался ударить ближайшего мужчину, держащего Марию.

Селин вскочила на ноги, опрокинув стул назад. «Что это такое?»- Она говорила с солдатами. — «Уберите свои руки от этой девушки, сейчас же!»

Они отпустили Марию и посмотрели на своего капитана.

Киган встал и хмуро посмотрел на Селин. «Вы же сами сказали, что хотите их прочесть. Вы утверждаете, что являетесь провидцем Антона? Как и ваша сестра?»- По его тону было ясно, что он считал, что она и Амели не обладали никакой реальной властью вообще и были просто скучающими дамами, играющими с Антоном.

И это было совсем не то, что она имела в виду, когда говорила с Киганом ранее.

«Теперь, когда они здесь, вы должны прочесть их,» — сказал Яромир напряженным голосом.

Она снова повернулась к нему и поняла, о чем он думает. Они были здесь, чтобы играть свою роль, выполнять свою работу. Если она хочет убедить Кигана в том, что она истинная провидица, которой следует позволить читать мысли его людей, ей лучше начать доказывать это.

«Мария,» — тихо сказала она, — «все в порядке. Если ты можешь подойти и сесть рядом со мной, я просто хочу дотронуться до твоей руки. Это все, что я хочу сделать. А потом ты сможешь вернуться домой, к Мерседес. Я обещаю.»

Паника в глазах Марии немного поутихла, и Селин протянула ей руку. «Иди сюда и посиди со мной.»

Она выпрямила свой стул и придвинула другой для Марии. Ненавидя себя за то, что делает это в присутствии Кигана, Куинна и всех этих мужчин, она протянула руку, и Мария подошла к ней, сжимая ее пальцы. У девочки были такие маленькие ручки. Она была не более чем на два года моложе Амелии, но почему-то казалась намного моложе.

Селин села, и Мария тоже, как будто она могла найти защиту в непосредственной

близости.

«Все в порядке,» — повторила Селин. «Я просто закрою глаза и увижу твое будущее. Никто тебя не обидит.»

Возможно, было бы более полезно, чтобы Амели прочитала прошлое девушки, но Амели не была опытна в том, чтобы успокоить или утешить кого-то испуганного. Селин должна была показать Марии, что ей нечего бояться.

Держа девушку за руку, Селин закрыла глаза и попыталась отгородиться от всех и вся в палатке. Она очистила свой разум и сосредоточилась на Искре духа Марии. . о ее будущем. Первый удар пришелся почти мгновенно, и Селин приготовилась ко второму. А потом она уже мчалась вперед по белому туману.

Путешествие было недолгим.

Вокруг нее материализовалась сцена, и на мгновение она растерялась. Она обнаружила, что стоит в той же самой палатке, только сзади, возле кровати. В палатке было гораздо темнее, и только одна свеча горела на маленьком столике. На полу возле висящего гобелена, отделявшего эту часть палатки от передней, стояла корзина с едой. Подойдя поближе, Селин увидела, что там лежит вяленая говядина и бисквиты-основные продукты питания странствующих солдат.

Внезапно Киган прошел мимо гобелена в заднюю часть шатра. На нем были только бриджи и рубашка с распушенными фалдами, а в руке он держал кубок с вином.

«Это ты?» — сказал он, шурясь на задний выход. «Поторопись.»

В дверном проеме мелькнула тень.

Селин напряглась, когда Мария медленно вошла внутрь. Ноги у нее были босые, и она снова походила на лань, готовую к прыжку.

«Ты уже знаешь, что делать,» — сказал Киган. — «Просто продолжай в том же духе. Если только вы с сестрой не хотите жить дальше теперь, когда ваш отец мертв и у вас нет мужчины, чтобы работать на шахтах.» Он махнул рукой в сторону корзины с едой. «И ты хочешь, чтобы эти дети-паразиты остались голодными.»

В свете свечи молодое лицо Марии казалось еще красивее, но ее черные глаза горели ненавистью и страхом.

Она не побежала и не придвинулась к нему ближе.

С отворачиванием он протянул руку и схватил ее за локоть.

Селин хотелось закричать и оттолкнуть его, но она была всего лишь наблюдателем, и у нее было неприятное чувство в животе, что она точно знала, что сейчас произойдет.

Киган потащил Марию к своей кровати. Подойдя к ней, он повернулся и грубо стянул верх платья с ее плеч. Грудь у нее была бледная и маленькая, как и все остальное.

Селин начала задыхаться. Она хотела, чтобы все это закончилось. Она хотела быть подальше отсюда.

А потом Киган прижал Марию к кровати. Он задрал ей юбку, и она начала хныкать. Внутри этого видения Селин заставила себя отвернуться и посмотреть в сторону.

Изображение исчезло.

«Селин!»

Открыв глаза, она услышала, как задыхается, и увидела Яромира, присевшего рядом с ее креслом. Амели была прямо за ним.

Селин боялась, что ее сейчас стошнит.

«Вылезай отсюда» — сказал Яромир. «Я прямо здесь.»

Капитан Киган подошел к Амели сзади. «Что происходит?» — потребовал он ответа.

Селин не могла заставить себя посмотреть на него. Мария крепко сидела в своем кресле, ее голова раскачивалась взад-вперед, и Селин поняла, что ей нужно быстро взять себя в руки. У нее не было ни малейшего желания еще больше унижить девушку в этой компании.

«И что же вы увидели?» — Спросила Амели.

«Ничего,» — ответила она. «Это не сработало.»

И Яромир, и Амели будут знать, что она лжет, но ни один из них не выдаст ее. Положив руку на подлокотник кресла, она попыталась встать. Маркус пристально смотрел на нее.

Киган казался неуверенным, но все же кивнул головой в сторону Маркуса. «Ты хочешь прочесть его прямо сейчас?»

«Нет» — сказал Маркус, и его голос эхом разнесся по палатке. «Только не так.»

Двое солдат двинулись, чтобы схватить его, и Селин не смогла удержаться от крика: «Не трогай его!» По какой-то причине она не могла смириться с мыслью, что эти грязные солдаты снова поднимут руки на Маркуса.

Оба солдата застыли на месте, и она снова попыталась взять себя в руки. — «Простите меня» — с трудом выговорила она Кигану. «День был слишком длинным, и я очень устала. Не могли бы мы, пожалуйста, отказаться от этого на ночь?»

Теперь стены палатки плавали вокруг нее, и она едва слышала его ответ, который, казалось, включал в себя какие-то извинения.

«Пожалуйста, отпустите Маркуса и Марию домой,» — сказала она.

Следующее, что она помнила, было то, что Яромир был с одной стороны от нее, а Амели — с другой, и ее вывели из передней части палатки. Она не помнила, как возвращалась к их собственной палатке, но когда они подошли к ней, то почувствовала, что Яромир входит внутрь.

* *

Когда Амели помогла Селин войти в их палатку, ее беспокойство переросло в открытую тревогу. Она видела свою сестру такой расстроенной только однажды, и Селин потребовалось много времени, чтобы прийти в себя. На столе горела свеча-фонарь. Должно быть, кто-то вошел и зажег ее для них.

«А что там произошло?» — Спросил Яромир. «Я знаю, что вы что-то видели.»

Амели помогла Селин сесть на стул и почти не поверила своим глазам, когда ее сестра издала единственный вскрик. Но они не плакали. Любой из них.

«Киган издевается над девушкой. .» — Селин удалось выбраться наружу. Она вытерла глаза и глубоко вздохнула. «Я видел его и могу сказать, что это было не в первый раз.»

Амели выпрямилась. «Что ты имеешь в виду, «злоупотребление?»»

«Ты знаешь, что я имею в виду,» — тихо ответила Селин. «Это не совсем сила, но он принуждает ее с помощью еды для детей и угроз заставить ее и ее сестру уехать.»

Амели резко повернулась к Яромиру. «Ты должен это прекратить. Скажи ему, что он должен остановиться, или ты доложишь о нем принцу Ливену.»

За все время, что она знала Яромира, она никогда не видела, чтобы он чувствовал себя так неловко. Он переминался с ноги на ногу и, казалось, не мог встретиться с ней взглядом.

«Амели. .,» — сказал он. — «Принцу Ливену все равно, а я не могу угрожать вышестоящему офицеру. Я знаю, что подобные вещи весьма прискорбны, но такое случается сплошь и рядом, когда люди дислоцируются в таких отдаленных местах, как это.»

«Несчастный случай?» — повторила она.

«Мужчины, обменивающие еду на благосклонность женщины, существуют так же долго, как и война,» — сказал он.

«Все было совсем не так,» — прошептала Селин. «Ты же его не видел. Это было ужасно.»

«Яромир, ты должен что-то сделать!» — Настаивала Амели. — «Ты защищаешь людей. Это то, что ты делаешь.» — Она не могла поверить, что он стоит здесь и спорит с ней. Почему он еще не подошел к палатке Кигана?

Его лицо посуровело. — «Я не могу, я ничего не могу сделать.» — Он попытился к выходу. «Мы здесь для того, чтобы решить одну проблему для принца Антона, и я думаю, что вам обоим следует помнить об этом.» — Он сделал паузу, но по-прежнему не смотрел ни на одного из них. «Вы оба устали. Поспите немного, а утром мы продолжим расследование. Я в соседней палатке. Позовите, если я вам понадоблюсь.»

Хотя казалось невозможным, что он повернется и уйдет, оставив все как есть, он так и сделал.

Амели на мгновение уставилась на пустой дверной проем, а затем снова повернулась к сестре. «О, Селин.»

* *

Бедняжка Амели была так поражена поведением Яромира, что Селин заставила себя встать.

«Мы сами кое-что сделаем для девочки,»- сказала она. «Я еще не знаю, что именно, но мы это сделаем.» — Она потянулась к руке Амели. — «В одном Яромир прав. Нам надо немного поспать. Помоги мне снять это платье.»

И уверенность в том, что они сами помогут Марии, и разумные слова о том, чтобы немного поспать, заставили Амели действовать. Они помогли друг другу раздеться до сорочки и чулок, а потом пошли осматривать кровать. Матрас и постельные принадлежности были сухими, но одеяла тонкими, поэтому Селин расстелила сверху их красные плащи, чтобы согреться еще больше. Затем она задула свечу фонаря.

Вскоре они уже лежали под одеялом, и Селин надеялась, что сестра не захочет больше разговаривать сегодня вечером. После всего, что произошло сегодня, она была не в состоянии говорить с кем-либо, даже с Амели.

К счастью, дыхание Амели вскоре стало спокойным и ровным, и Селин предположила, что сон придет к ней также быстро. Она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь так сильно уставала.

К сожалению, этого не произошло.

Может быть, она слишком устала, чтобы спать?

Или это было что-то другое? Она не могла объяснить этого, но когда села, ее взгляд переместился в темноту туда, где, как она знала, находилась закрытая дверь палатки. Там кто-то был. Кто-то ждал ее.

Оставив Амели спать, Селин встала с кровати и надела свой красный плащ. Она подошла к пологу палатки и вышла наружу. Вокруг не было ни одного солдата, но несколько фонарей на столбах позволяли ей видеть даже две-три палатки.

Движение у палатки впереди привлекло ее внимание, и кто-то вышел из темноты на свет висячего фонаря.

Это был Маркус.

И тут ей пришло в голову, что она, может быть, спит, а может быть, это просто сон.

Не раздумывая, она подошла к нему, и он отвел ее назад, подальше от глаз, между двумя палатками. Она последовала за ним. Его лицо было таким красивым, почти нереальным, с черными глазами и острыми скулами. Нет, это был не сон. Она уже проснулась.

«Я видела, что Киган делает с Марией,» — сказала Селин.

«Я знаю, что это так.»

«Я никогда не думал, что он вот так затащит тебя в свою палатку.»

«Я все понимаю. Я видел ваше лицо.»

Этот человек казался ей опасным, но по какой-то причине она его не боялась.

«Я не могу остановить Кигана,» — сказал он. «Единственное, что я могу сделать, — это увезти Мерседес и Марию из этого места, но я не могу этого сделать до конца осени, когда мой контракт закончится, и это только в том случае, если Мария уедет.»

«А почему бы ей не уехать?»

«Потому что нам не повезло, и хотите верьте, хотите нет, но кое-что было еще хуже до того, как мы прибыли сюда и наши люди начали подписывать контракты с домом Палена.» Его голос звучал обвиняюще, как будто он обвинял мужчин из своей семьи.

Селин и представить себе не могла, что жизнь странствующих кочевников

Мондиалитко может быть хуже резанских рудников. «Но вы же подписали контракт.»

«Нет, это не так. Но не сразу. Я был нашим охотником. Я остался, потому что мои люди нуждались во мне, и я видел, как наши люди попали в паутину, когда им обещали работу и зарплату. Но шахтеры получают зарплату только в том случае, если они завершают контракт. В течение года им разрешается вынимать ваучеры, чтобы обменять их на еду из палатки с провизией, но эти ваучеры позже выходят из их зарплаты. Вот почему так многие дети голодают. Их отцы стараются не попадать обратно на ваучеры.»

Он посмотрел на землю. «И Мерседес, и родители Марии ушли, и моя мать тоже.

Но мой отец все еще жив. Мой старший брат каждый год подписывал контракт, и он был одним из первых убитых в атаках этих солдат-Волков. Киган сказал мне, что если я не выполню его контракт, мой отец согласится работать вместо моего брата.

Мой отец нездоров, и я не могу этого допустить. . Я взял на себя выполнение контракта. Он будет закончен в конце осени. Но теперь, когда мой брат ушел, у меня есть некоторая власть в наших решениях. Как только я освобожусь, я заберу Мерседес, Марию и моего отца отсюда, если нам придется идти пешком, и мне придется нести Марию на плече. Я хотел бы спасти всю семью, но не могу, а эти трое для меня важнее всего.»

«Куда же вы пойдете?»

«На осеннюю ярмарку в окрестностях Кеонска. Некоторые из наших людей собираются там, и я попрошу другую семейную группу принять нас. Они не откажутся. У меня есть уверенность. . атрибуты, которые делают меня ценным.»

Она задумалась, что бы это могло быть, но передумала спрашивать. Он только сейчас начал доверять ей. «Зачем вы мне все это рассказываете?»

«Потому что я не мог допустить, чтобы вы видели то, что видели сегодня вечером, и думали, что я ничего не делаю, чтобы остановить это. Я собираюсь освободить Марию и Мерседес от этих солдат.»

Ненависть в голосе была такой сильной, что она чуть не попятилась. И снова она поняла, что его гнев направлен не на нее. Но если у кого-то и был мотив для саботажа шахт, то только у него. Если бы шахты были закрыты навсегда, разве шахтерам заплатили бы и

выпустили на свободу?

Без предупреждения его манеры изменились, и он придвинулся ближе, прижимая ее к палатке.

«Вы все еще хотите прочесть мое будущее?» — прошептал он. «Вам даже не придется пытаться. Просто дотроньтесь до моей руки.» — Он поднял тонкую руку.

Она помедлила с ответом.

«Боишься?» — спросил он.

Протянув руку, она коснулась двух его пальцев. Ей даже не нужно было сосредотачиваться, и мир вокруг исчез.

Ее не затягивало в туман, и она не чувствовала, что мчится вперед во времени.

Сцена снова приобрела характер сна. К ее изумлению, она была не просто зрителем. Вместо этого она поймала себя на том, что смотрит чужими глазами.

Она была ближе к земле и бежала на четвереньках через лес. Ощущение пронизывающей его свободы было волнующим. . так же как и скорость. Она чувствовала запах жизни вокруг себя, и ей очень хотелось поохотиться. .

Вырвав свою руку из руки Маркуса, она отступила назад.

Его глаза блеснули в лунном свете. — «Оставайтесь сегодня в своей палатке,» — сказал он, — «что бы вы ни услышали.»

Неужели он беспокоится за ее безопасность? «А почему вы хотите мне помочь?»

«Потому что я узнаю своих соплеменников, когда вижу их.»

Он повернулся и исчез в темноте.

Медленно повернувшись, Селин подошла к своей палатке и снова легла в постель.

Она хотела отделить и изучить то, что он сказал ей, и то, что она видела и испытала, когда прикоснулась к нему. Но на этот раз сон овладел ею, как только ее голова коснулась подушки.

Может быть, это был просто сон.

Глава 6

Позже той ночью Амели погрузилась в такой глубокий сон, что когда мир взорвался серией звуков, она не сразу отреагировала.

Первыми услышанными звуками были рычание и ворчание, за которыми последовали крики... доносившиеся откуда-то снаружи.

— Она выпрямилась.

Что же происходит? Сначала она даже не была уверена, где находится. Было темно, но она видела Селин, спящую рядом с ней, и вспомнила, что они были в палатке.

— Все, кто меня слышит, зажгите факелы и двигайтесь к периметру! — Крикнул Яромир откуда-то из-за стены шатра. — Не выпускай его из лагеря!

Спрыгнув с кровати, Амели натянула сапоги. У нее не было времени зашнуровать платье, поэтому она накинула плащ поверх сорочки. Вытащив кинжал, она крепко сжала рукоять, проклиная тот факт, что у нее нет меча.

Селин пошевелилась и села.

— Амели? Что происходит?

— Оставайся здесь, — приказала Амели. — Я должна помочь Яромиру, но не выходи из этой палатки!

Она выбежала на улицу, следуя за голосом Яромира.

* *

Услышав дикое рычание и чей-то крик, Яромир схватил несколько единиц оружия и выбежал из палатки вместе с Рюриком. Он организовал Рюрик, чтобы спать рядом с ним в маленькой палатке рядом, назначенных покоев сестер. Оба мужчины спали полностью одетыми.

— Сэр, откуда он идет? — Спросил Рюрик, покачивая головой взад-вперед.

Рычание и крики, казалось, эхом отдавались от палаток. Звуки были совсем близко, но Яромир не мог сказать, откуда они доносятся. Рюрик стоял с обнаженным мечом, но клинок Яромира все еще был в ножнах. Он пристегнул его и схватил толстую дубинку, которую принес из дома. Сражаясь с волками в прошлом, он нашел короткое, тяжелое оружие, которое было более эффективным в ближнем бою.

Кроме того... Селин упомянула, что ей нужен один из этих зверей живым.

Взглянув на меч Рюрика, он сказал: — Защищайся, но не убивай его без крайней необходимости.

Закрыв глаза, он на мгновение прислушался, а затем все звуки исчезли. Через секунду он слышал крики других солдат.

— Вон там, — сказал он, указывая на север.

Оба мужчины побежали между палатками, и Яромир резко остановился при виде капрала Куинна, одетого в бриджи и расстегнутую рубашку, с заряженным арбалетом в одной руке и длинным копьём в другой. Его взгляд был прикован к Земле.

Глядя вниз, Яромир испустил длинный выдох, а Рюрик сказал: — Ой. . Боже.

Там был солдат, которого Яромир раньше не видел, мертвый, с перерезанным лицом и горлом. Свет висящих фонарей освещал вид темной крови, текущей из раны на его горле и впитывающейся в грязь. Теперь к ним подбегали другие люди с копьями, но мир казался сплошной массой криков и смятения.

— Где капитан Киган? — Спросил Яромир у Куинна.

— Я его не видел, но нам нужно все организовать. Мы не можем позволить волку сбежать. Если он доберется до леса, то обогнет его и направится прямо к лагерю шахтеров.

В отсутствие Кигана Яромир взял на себя ответственность. — Все, кто меня слышит зажгите факелы и двигайтесь к периметру! — крикнул он. — Не выпускай его из лагеря!

Люди вокруг него быстро двигались, зажигая факелы от пламени висячих фонарей и разбегаясь по краям лагеря. Казалось, они испытывали почти облегчение оттого, что кто-то отдает им приказы.

— Я возьму северную сторону, — сказал Яромир Куинну. — Ты поедешь на юг. Я буду слушать Запад, а ты-Восток. Если он попытается выбраться, один из нас сможет добраться до людей, пытающихся его удержать. Если он не появится, я отдам приказ всем начать двигаться внутрь.

Куинн кивнул и повернул на юг.

— Яромир!

К его полному недоверию, Амели подбежала, одетая только в свою рубашку и плащ... держа в руках кинжал. О чем она только думает?

— Мне нужно оружие получше, — сказала она. — Быстро!

Люди кричали друг другу на периметре, и Куинн оглянулся. — Уберите отсюда эту женщину!

Борясь с поднимающимся в нем гневом, Яромир наклонился к раскрасневшемуся лицу Амели. — Немедленно возвращайтесь в свою палатку.

— Нет, я могу помочь. Просто дайте мне оружие.

— У меня нет на это времени! — крикнул он, зная, что уже должен был достичь Северного периметра. — В кои-то веки сделайте, как я сказал, и возвращайтесь в свою палатку!

Она не пошевелилась, но ее лицо исказилось, чтобы соответствовать ярости, которую он чувствовал.

Один из людей Куинна все еще находился в пределах слышимости. — Ты! — Позвал Яромир. — Отведите эту леди в ее палатку.

Затем он побежал, Рюрик следовал за ним по пятам, оставив Амели позади.

* *

— Амелия!

Селин смотрела, как сестра выбегает из палатки, и какое-то время сидела в страхе и неуверенности. Она так устала и так крепко заснула. Теперь она могла слышать крики со всех сторон снаружи... и Амели только что вышла туда.

Пытаясь собраться с мыслями, Селин выбралась из постели и натянула сапоги и плащ.

Она выскользнула из палатки, оглядываясь по сторонам. Ее сестры нигде не было видно, и хотя она не видела никого из солдат, лагерь, казалось, взорвался криками людей, кричащих друг другу.

Что же происходит?

Сзади раздалось низкое рычание, и она медленно обернулась.

Она застыла на месте.

Под светом висячего фонаря притаилось что-то похожее на волка. Он был огромен, с широкой грудью и лапами больше, чем руки Яромира. Его глаза были красными, и слюна капала с клыков его длинного, открытого рта.

Селин не шевелилась, дыша тихо, но он снова тихо зарычал.

Она не видела ничего, кроме безумия в глазах существа.

Напрягшись всем телом, он бросился вперед.

Селин бросилась вперед, бежала так быстро, как только могла, даже не глядя, куда идет.

— Амели! — закричала она.

* *

Амели дрожала от унижения и гнева, когда ее «проводил» обратно в палатку солдат Пален. Она найдет способ заставить Яромира заплатить за это. Хотя у солдата было короткое толстое копьё, он явно нервничал и всматривался в каждую тень, ведя ее вперед.

Затем... сквозь крики солдат, перекрикивающих друг друга, раздался крик.

— Амели!

Услышав крик Селин, Амели резко развернулась, ударив солдата Палена носком ботинка сзади по лодыжке, отчего тот растянулся на полу. Когда он упал, она выхватила копьё из его руки.

Присев на корточки, чтобы засунуть Кинжал обратно в ножны в сапоге, она схватила копьё обеими руками и побежала на звук голоса Селин.

* *

Яромир как раз достиг Северного периметра, когда услышал крик Селины.

— Амели!

Он резко остановился, и Рюрик заскользил рядом с ним.

— Это была Селин! — Воскликнул Рюрик, констатируя очевидное.

— Тихо, — приказал Яромир, прислушиваясь.

Он не слышал громкого рычания, и Селин больше не кричала, так что он был разорван. Что, если ее бедственное положение не имеет никакого отношения к зверю, преследующему эти палатки? На нем лежала ответственность помочь Куинн удержать волка от проникновения в лес.

Но... у него была большая ответственность перед Антоном, и это означало защиту Селин и Амели.

— Рюрик, ты займешь мое место здесь, работая с Куинном. Прислушайся к нему. Если он позовет на помощь, беги к нему, понял?

— Да, сэр.

Оставив Рюрика позади, Яромир побежал на Запад, огибая лагерь, и с тревогой увидел как мало охраняется он с этой стороны. Он должен был что-то сделать с этим быстро.

Но у него никогда не было времени.

Секундой позже Селин выскочила из-за двух внешних палаток шагах в сорока впереди него и побежала к деревьям. Большое мохнатое существо на четырех лапах выскочило вслед за ней, сокращая расстояние, и они оба исчезли в окружающем лесу.

— Куинн! — Крикнул Яромир. — Рюрик! Сюда!

Он рванулся вперед.

* *

Не имея выбора, Селин вслепую бросилась в лес, не думая ни о чем, кроме бегства.

Она чувствовала и слышала, как огромный волк бежит за ней по пятам, и попыталась обогнуть дерево, надеясь, что он пробежит мимо и даст ей несколько секунд.

Но его скорость и контроль над телом были поразительны. Когда она увернулась, он опустил на задние лапы и повернулся, чтобы атаковать. Все, что она могла видеть-это зубы, шерсть и безумные красные глаза.

— Я умру, — подумала она.

Но прежде чем волк успел спрыгнуть, что — то меньшее и темное — и такое же густо покрытое шерстью-выскочило из-за деревьев и прыгнуло, поймав мокрого волка в бок и сбив его с ног. Ночной воздух наполнился рычанием и ворчанием.

Селин ахнула, не в силах разглядеть что-либо в темноте, но тут она услышала топот сапог по лесу, и в поле зрения появился Яромир с какой-то тяжелой дубинкой.

Повернув голову обратно к волку, она обнаружила, что меньшее существо — которое она никогда не видела ясно — исчезло.

Красноглазый зверь вскочил на ноги и снова бросился на нее.

Яромир приблизился сбоку, замахнулся дубинкой вниз и ударил волка по голове. Звук резонировал так громко, что она подумала, что он, должно быть, проломил ему череп.

— Селин, не подходи! — крикнул он.

Огромный волк не остался лежать. Он перекатился несколько раз, рыча от ярости, и снова вскочил на ноги, бросаясь на Яромира. Он сжал свою дубинку, но Селин не представляла, как он сможет выдержать полный натиск чего-то столь огромного, и дико огляделась в поисках ветки, чего-нибудь, чем можно было бы ему помочь.

Когда волк промчался мимо нее, кто-то появился в поле зрения с другой стороны дерева, размахивая узким предметом вниз. Раздался громкий треск, и Селин обернулась, чтобы увидеть Амели, в ее красном плаще, с коротким копьём в руке, и... она только что нанесла удар по голове зверя прикладом копья.

Взмахнув копьем, Амели опустила его снова, сильно, на затылок волка, и уже оглушенное существо рухнуло. Она снова замахнулась, на этот раз ударив его по голове, и он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, но дышал.

Затем все, что Селин могла слышать, были Яромир и Амели, оба тяжело дышащие, когда они смотрели друг на друга.

— Вот и твоя пленница, Селин, — выдохнула Амели.

Капрал Куинн, Гвардеец Рюрик и еще трое мужчин прорвались сквозь деревья, и Куинн поднял копье, увидев волка на земле.

— Нет, — сказал Яромир, все еще тяжело дыша, но подняв руку. — Нам это нужно.

Куинн выглядел неуверенным и не опустил копье.

Чувствуя головокружение и тошноту, Селин каким-то образом встала между ними. — Пожалуйста, капрал... просто привяжите его где-нибудь и не давайте ему воды.

Мир вокруг нее начал вращаться, и земля понеслась вверх

Глава 7

— Селин?

Открыв глаза, Селин обнаружила, что лежит на кровати в палатке, которую она делила с Амели, а ее сестра — полностью одетая — склонилась над ней, держа тарелку с хлебом и кружку дымящегося чая. Полог палатки был приоткрыт, открывая яркий дневной свет снаружи.

— Амели? А сколько сейчас времени?

— Почти полдень. Мы не хотели тебя будить, но Яромир решил, что уже пора.

— Полдень? — Селин не могла припомнить, чтобы когда-нибудь спала так поздно, но прошлой ночью что-то случилось. . что-то. .

Обрывки и кусочки разлетелись в разные стороны.

— Все в порядке, — поспешила сказать Амели. — Ты просто упала в обморок.

Селин моргнула, внезапно почувствовав себя менее встревоженной и несколько раздраженной предложением Амели. Сестры Фау не плакали, не спали до полудня и уж точно не падали в обморок.

Увидев выражение ее лица, Амели подняла одну руку в знак капитуляции. — Тебе нужно поесть и одеться. Куинн привязал волка в сарае, но ему уже не терпится сделать то, что мы собираемся сделать.

— О...

Селин выбралась из постели и потянулась за своим коричневым шерстяным платьем, в то время как в голове у нее роились вопросы.

— А как же капитан Киган? — спросила она. — Я ни разу не видела его прошлой ночью.

— Он в порядке, — ответила Амели, не пытаясь скрыть свое отвращение. — Но он выглядит еще более изношенным. Я думаю, что он продолжал пить еще долго после того, как мы ушли прошлой ночью, и он, вероятно, проспал все испытания, связанные с нападением на его лагерь. Один из солдат Палена был убит. Я видел тело.

Селин отрицательно покачала головой. — Бедняк.

Киган не имел никакого отношения к тому, чтобы быть поставленным во главе кого-либо. Он издевался над женщинами и пренебрегал мужчинами. Пытаясь сосредоточиться на чем-то другом, она начала зашнуровывать свое платье спереди.

— Селин... — Начала Амели и тут же остановилась.

— Что же это такое?

— Мы с тобой уже встречались с этим человеком... вчера вечером все изменилось. Куинн произвел подсчет голов, и Гвардеец Рэмси оказался единственным пропавшим без вести.

Руки Селин перестали зашнуровывать платье. Рэмси был тем самым высоким мужчиной, который спорил с Киганом на закате прошлой ночью. Ни она, ни Амели не знали его, но все равно было грустно смотреть в лицо этой трагедии. Рэмси был такой же жертвой, как и солдат, которого он убил в своем безумии.

Закончив одеваться, она поняла, что проголодалась, и принялась за хлеб и чай.

— Я думаю, что должна прочесть Рэмси — сказала Амели. — Видя его будущее, мы ничего не узнаем... поскольку я не уверен, что у него есть большое будущее в его нынешнем состоянии. Но, может быть, я вижу что-то, что произошло непосредственно перед изменением, что-то, что вызвало его.

Сделав большой плоток теплого чая, Селин задумалась над словами сестры и кивнула. — Да, ты совершенно права. Позволь мне сделать осмотр, а потом я попрошу тебя прочесть. — Она подошла к столу и взяла пустой таз с водой и кувшин. — Вот, возьми это с собой. Неужели они заставили его пить, как я просил?

— Да. Почему?

Селин поспешила к своей коробке с припасами и достала бутылку с маковым сиропом. — Потому что связанный или нет, он все равно будет опасен. Я не хочу, чтобы он потерял сознание, иначе ты не получишь никаких показаний, но мы это делаем и нужно, чтобы он успокоился.

С этими словами она направилась к пологу палатки и вышла наружу. Гвардеец Рюрик уже ждал его и отвесил добродушный, но насмешливый поклон. — Миледи Селин.

— Ой, перестаньте. — Она была рада увидеть еще одно знакомое лицо. Его волосы до плеч казались еще более кудрявыми, чем обычно, и в солнечном свете она заметила, что у него были легкие веснушки. — У вас здесь все было в порядке? Мы почти не виделись, и я беспокоилась, что вы были отрезаны от мира и совсем одни.

— Со мной все было в порядке. Большинство солдат Палена привыкли спать в больших палатках. Безопасность в количестве и все такое. Но я сплю в маленькой палатке рядом с вашей вместе с лейтенантом. Я бы рискнул встретиться с ним в любой день. — Он сверкнул улыбкой.

Несмотря ни на что, она улыбнулась в ответ. — Я тоже так думаю.

Амели подошла к ним сзади, неся таз и кувшин. — Нам надо добраться до сарая.

Рюрик посмотрел на нее. — Вам лучше быть поосторожнее с лейтенантом. Он вполне может быть связан из-за того, что вы не подчинились его приказам прошлой ночью.

— Я спасла ему жизнь!

— Это не имеет значения.

Вместо ответа Амели хмыкнула, и все трое двинулись прочь, направляясь через палатки к единственному деревянному строению в лагере солдат. День был ясный, и сквозь облака над головой проглядывали ясные пятна. Обе сестры забыли свои плащи, и Амели, казалось, чувствовала себя несколько более комфортно, когда она шла вперед в своем бледно-голубом платье.

— Как вы думаете, когда мы закончим со всем этим? — Спросил Рюрик. Его прежнее добродушие казалось натянутым, как будто ответ имел для него очень большое значение.

Селин вспомнила, как неохотно он занял место Павла, и снова задалась вопросом, почему.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Мы еще не научились ничему полезному. Мы даже не знаем, вызваны ли эти превращения какой-то инфекцией или кто-то специально делает это с солдатами.

Впереди показался сарай с небольшой группой кур, клевавших землю перед домом, и тут она увидела, что Яромир ждет снаружи с двумя мужчинами. Подойдя ближе, она узнала Гвардейцев Сондерса и Грэма. Выражение лица Сондерса было мрачным, но глаза Грэма были красными, как будто он плакал, и снова все эти трагедии поразили Селин. Грэм был молод, и Рэмси был его другом — возможно, даже защитником.

— Мне очень жаль, — сказала она, подходя к нему. — Амели только что сказала мне, что это был Рэмси.

Грэм уставился в землю.

— Киган и Куинн внутри, — тихо сказал Яромир. — Я подумал, что вы захотите допросить этих двоих, прежде чем мы войдем.

Это была хорошая мысль с его стороны. Хотя вчерашний день и прошлая ночь были трудными, сон и чай заставили ее чувствовать себя гораздо лучше, чем сегодня. — Она повернулась к Сондерсу.

— Пожалуйста, поймите, что мы всего лишь пытаемся выяснить, что здесь происходит, чтобы остановить это, — начала она, — но были ли вы с гвардейцем Рэмси вчера вечером?

Оба мужчины согласно кивнули.

— А он ел что-нибудь, чего не ели вы? — спросила она. — Или выпить что-нибудь, чего вы не пили? Вы можете вспомнить кого-нибудь необычного, с кем он разговаривал?

Грэм поднял голову. — Нет, мы все съели свой обычный паек, а потом некоторое время играли в карты, но через час после наступления темноты мы разделились, чтобы отправиться на свои ночные посты, и все... тогда я видел его в последний раз.

— Он все еще сердился на капитана Кигана? — Внезапно спросила Амели.

Глаза обоих мужчин расширились, но ни один из них не произнес ни слова.

— Просто мы случайно слышали, как капитан вас наряжает, — продолжала она, — и Рэмси тоже что-то сказал ему в ответ.

Сондерс отрицательно покачал головой. — Такова уж натура Рэмси. Он легко взрывается и легко с этим справляется. Он недолго сердился.

— Мисс... миледи — сказал Грэхем. — Вы можете что-нибудь для него сделать? Он... он всегда заботился обо мне. Вы можете дать ему одно из своих зелий и вернуть его обратно?

Бедный юноша. Селин не могла солгать ему. — Я так не думаю. Я даже не знаю, что с ним случилось, поэтому даже не знаю, как это исправить.

Его подбородок снова опустился к земле, но она не собиралась давать ему ложную надежду. — Если кто-нибудь из вас вспомнит что-нибудь необычное из того, что произошло вчера, пожалуйста, приходите и расскажите об этом кому-нибудь из нас.

Яромир повернулся, чтобы открыть дверь сарая, и она поняла, что он, казалось, демонстративно игнорировал Амели, которая демонстративно игнорировала его в ответ. Селин захотелось вздохнуть. Она предчувствовала, что в ближайшем будущем их ждет громкий спор.

Прежде чем войти, Амели подошла к корыту для лошадей и наполнила кувшин.

Селин повернулась и шагнула в дверь. Войдя внутрь, она увидела сарай, который также служил конюшней для нескольких лошадей — и двух коров, которых она могла видеть. Это было большое сооружение с высокими окнами по обеим сторонам. Свет проникал внутрь, чтобы показать висящую в воздухе пыль, и лошади беспокойно двигались в своих стойлах, как будто хотели выйти.

Амели и Рюрик присоединились к ней внутри.

Яромир прошел мимо и взял на себя инициативу, направляясь через ряд стойл прямо к задней части. Четверка вошла в большую открытую комнату с земляным полом, где их уже ждали капитан Киган и капрал Куинн. Куинн был, как всегда, ухожен — и держал копье, — но капитан выглядел ужасно, его волосы были в беспорядке, а кожа отливала зеленым. Он поднес руку ко рту и тихонько рыгнул.

Однако она не задержалась надолго, чтобы оценить его, так как рычащее существо, привязанное к столбу, поглотило все ее внимание. Прошлой ночью ей не удалось разглядеть его как следует, и теперь она придвинулась ближе. Его рычание перешло в рычание, но она видела, что он был закреплен каким-то самодельным кожаным ремнем и привязан к вбитому в землю колу.

Зверь казался огромным волком, больше медведя — хотя она уже видела его прошлой ночью. Теперь она полностью видела его зубы и детали массивных когтей. Его мех был коричневым с примесью белого. Его глаза все еще были красными, а от тела исходил странный мускусный запах.

— Жаль, что он без намордника, — сказал Куинн. — Мы связали его прошлой ночью, и я как раз собирался сделать намордник, когда он проснулся, и я отвел своих людей назад. Если понадобится, я могу снова вырубить его до потери сознания.

— Нет, все в порядке, капрал. Нам с Амели нужно, чтобы он хотя бы частично проснулся.

— Это абсурд, — сердито сказал Киган, поворачиваясь к Яромиру. — И я думаю, что у вас должно было хватить здравого смысла остановить это прошлой ночью. Вы не можете позволить этим придворным дамам приблизиться к этой штуке и притвориться, что читаете ее будущее или прошлое.

Ну, вот и все. По крайней мере, он открыто признавался, что считает их богатыми глупыми мошенниками, играющими в придворные игры для развлечения Антона.

Кожа на скулах Яромира натянулась назад. — Я здесь по просьбе князя Антона и служу ему. Поскольку вы не присутствовали вчера вечером в качестве старшего офицера, я решил действовать так, как считал нужным.

Зеленая кожа Кигана побледнела, и Яромир повернулся к Селин.

— И что теперь? — спросил он.

— Нам нужно накачать Рэмси наркотиками — сказала она, подходя к Амели. — Поставь тазик на землю и налей воды. Он уже наверняка хочет пить.

При упоминании имени Рэмси все мужчины слегка поморщились, словно она сказала что-то невкусное. Она не обращала на них внимания.

Амели наполовину наполнила чашу, а Селин отмерила и налила несколько ложек макового сиропа, хотя и не была уверена, сколько именно использовать. Она хотела, чтобы волк был спокоен, но все еще бодрствовал.

— Я думаю, этого достаточно — наконец сказала она, протягивая руку, чтобы поднять свое варево.

— Что вы там делаете? — Испуганно спросил Яромир, подходя ближе. — Дайте мне это!

Покачиваясь на каблуках, Селин беспомощно смотрела, как он схватил тазик.

— Хулиган, — пробормотала Амели себе под нос.

Яромир притворился, что не был достаточно близко, чтобы слышать, и направился к волку, который рычал и дергался в упряжи, когда он подошел ближе. Он остановился в нескольких шагах, поставил тазик на пол и медленно подвинул его, пока тот не оказался достаточно близко, чтобы волк начал жадно лакать.

Капитан Киган наблюдал за всем этим, скрестив руки на груди.

— Безумие, — пробормотал он.

— Спасибо, — сказала Селин Яромиру. — Теперь мы ждем.

Некоторое время все молчали, а потом волк перестал рычать. Он споткнулся. Еще через несколько мгновений он опустился на землю. Селин сделала несколько шагов к нему, и Яромир оказался рядом с ней, положив руку на рукоять своего меча.

— Идите и помогите мне с этой следующей частью, — сказала Селин, придвигаясь еще ближе. Волк лежал без сна, но в каком-то оцепенении.

— Помочь вам в чем? — Спросил Яромир.

— Я думаю, у вас есть некоторый опыт в поисках небольших ран? Нам нужно осмотреть его тело и посмотреть, сможем ли мы узнать, как Рэмси был заражен. Неужели его укусили? Порезался? Ткнули чем-то? Может быть, это и не так, но мы должны посмотреть.

Заинтересованно кивнув, Яромир опустился рядом с ней на колени. Он всегда был счастлив, когда ему нужно было сделать что-то твердое и ясное.

Амели отступила назад и позволила Селин и Яромиру осторожно пройти над телом волка. Селин начала с лап, а Яромир — с головы, предварительно осмотрев уши.

Впервые Киган выглядел менее раздраженным и молча наблюдал за происходящим, как будто даже он мог видеть смысл в том, что они делали. Селин провела руками по каждому дюйму волчьего тела, ее пальцы пробежались сквозь грубый мех, чтобы почувствовать толстую шкуру на его мускульной структуре. В конце концов, к ее разочарованию, они не нашли ничего, кроме нескольких шишек на голове волка, когда он был разбит без сознания.

— Она покачала головой. Ничего. — Затем она снова посмотрела на Амели. — Я предполагаю, что это твоя очередь. Я не могу придумать ничего другого, чтобы искать здесь.

Хотя Амели была той, кто предположил, что чтение прошлого Рэмси было бы намного полезнее, чем чтение его будущего, теперь, когда перспектива была на ней, она обнаружила, что ей не хочется прикасаться к этому существу и пытаться сформировать достаточно сильную связь с его духом, чтобы прочитать его прошлое.

Ее способности немного отличались от способностей Селин в нескольких отношениях. В то время как Селин могла видеть что-то будущее только как наблюдатель, если Амели хотела, она могла соединиться со своей целью и увидеть прошлое его или ее глазами. Кроме того, в некоторых случаях люди, которых читала Амели, могли так же, как и она, осознавать воспроизводимые сцены, а потом они точно знали, что она видела. Люди, которых читала Селин, понятия не имели, что она видит. Обе сестры обсуждали эти различия, и Селин предположила, что они могли быть вызваны тем, что прошлое было высечено в камне, а будущее все еще можно было изменить — что она видела только одну возможную линию, если что-то не будет сделано, чтобы изменить ее.

Когда Амели медленно приблизилась к волку, она была полна решимости вернуться только в качестве наблюдателя, и хотя она верила, что у нее есть мужество, даже это наполняло ее страхом.

Момент сомнения, должно быть, отразился на ее лице, потому что Яромир встал с места.

он сидел на корточках рядом с этим существом.

— Что случилось? Вы можете это сделать?

Это было все, что потребовалось, чтобы укрепить позвоночник Амели. Он был невыносим с прошлой ночи, сначала отказываясь сделать что-либо, чтобы помочь Марии, затем обращаясь с Амели как с ребенком и приказывая ей вернуться в свою палатку, когда она принадлежала к середине битвы, и теперь он вел себя так, как будто она была неправа, потому что пришла к нему на помощь в лесу.

Она не позволит ему увидеть ее в страхе перед чем-либо.

— Конечно, я могу это сделать.

Подойдя ближе, она присела на корточки, и он тоже.

— Селин, — спросил он, — как долго этот зверь будет находиться под действием наркотика?

— Даже не знаю. Я ничего не знаю о его внутреннем устройстве. Я должна была угадать, сколько сиропа положить в воду.

Яромир посмотрел через волка на Амели. — Продолжайте читать, но если эта штука начнет просыпаться, я вас сильно толкну. Селин, вы вернетесь к Куину и Рюрику.

Когда Селин поспешила прочь, Амели стиснула зубы. Когда дело касалось их троих, почему Яромир всегда настаивал на том, чтобы все знали, что он главный?

Пытаясь забыть о его присутствии, она протянула руку и закрыла глаза. Ее рука лежала на плече волка. Она ожидала, что мех будет мягким, но он оказался на удивление грубым. Отбросив все свои страхи, она сосредоточилась на волке... на Рэмси, и она попыталась нащупать искру его духа.

После первого она ничего не почувствовала, ничего не почувствовала.

Сосредоточившись, она забыла о волке и сосредоточилась только на Рэмси, представляя его в своем воображении.

Без предупреждения, без единого толчка, она рванулась назад сквозь серо-белый туман, мчась назад по коридору времени. Теперь она определенно чувствовала присутствие духа, и он был силен. Он хватался за нее, цеплялся за нее, и она пыталась сопротивляться, держаться отдельно, быть только наблюдателем, но дух слился с ее духом, и она знала, что проиграла битву. Из всех сил стараясь не терять голову, чтобы убедиться, что чтение не было пустой тратой времени, она сосредоточилась на недавней жизни Рэмси в этом лагере, на попытке заставить его показать ей, что с ним случилось, что заставило его измениться.

Но туман резко остановил ее и не позволил пересечь определенную точку. Затем туман рассеялся, и она обнаружила, что стоит в темноте на краю лагеря солдат, глядя внутрь, на палатки.

Ее охватила тошнота.

Боль, какой она никогда не испытывала, волнами прокатывалась по ее телу, и она не могла удержаться от крика и удушья, когда ее вырвало содержимым желудка. Поднеся руки к глазам, она увидела мужские руки, на которых начала расти шерсть и когти.

Ужас превзошел боль.

Она была внутри Рэмси, как и он прошлой ночью, и он знал, что с ним происходит. Ему было так страшно и так больно. Она услышала, как рвется его одежда, и почувствовала, как его тело распрямилось.

И затем... все, что она чувствовала, была ярость, потребность убивать... и она бросилась вперед на четырех ногах...

— Амели!

Сцена исчезла, и она задыхалась. Открыв глаза, она обнаружила себя частично на полу сарая, частично в объятиях Яромира. Селин бежала к ней, падая на колени.

— С тобой все в порядке? — Спросила Селин. — Яромиру пришлось тебя оттащить Тебя так сильно рвало.

Пытаясь сделать несколько вдохов, Амели не могла справиться с волнами отчаяния, захлестывающими ее. Рэмси исчез. Внутри волка от него ничего не осталось.

— Я не могла... — она попыталась сказать. — Я не могла пройти мимо прошлой ночи, когда он начал меняться. Я почувствовала это. Я чувствовала все.

Яромир держал ее, раскачивая взад-вперед.

На мгновение она позволила ему это. Затем она отстранилась и попыталась сесть самостоятельно. — В этом кувшине осталась вода?

Рюрик схватил кувшин и поспешил к нему.

Как только Амели вымыла рот, она покачала головой в напряженной печали. — Я пыталась, Селин. Я ничего не вижу в жизни Рэмси. Я вижу только, когда начался волк.

Глядя на Амели, Селин ненавидела то, что ее сестра была вынуждена терпеть это. Она не могла представить, что Амели видела и чувствовала в последние несколько мгновений.

Поднявшись на ноги, Селин повернулась к Кигану и Куинну.

Киган выглядел теперь более встревоженным и менее раздраженным.

Хорошо, подумала Селин. Он должен быть встревожен.

— Я надеялась, что это сработает, — сказала она ему, — но, похоже, от Духа Рэмси осталось слишком мало, чтобы моя сестра могла заглянуть в его прошлое. — Она сделала паузу и собрала духом. — Пора менять тактику. Капитан, вы должны дать нам разрешение начать читать ваших людей. Если я смогу точно определить следующую жертву, мы сможем выяснить, что происходит.

Его рот открылся, и на этот раз его зеленоватая кожа начала розоветь.

— Ни в коем случае! — он плюнул в нее. — Я не позволю, чтобы мои люди подвергались воздействию двух дам, играющих в провидцев Антона, только для того, чтобы вы выделили одного мужчину в качестве следующей «жертвы», как вы изящно выразились. Вы знаете, что с ним будет? Остальные убьют его на месте.

Яромир встал. — Капитан, ваш принц просил помощи у своего сына, и его сын послал нас, а вас попросили оказать нам всяческое содействие.

— Не до такой степени, чтобы подвергать опасности моих людей, — парировал Киган.

Его насмешка над их способностями не удивила Селин, но он казался неуверенным после наблюдения за Амели — как будто он начал задаваться вопросом, могут ли они сделать то, что они утверждают. До этого момента он не проявлял особой заботы о своих людях. Но какая еще могла быть причина, по которой он не хотел, чтобы она или Амели читали их?

Киган снова повернулся к волку, и ужас в его налитых кровью глазах был достаточно

ясен. — Леди Селин, — сказал он, обрывая слова, — вы можете узнать что-нибудь еще от этого зверя?

Возможно, он хотел ее уволить. Она боролась за то, чтобы попробовать что — то еще что угодно. Если он не позволит ей читать солдат, она окажется в тупике. Но до нее ничего не дошло, по крайней мере пока.

Он, казалось, воспринял ее молчание как ответ, и она ожидала, что он разогнал группу, чтобы они все могли покинуть этот сарай. Вместо этого он указал на Куинна, а затем на волка. Куинн поднял копье и сделал несколько шагов вперед.

Селин похолодела. — Стойте! Что вы делаете?

Амели поднялась на ноги, но ничего не сказала.

Яромир выхватил меч и сказал: — Селин, выйдите на улицу.

Она почувствовала, как ее глаза расширились. — Яромир, нет! Он привязан к столбу и не может причинить никому вреда. Вы не можете просто убить его. Здесь он-жертва. — Она не могла поверить, что они вообще об этом думают. — Амели, не позволяй им!

Но сестра отвела взгляд, и Яромир кивнул кому-то за спиной Селин. Чья-то рука обхватила ее живот и оторвала ноги от Земли. Она брыкалась и пыталась вырваться.

— Это всего лишь я, — прошептал Рюрик ей на ухо. — Не сопротивляйся.

— Рюрик, отпустите меня! Яромир, вы не можете этого допустить!

Рюрик повернулся и быстро зашагал через сарай, неся ее мимо стойл и, наконец, через дверь наружу. Только тогда он поставил ее на ноги, и она отпрянула, прижимая ее спиной к стене сарая.

— Рюрик, как вы могли? Как вы могли им позволить?

— Лейтенант прав! — Его голос был неровным. — Вы слышали Амели. Гвардеец Рэмси исчез. Он умер прошлой ночью, и все, что осталось-это та штука там. А что, если он освободится? Вы хотите, чтобы он бегал по лагерю? Вы хотите, чтобы он убил одного из детей шахтеров или Амели? Это то, чего вы хотите?

Пораженная, она замолчала.

Он наклонился вперед, положив руки на колени. — Вы же знаете, что лейтенант прав. Он защищает своих.

Преданность в его голосе тронула ее, и она не знала, что и думать.

— Как мы можем закончить это, чтобы уехать? — тихо спросил он.

Она немного помолчала, а потом прошептала: — Мы с Амели не пара опытных военных следователей. Мы всего лишь видящие, и мы не можем ничего решить, пока нам не разрешат использовать наши способности. Вы слышали капитана Кигана. Если он не даст нам более свободной руки, я даже не знаю, что делать дальше.

Рюрик, казалось, обдумывал это. — Значит, проблема в Кигане?

Все было гораздо сложнее, но, да, Киган был в центре всего этого.

— Я не хочу никого из них видеть, когда они выйдут, — сказала она, меняя тему разговора. — ТВы отведете меня обратно в мою палатку?

— Конечно

* *

После того, как Рюрик оставил ее в палатке — и направился обратно в сарай, — Селин занялась своими делами, выпрямляясь и застилая постель. Время, казалось, тянулось медленно.

Как только она закончила, Амели вошла через заслонку и неловко встала у входа. В

руках она держала несколько красных яблок. — Я купила их в палатке с провизией. Я подумала, что ты, наверное, проголодалась.

Селин сделала вид, что продолжает стелить постель.

— Мне жаль, что я позволила Рюрику унести тебя оттуда, — добавила Амели.

— Так вот о чем ты сожалеешь? Что Рюрику пришлось меня выносить?

Оглянувшись, она увидела, что Амели вздрогнула, и пожалела о своих словах. — О, Амели... — Подойдя ближе, она увлекла сестру еще дальше внутрь. — Прости меня. Я просто расстроена. — Она заколебалась. — Это... это сделано?

Амели кивнула. — Яромир позаботился, чтобы все произошло быстро. Вот почему я тоже осталась.

Селин тихо вздохнула, уже не понимая, что правильно, а что нет. Возможно, это было правильно-убить Рэмси. Это казалось таким несправедливым.

— Рюрик считает, что нам нужна прогулка, — продолжила Амели. — Он говорит, что несколько человек сказали ему, что недалеко на Востоке есть небольшой луг. Мы с ним отведем туда всех четырех наших лошадей, чтобы они могли пастись несколько часов. Он говорит, что им вредно жить на диете из чистого зерна.

— Похоже, он неплохо разбирается в лошадях. — Даже когда эти слова слетели с губ Селин, ей показалось странным говорить о прогулках и лошадях, когда человека только что убили, привязав к столбу.

— Его отец-егерь принца Ливена, но я думаю, что он тоже вырос с лошадьми. — Амели потянулась за своим красным плащом. — Почему бы тебе не пойти с нами? В данный момент мы ничего не можем здесь сделать.

Селин взглянула на свою коробку с припасами. — Я обещала кое-кому из шахтеров, что вернусь сегодня. Есть несколько человек, которых мне нужно проверить.

— О... хочешь, я останусь и помогу тебе?

— Нет-нет. Ты пойдешь с Рюриком. Он больше нуждается в твоей помощи. Я просто хочу взглянуть на некоторые из них. Дети с кашлем и некоторые мужчины, страдающие от боли в суставах.»

— Ты уверена?

Селин поняла по голосу Амели, что ее сестра предпочла бы быть снаружи с Рюриком, подальше от этого лагеря, сидя на лугу и позволяя лошадям пастись. Но Селин поймала себя на том, что ей не терпится провести какое — то время вдали от всех своих спутников-даже от Амели.

— Не сомневаюсь. Ты иди вперед.

Когда Амели выскользнула из комнаты, Селин задумалась, что Яромир собирается делать в этот день, но не долго. Надев свой собственный красный плащ, она засунула яблоки в большие передние карманы. Собрав грязные шерстяные платя, оставшиеся с дороги, она подняла коробку с припасами. Как только все было у нее в руках, она направилась на север через палатки к тропинке между деревьями.

Когда тропинка вывела ее на открытое пространство лагеря шахтеров, она не могла отделаться от ощущения, что эти лагеря были почти отдельными мирами, Соединенными только небольшим участком расчищенной земли между ними.

Она посмотрела направо на лачуги и хижины, а затем налево на коллекцию крытых фургонов. Ее взгляд остановился на самой большой повозке с крашеными ставнями.

Схватив свою коробку, она направилась налево, гадая, каким будет ее прием после

вчерашнего вечера. Несколько Мондиалитко, толпившихся снаружи, посмотрели в ее сторону, и она приветственно улыбнулась. Когда она добралась до места назначения, Мерседес открыла дверь и посмотрела на нее с непроницаемым выражением лица.

— Мне очень жаль, что Марию и Маркуса вчера вечером потащили в лагерь солдат, — тут же сказала Селин. — Я понятия не имела, что это произойдет.

Выражение лица Мерседес, казалось, застыло в спокойном вечном гневе, но она кивнула. — Я знаю, что вы этого не делали, Маркус сказал мне. — Она перевела взгляд на коробку с припасами. — И даже если бы вы это сделали, я была бы душой, если бы прогнал вас.

Ее темно-каштановые волосы были распущены этим утром, что делало ее моложе. Она кивнула с одной стороны. — Давайте поднимайтесь. Маркус уехал на охоту, но я разнесу слух, что вы здесь. — Она протянула руку. — Позвольте мне отнести эти платья в стирку.

— А где Мария?

— Даже не знаю. Я редко знаю, куда направляется эта девушка. Она дикая, как олень.

Селин поднялась по ступенькам, сбросила платья и вошла внутрь. Она сняла плащ и начала накрывать на стол, пока Мерседес собиралась уходить.

— Я бы хотела увидеть мальчика со сломанной рукой, — сказала Селин, — и, конечно, того пожилого мужчину с распухшими суставами пальцев. Я хочу отправить часть этого аконита домой вместе с ним.

После полудня все продолжалось, и погружение в работу оказалось хорошей отдушиной для Селин. Она с головой ушла в помощь другим.

Она была рада видеть, что сироп от кашля из лепестков роз хорошо помог больным детям, и Мерседес удалось найти несколько маленьких бутылочек, чтобы часть смеси можно было отправить домой.

Мальчик со сломанной рукой чувствовал себя неловко, но этого следовало ожидать с недавно вправленной костью, и поскольку он больше жаловался на зуд бинтов, чем на что-либо другое, Селин подумала, что он на пути к выздоровлению. Отец трижды поблагодарил Селин — к ее смущению.

Остаток дня она провела, втирая аконит в больные или распухшие суставы, и снова Мерседес вышла и собрала несколько маленьких баночек, чтобы Селин могла отправить мазь домой вместе с теми, кто страдал сильнее всего.

Когда солнце начало клониться к закату, после того как был осмотрен последний пациент, обе женщины опустили в кресла. Селин сунула руку в коробку и вытащила мешочек.

— Как вы думаете, вы могли бы сделать еще одну вещь, — спросила она, — и принести нам горячей воды?

Мерседес наклонилась вперед. — В чем дело? Какая-то другая трава у меня есть.

— Нет. Селин устало улыбнулась. — Это чай со специями. Для нас.

— Пряный чай? Мы не пили чай больше года. Я сейчас вернусь.

Когда Мерседес вышла на улицу, Селин достала из кармана плаща яблоки и достала нож. Она нарезала их на кусочки и вырезала семена. Когда Мерседес вернулась с небольшим котелком кипятка — от костра снаружи — и принесла две кружки, Селин приготовила им чай.

Когда Мерседес посмотрела на чай и нарезанные яблоки, гнев на ее лице померк, уступив место печали. — Вы заставляете меня вспоминать так много вещей, которые я

забыла. Вы заставляете меня стыдиться того, что я приняла.

Селин пододвинула к ней кружку с чаем. — Маркус говорит, что заберет вас отсюда осенью. Когда он закончит контракт своего брата.

Мерседес оглянулась. — Это он вам сказал? Я имею в виду... Я знаю его план. Просто обычно он не из тех, кто болтает. — Она села и взяла кусочек яблока. — Мы должны были уехать много лет назад. Я должна была проявить немного мужества и крикнуть, чтобы крыша рухнула. Как раз перед тем, как прийти сюда, мы ударились... трудные времена, очень трудные времена. Услышав об этом месте, мужчины сочли разумным подписать контракт и попытаться заработать немного денег. Тогда капитан был честным человеком. Но прошел год, и некоторые из наших людей, включая моего отца, подписали новые контракты, а затем мы были заперты еще на один год... а потом еще один.

— Ваш отец уже умер? — Тихо спросила Селин.

Мерседес кивнула. — Умер от лихорадки, и нам некуда было идти. Я видела, что Мария превращается в дикое существо, лишенное смысла и цели, и все же мы остались. — Она опустила глаза. — Когда я была маленькой, мама однажды сказала мне, что если бросить лягушку в горячую воду, она выпрыгнет. Но если вы положите лягушку в холодную воду, а затем медленно, медленно нагреете воду, она останется там, пока не умрет. Я позволила себе стать лягушкой.

— А что еще вы могли сделать? Остальные ваши люди были здесь.

— Я должна была сильнее бороться за Марию. Когда Киган приехал прошлой весной, мне не следовало подпускать его к ней. — Гнев на ее лице возвращался. — К тому времени я уже отказалась от борьбы. Но вы... вы заставляете меня помнить, что помощь другим, порядочность, жизнь, достойная борьбы, все это еще имеет значение.

Селин не знала, что сказать. Ей ужасно хотелось помочь Мерседес и Марии... и Маркусу тоже. Она просто еще не знала, как это сделать.

— Ну, — сказала она наконец. — Я думаю, вы сделали все, что могли, с той рукой, что вам сдали.

Мерседес покачала головой, но ничего не ответила.

Селин встала. — Мне пора возвращаться, а то сестра придет меня искать. — Она наклонилась и коснулась руки Мерседес. — Я скоро вернусь.

Мерседес подняла голову. — Я вам верю.

* *

Яромир провел большую часть дня расстроенным и раздраженным, и без правильного выхода, к тому времени, когда солнце опустилось низко, он был на грани кипения.

Все это испытание в амбаре потрясло его больше, чем он мог признаться кому-либо. Хотя он по-прежнему был убежден, что убийство Рэмси было правильным решением, от этого легче не становилось. Селин была права в том, что Рэмси был такой же жертвой, как и солдат, которого он убил ночью.

Но... в настоящее время его главной заботой была Амели. Селин могла спорить с ним по моральным вопросам, иногда даже оспаривая его решения, но он знал, как с ней обращаться, и всегда побеждал.

Амели открыто не подчинялась его приказам — и делала это перед мужчинами.

Это должно было прекратиться, и немедленно.

Он позволил ей выйти из сарая и уйти с Рюриком, но он знал, что Рюрик собирался отвести их лошадей на соседний луг пасться, поэтому он решил подождать и поймать Амели

в одиночку. Он

не хотел смущать ее. Ему просто нужно было внушить ей абсолютную необходимость подчиняться его приказам в их нынешней ситуации. Ему было поручено защищать ее, и он не позволит ей подвергать себя опасности.

Однако, выждав немного, он отправился навестить ее палатку и обнаружил, что она пуста. Через некоторое время Гвардеец Сондерс сообщил ему, что она ушла с Рюриком, чтобы помочь ему с лошадьми, и что в последний раз Селин видели идущей к лагерю шахтеров со своим ящиком с припасами.

Это оставило Яромира перед целым днем, когда ему нечего было делать, кроме как думать, тушиться и злиться на Амели. В сумерках он стоял у входа в женскую палатку и ждал, скрестив руки на груди.

И это было его настроение, когда Амели возвращалась после своей экскурсии. Наблюдая за ее приближением, он не мог не думать о том, как она хороша в своем бледно-голубом платье, с короткими черными волосами, раскачивающимися взад и вперед. Ее кожа сияла, как будто прошедший день пошел ей на пользу.

Увидев его, она остановилась. — Рюрик убирает лошадей, — сказала она. — Вы что, ждете его?

— Нет. — Он подбородком указал на полог ее палатки. — Туда.

Она напряглась, но это только еще больше разозлило его, как будто ей нужно было быть осторожной с его поведением, а не наоборот.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он.

С настороженным выражением лица она вошла в палатку, и он последовал за ней.

Войдя внутрь, она повернулась к нему лицом и тоже скрестила руки на груди. Тихий голос в глубине его сознания говорил ему, что он плохо справляется с этим, и он знал ее достаточно хорошо, чтобы не брать ее в лоб, но он, казалось, не мог остановить себя.

— Прошлой ночью вы не подчинились прямому приказу, — начал он, позволяя гневу просочиться в его голос. — Хуже того, вы подставили подножку человеку, которого я назначил вашим сопровождающим, и забрали его оружие!

— Я спасла вам жизнь! Это я связала с вами и Селин. Это я ударила волка рукояткой копья, которое взяла с собой.

— Спасли мою... — пробормотал он. Неужели она действительно настолько бредит, чтобы поверить, что он не смог бы справиться с этим чудовищем в одиночку? — Моя работа — защищать вас, и наше положение здесь в лучшем случае неопределенно. Вы понимаете, насколько ваше поведение подорвало мой авторитет?

— Ваши полномочия? До сих пор вы ни черта не сделали, кроме того, что позволили капитану Кигану обойти нас и связать нам руки.

— Когда я отдам приказ, вы его выполните!

Глаза Амели сузились. — Я не один из ваших солдат! — крикнула она, разжимая руки и сжимая кулаки. — И я не какая-нибудь цыганка, которой можно приказывать, как Киган приказывает Марии!

Его голова непроизвольно дернулась, как будто она дала ему пощечину. — Как приказывает Киган... Он замолчал, настолько ошеломленный, что не смог закончить фразу, и на мгновение ему показалось, что он увидел вспышку паники и сожаления на ее лице.

Но это не имело значения.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и вышел из палатки.

Глава 8

Когда Селин спустилась по тропинке между лагерями, а затем пробралась сквозь деревья, чтобы посмотреть на скопление солдатских палаток, низкий мужской голос привлек ее внимание. Она оглянулась и увидела, что капрал Куинн тихо отдает приказы мужчинам, которые собирались дежурить на вахте.

Его манера общения с ними сильно отличалась от манеры капитана Кигана: он говорил с ними властно, но в то же время уважительно и понимал, в каком напряжении они, должно быть, находятся. Молодой гвардеец Грэхем был в группе, выглядя таким же несчастным и потерянным, как и в полдень.

Когда Грэхем начал уходить, Куинн остановил его и сказал: «Я прикрыл твой пост. А ты возьми выходной на ночь.»

Этот маленький акт доброты тронул Селин и она она удивилась, как Куинн оказался простым капралом, служащим под началом такого человека, как Киган.

Куинн был гораздо лучшим лидером.

Это заставило ее задуматься о нескольких вещах, и она сменила направление, чтобы перехватить его. Глядя на него, ее любопытство росло. Он был из тех людей, которых князья часто ищут для службы, высокий и сильный, как Яромир, с ясными глазами и прямыми, но непринужденными манерами. прямыми, но непринужденными манерами. Его песчаные светлые волосы были подстрижены достаточно коротко, чтобы не казаться коротко остриженными, но и не настолько длинными, чтобы спутаться. У нее было такое чувство, что он ничего не сделал случайно.

«Добрый вечер, капрал», сказала она. «Это был очень тяжелый день».

Он неуверенно кивнул. «Я сожалею об этой сцене в сарае».

Она не собиралась давать ему отпущение грехов, но и не собиралась заставлять его чувствовать себя хуже, поэтому она сменила тему. «От вашего внимания не ускользнуло, что капитан Киган препятствует нашим усилиям, несмотря на письмо принца Антона. Мне было интересно... не могли бы вы рассказать мне, как капитан ухитрился получить это назначение? Он, кажется, презирает здесь почти всех и вся, как будто это задание ниже его достоинства.»

Если Куинн и был ошарашен ее вопросом, то хорошо это скрывал. Однако он, похоже, тоже раздумывал, отвечать ей или нет.

«К сожалению, я вынуждена напомнить вам, что именно ваш принц нанял моего господина,» — добавила она. «Я хотела бы знать, с чем мы имеем дело в плане сотрудничества.»

Услышав это, Куинн покачал головой. «Честно говоря, я не знаю, почему капитан так сдержанно одобрил ваши немногочисленные просьбы. У меня были веские причины беспокоиться о том, чтобы взять одного из этих зверей живым, но я понимал, почему ты спрашиваешь, и хотел бы, чтобы вы узнали больше.» Он сделал паузу. «Он должен позволить вам читать людей. Мы можем защитить любого, на кого вы укажете, и он это знает.»

Хотя его последнее заявление было почти предательством, оно вселило в нее надежду.

«А как он здесь оказался?» снова спросила она.

Куинн вздохнул. «Он сам вызвался, в качестве платы. Предыдущий командир корабля, капитан Ашер, умер от лихорадки, и принц Ливен не смог найти никого, кто согласился бы заменить его. Мой капитан... он оказался в неловком положении из-за карточного долга, который не смог выплатить, и наш принц попросил его добровольно взяться за это дело. В то

время мы с лейтенантом Салливаном служили под его началом...»

«И поэтому ты тоже оказался здесь.»

Он кивнул.

«А каким был Салливан?» спросила она.

«Слишком мягкосердечен. Ничего похожего на капитана. Не поймите меня неправильно — он был хорошим человеком, но он не принадлежал к военным. Я думаю, что он был вторым сыном второго сына, и у него не было особого выбора.»

«В то утро, когда мы приехали, Киган упомянул, что надеется на замену. Он что, официально просил об этом?»

«Да. Он рассматривает это назначение как оскорбление и наказание, и он чувствует, что заплатил свою цену.

сборы.»

Когда Селин переварила эти слова, Куинн начал отходить от нее. «Простите меня, Миледи, но мне нужно поговорить с ним.»

«Конечно. Спасибо, что поговорили со мной.»

Слегка поклонившись, он зашагал прочь.

Но у Селин голова шла кругом. Насколько сильно Киган хотел, чтобы его заменили? Неужели он так сильно этого хотел, чтобы сделать что-то отчаянное, чтобы саботировать свое положение здесь? Может быть, он заражает своих людей? Проблема этой теории заключалась в том, что он не показался ей особенно умным, и вопрос о том, как это можно было сделать, продолжал подниматься в голове. Вряд ли это был какой-то яд. Конечно, это было возможно, но она была слишком опытным аптекарем, чтобы считать это вероятным. Еще... если это было что-то тайное, то что тогда?

Пока она шла по лагерю, ее мысли были так заняты, что она едва заметила, как добралась до своей собственной палатки.

Проходя через полог, она увидела Амели, сидящую на кровати. Уже наступили сумерки, и на столе горел фонарь со свечами.

«О, ты вернулась!»- сказал Селин, радуясь, что у нее есть сестра, которая может поделиться своими идеями. «Как прошел твой день? У меня только что был очень интересный разговор с капралом Куинном.»

Амели не ответила.

«Он сказал мне, что Киган был вынужден добровольно принять комиссию из-за неоплаченного долга в азартных играх», — продолжила Селин.

Ответа не последовало.

Обернувшись, она поняла, что ее сестра не произнесла ни слова с тех пор, как вошла. «Амели?» Подойдя к кровати, она была поражена мрачным выражением лица Амели. «Что случилось? Ты что, заболела?»

«Я в порядке.»

«Ты не в порядке. Скажи мне, что случилось.»

«Оставь меня в покое.»

Селин не верила своим ушам. За всю их совместную жизнь Амели никогда так с ней не разговаривала. Ни разу.

«Что бы это ни было, ты должна поделиться этим со мной,» сказала Селин. «У нас с тобой нет секретов друг от друга.»

«А разве нет? — Глаза Амели поднялись к её лицу. «А как же ты, когда мы сюда ехали?»

Ты же говорила, что между тобой и Павлом ничего не было. Это была ложь, и ты это знаешь.»

Тяжесть всего происходящего давила на Селин: уродливая нищета этого места, ее неспособность обнаружить или решить что — либо, бессмысленные смерти, которые продолжали происходить, тонко скрытый страх солдат-что любой из них может превратиться в зверя и начать убивать других в любой момент. Все это было уже слишком. Всегда раньше, что бы ни случилось, у нее была сестра, и сейчас она чувствовала себя одинокой.

Опустившись на кровать, она прошептала: «я не сказала тебе, потому что была смущена.»

«Смущена?»

«Вернувшись в Сеон, я знала, что Павел питает ко мне чувства, и использовала его в нашем последнем расследовании. Он был очень зол... он так разозлился, что нарочно напугал меня, и тогда мне удалось избежать встречи с ним. На вторую ночь нашего путешествия он поймал меня... и прижал меня к дереву.»

«Что?»

«Все в порядке. Яромир остановил его, но я не могу себе представить, о чем он думал, когда подошел и увидел нас. Я просто была так смущена и не могла заставить себя сказать тебе тоже. Мне жаль.»

«Селин», выдохнула Амели.

Теперь, когда она начала говорить об этих вещах, Селин, казалось, не могла остановиться. «Я знаю, что у нас в Сеоне все гораздо лучше. во- первых, но иногда я не могу отделаться от ощущения, что все было проще в

Шетане, когда были только ты и я. Я так благодарна Антону и Яромиру за все, что они для нас сделали, но теперь оба эти человека стали нашими друзьями, и они имеют значение. Я не умею дружить с мужчинами, и все же мне страшно потерять одного из них или причинить ему боль.»

Амели опустила голову. «О, Селин. Я сказала Яромиру самую ужасную вещь. Это было... это было так ужасно. Я почти не могу поверить, что сказала это.»

«Вы с ним поссорились?»

Амели кивнула, и ее лицо засияло от горя. «Жаль, что я не могу взять свои слова обратно. Лучше бы я никогда их не произносила». — Она задохнулась один раз. «Я сделал ему больно.»

Селин обняла сестру обеими руками и притянула к себе. «Он все поймет. Он знает, что у тебя вспыльчивый характер.»

«Это было нечто большее, чем просто вспыльчивость. Ты же ничего не слышала. Я сравнила его с Киганом.»

Все еще держа Амели, Селин понимала, что это будет за удар для Яромира, но она была рада, что хотя бы знает, в чем дело.

«Давай заключим договор,» — прошептала она. «Никаких больше секретов, несмотря ни на что. Мы клянемся рассказать друг другу все.»

Амели схватила ее за спину. «Я тебе обещаю.»

Прежде чем Селин могла бы сказать больше, снаружи раздался незнакомый голос: «Миледи?»

Она не знала, кого из них он зовет, поэтому ответила: «Да?»

Солдат, который вчера вечером прислуживал за ужином, прошел через откидную створку с подносом, и она поняла, что снаружи уже совсем стемнело.

«Меня попросили принести вам ужин», сказал он, подходя и ставя поднос на стол. «Вам ещё что-нибудь нужно?»

«Нет, все в порядке. Спасибо.»

Он ушел так же быстро, как и вошел, и Селин подошла посмотреть на две миски тушеного мяса, свежий хлеб и два кубка вина. «Ну, думаю, сегодня мы не будем ужинать в палатке капитана.» По крайней мере, это была передышка. Интересно, где сейчас едят Яромир и Рюрик?

«Как думаешь, не мог бы ты подойти к столу и поужинать? — спросила она Амели. «Сегодня мы почти ничего не ели.»

Каким-то образом им обоим удалось проглотить немного тушеного мяса и хлеба. У них был только один фонарь со свечой для освещения, но этого было достаточно.

«Так каков же наш следующий шаг?» спросила Амели, возможно желая поговорить о чем-то другом.

Селин уже успела подумать об этом и пришла к единственному выводу. Они должны были найти способ заставить Кигана позволить ей читать мужчин. В настоящее время они были мертвы в воде, пока у нее не появился новый путь для преследования.

Но прежде чем она успела ответить, снаружи палатки послышался топот бегущих ног.

«Леди Селин!»

Она узнала этот голос. Это был Куинн. Не спрашивая разрешения, он прорвался сквозь полог палатки.

«Пойдемте скорее!» позвал он. «Капитану очень больно. Мне кажется, он умирает.»

* *

Когда Яромиру и Рюрику принесли обед в их палатку, Яромир воспринял это как оскорбление — что Киган намеренно избегает его. В своем нынешнем настроении Яромир понимал, что он, вероятно, воспринял бы почти все как оскорбление, но он не ошибся насчет Кигана. По какой-то причине этот человек не хотел, чтобы Амели или Селин читали любого из присутствующих здесь солдат, но рано или поздно ему придется согласиться. Это был всего лишь вопрос времени.

К несчастью, капитан, казалось, был полон решимости тянуть это время как можно дольше.

Поскольку Яромир был голоден, он ел похлебку с хлебом и выпил кубок вина. Рюрик ел вместе с ним, но у него хватило здравого смысла не пытаться завязать разговор. Яромиру не хотелось разговаривать, особенно после того, что сказала ему Амели.

Однако, когда они закончили, Яромир встал. «Я пойду поговорю с Киганом.»

Выйдя, он проигнорировал женскую палатку и направился прямо к огромной палатке Кигана, расположенному в задней части лагеря. Всего через несколько шагов он услышал звук, который заставил его остановиться: стон, как будто кто-то страдал от боли. За этим последовал рвотный звук.

«Капитан!» голос закричал внутри.

Схватившись за рукоять меча, Яромир метнулся внутрь, не зная, что там найдет.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать всю сцену, в которую он вошел. Там не было никого, кто мог бы превратиться в волка. Вместо этого Киган стоял на коленях, схватившись обеими руками за живот и давясь, как будто его рвало, но он не мог этого

сделать. Куинн опустился на колени рядом с ним с тревожным, беспомощным выражением лица.

«Лейтенант!» Позвал Куинн. «Он просто потерял сознание. Я не знаю, что случилось»

Торопливо подойдя, Яромир опустился рядом с ними. Капитан действительно выглядел больным, он задыхался и стонал, впиваясь пальцами в собственный живот. Он начал падать на бок, и Яромир подхватил его.

«Беги и приведи Селин» сказал он Куинн. «Поторопись.»

Куинн побежал.

Страдания Кигана усиливались, и его глаза снова закатились. «Больно,» выдавил он наконец.

«Что вы ели?» спросил Яромир.

Оглядевшись, он увидел на столе грязные миски и остатки ужина, но, похоже, это была та же похлебка, хлеб и вино, что ели Яромир и Рюрик. Вместо ответа Киган застонал еще громче и согнулся пополам в объятиях Яромира. Ничего не оставалось делать, как только ждать.

К счастью, Куинн был быстр, и только через несколько мгновений он провел Селин и Амели через вход в палатку. Яромир не мог заставить себя посмотреть на Амели, но прямо сейчас, Селин была той, кто ему нужен.

Селин подбежала и посмотрела вниз. «Можете отнести его к кровати?»

Куинн пришел на помощь, и вдвоем они отвели Кигана в дальний угол палатки и уложили на кровать. Селин не теряла времени даром.

Сидя на кровати рядом с ним, она заглянула ему в глаза, опустила нижние веки и ощутила его кожу. Когда он снова задохнулся, часть его ужина начала подниматься вверх.

«Амели, принеси ему тазик» сказала Селин. Затем она посмотрела на Куинн. «Он был отравлен.»

«Отравлен?»

Как и Яромир, Селин посмотрела на стол. Куинн проследил за ее взглядом.

«Как давно ты ел?» спросила Селин.

«Я не знаю.» голос Куинн звучал испуганно. «В течение часа.»

«Но вы ели здесь, и оба ели и пили одно и то же? Вам подавали вино из одного кувшина?»

Как натиск вопросов Селин, так и мысль о том, что его капитан был намеренно отравлен, прорвались сквозь обычное защитное поведение Куинна.

«Конечно, нас кормили из одного кувшина, и мы ели то же самое...» Он замолчал. «Нет... повар прислал тарелку с грибами, поджаренными на сливочном масле. Они очень нравятся Кигану, но мне они не нравятся.»

Селин вскочила. «Грибы? Вы уверены? Это было единственное, что он съел, а ds нет?»

Взгляд Куина метался туда-сюда, словно он пытался что-то обдумать, но безуспешно.

«Куинн!» Селин почти кричала. «Ты должен быть уверен. Различные отравления трактуются совершенно по-разному. Если это были грибы, то мы не можем терять времени даром.»

«Да.» Он кивнул, и голос его звучал более профессионально. «Эта тарелка с грибами — единственное, что он ел, а я нет.»

Селин направилась к пологу палатки. Она пришла с Куинн так быстро, что, по-видимому, даже не подумала взять свою коробку. «Мне нужно бежать обратно в нашу

палатку, но мне понадобится кипяченая вода, в большом количестве, и как можно быстрее.»

Затем она ушла.

Яромир взглянул на Амели, но к их чести, они начали действовать. Снаружи горел костер, и он попросил железный крюк, в то время как Амели принесла чугунный котелок с водой, и они поставили его кипеть.

Селин отсутствовала недолго и прибежала обратно со своей коробкой. Опустившись на землю у костра, она открыла коробку и достала оттуда банку.

«Мне нужна большая кружка,» сказала она.

К этому времени несколько свободных от дежурства солдат, в том числе и Рюрик, собрались и задавали вопросы, и один из них протянул Селин кружку, которую она наполнила горячей водой. Затем она открыла банку, отмерила несколько ложек действующего вещества в горячую воду и размешала его, дую на него одновременно, чтобы охладить самую сильную жару. Она двигалась так быстро, что Яромир с трудом следил за ее действиями.

Вскочив — не пролив ни капли — она поспешила обратно в палатку.

Он последовал за ней.

Куинн все еще стоял рядом с капитаном.

«Поднимите его,» приказала Селин. «Ему нужно все это выпить.»

«Что это?» спросил Куинн, поднимая Кигана в сидячее положение.

«Сильное слабительное. Это вызовет у него рвоту.»

Яромир скорее почувствовал, чем увидел Амели рядом с собой, и они оба наблюдали неприятную сцену, в которой Киган попытался выпить смесь, затем задохнулся сильнее, и Селин упрямо загнала остаток в его горло. Она пролила немного на свое платье и его рубашку. Наблюдая за ней, Яромир удивлялся ее спокойствию, ее способности справиться с неприятной ситуацией. Ее смелость могла отличаться от его — и даже от смелости Амели — но это было зрелище, на которое стоило посмотреть.

«Будь наготове с этим тазиком,» сказала Селин Куинн. Оглянувшись на Яромира и Амели, она добавила, «Это будет долгая ночь. Единственный способ спасти его — это вывести грибы из организма до того, как они полностью переварятся. Это значит, что нам придется заставить его рвать, а затем отдышаться... а потом сноварвать, пока из желудка не выйдут ничего, кроме соков.»

Она снова повернулась к Куинн. «Если ты не сможешь справиться с этим, никто не будет думать о тебе плохо. Амели может мне помочь.»

Он моргнул и покачал головой. «Нет, Я помогу.»

Как только эти слова слетели с его губ, Киган перекатился и начал всерьез рвать. Верный своему слову, Куинн уже приготовил тазик.

«Амели, держи в руках кружки с кипящей водой», — сказала Селин, держась за Кигана, чтобы помочь наклонить его к тазу.

«Я буду,» ответила Амели. Но она не сразу вышла на улицу к огню. Вместо этого она наклонилась ближе к Яромиру и прошептала: «Я позабочусь о горячей воде. Возможно, вам стоит поговорить с поваром и спросить его, откуда взялись эти грибы. Мы же не хотим, чтобы след остыл.»

Он взглянул на нее сверху вниз. До сих пор он был полностью сосредоточен на том, чтобы помочь спасти Кигана, но она была права. Теперь, когда Селин взяла все на себя, у нее появилась помощь... настало время поговорить с поваром.

* *

Хотя Амели много раз помогала Селин, ко второму раунду чистки Кигана даже она становилась тошнотворной. Это было грязное, неприятное дело, но она понимала, что это нужно сделать.

Хуже того, после всего этого они, вероятно, не будут знать, доживет ли он до завтрашнего дня. Все будет зависеть от того, сколько яда попало в его организм до того, как Селин приступила к работе.

Поскольку Амели продолжала подавать горячую воду, она ожидала, что Яромир уйдет и отправится охотиться за поваром, но он этого не сделал. Она была слегка сбита с толку, когда солдат затащил лысеющего, толстого мужчину в палатку, и бедняга начал брызгать слюной.

«Что все это значит?»

Яромир встал рядом с кроватью и повернулся, чтобы сосредоточиться на выражении лица мужчины, когда он увидел эту сцену перед собой. И тут Амели все поняла. Яромиру хотелось посмотреть на реакцию повара.

«Капитан?» спросил мужчина, наблюдая, как Кигана держат над раковиной. «Что происходит?»

«Так ты Волкан, повар?» Холодно спросил Яромир.

«Ну конечно же, да. Что же здесь происходит?»

«Капитан Киган был отравлен тарелкой грибов, которую вы ему прислали.»

На секунду лицо Волкана стало пустым, а затем его охватил ужас. «Что я... о, нет, сэр.»

«Так это не вы прислали блюдо?» голос Яромира, казалось, стал только жестче и холоднее.

«Я...» Волкан запнулся. «Да, я послал его сюда, но у меня есть несколько помощников, которые ходят туда-сюда между тем местом, где стоит печь, и передней частью палатки с припасами. Они часто приносят мне то, что наиболее доступно.»

Это показалось Амели странной договоренностью, но она позволила Яромиру продолжить допрос.

«Значит, кто-то принес тебе грибы?» Спросил Яромир.

«Да, но я ничего не видел...» Повар глубоко вздохнул, возможно, пытаясь успокоиться. «Я был занят у плиты, следя за последними штрихами тушеного мяса. Когда я вернулся к своему разделочному столу, чтобы принести немного петрушки, кто-то оставил кучу грибов. Я предположил, что их принес кто-то из моих помощников, и вспомнил, как капитан любил их жареными на масле.»

Он звучал правдоподобно, но Амели могла поклясться, что заметила малейшее подергивание его глаз при словах «кто-то оставил.»

Он знает, подумала она. Он знает, кто принес эти грибы.

По какой-то причине он не хотел говорить об этом.

Яромир, похоже, не заметил этого подергивания. «Ты хочешь сказать, что понятия не имеешь, кто оставил кучу грибов на твоём разделочном столе, и все же подал их своему капитану?»

Волкан поднял обе руки в воздух, ладонями вверх. «Как я уже сказал, у меня есть несколько помощников, которые приносят мне ингредиенты. Это обычная практика, и я не придавал ей значения.»

Яромир указал на Кигана. «Ну, если он умрет, у тебя будет много о чем подумать.»

Повар побледнел.

* *

К утру мнение Селины о Куинн поднялось еще выше. У этого человека определенно был характер. Он держал тазик и следовал всем ее указаниям в течение нескольких часов.

Амелия не отставала от кипящей воды, а Яромир помогал, где мог, и вскоре после полуночи Селин была уверена, что она очистила капитана Кигана от всего, что было у него в желудке. После этого они все были в режиме ожидания и наблюдения, поэтому она отправила Амели и Яромира в постель, чтобы немного поспать. Куинн настоял на том, чтобы остаться.

Киган был настолько ослаблен к этому моменту, что потерял сознание и больше не стонал, поэтому Селин и Куинн провели остаток ночи, тихо сидя рядом с ним. Но мысли Селин не были спокойны, и она продолжала снова и снова перебирать всех, у кого был мотив убить капитана. К сожалению, список был длинным, а возможные мотивы — запутанными.

Первый... а что, если он и в самом деле убийца— ведь именно так она пришла к мысли о том, кто мог намеренно превратить этих солдат в волков,

— и кто — то узнал об этом и, вместо того чтобы обвинить его, решил убить? У Кигана был сильный мотив для того, чтобы закрыть проект по добыче полезных ископаемых, даже если он при этом потеряет лицо. Он ненавидел это место и хотел уйти.

Однако, даже если бы он не был тем, кто стоит за этими недавними трагедиями, было бы много людей, которые были бы рады видеть его мертвым: Маркус и Мария на двоих. У них обоих была причина желать освободиться от него.

Кроме того, там был целый лагерь, полный паникующих солдат. А что, если один из них предположит, что их переведут и заменят, если их лидер умрет? Разве раньше такого не случалось?

Список подозреваемых был ошеломляющим, но она продолжала прокручивать их в голове всю ночь, пока ей не пришла в голову еще одна возможность.

Сразу после рассвета Яромир и Рюрик вошли в палатку, и Яромир склонился над кроватью. Он выглядел так, как будто плохо спал, с темными кругами под глазами.

«Как он там? Будет ли он жить?»

Селин рассеянно потянулась и потерла затылок. «Я точно не знаю, но думаю, что да. Его дыхание ровное, и последние несколько часов он спал нормально.» Она сделала паузу. «Но он будет слаб и болен еще какое-то время, возможно, до месяца, и он не будет пригоден для командования, пока будет выздоравливать.»

Услышав это, Куинн поднял голову, и на его лице промелькнула быстрая вспышка тревоги. Она не понимала, почему. Неужели он боится явного отсутствия лидерства?

Яромир, казалось, не заметил вспышки тревоги Куинн, и он кивнул Селин. «Хорошо. Но вам обоим нужно немного поспать. Я посижу с ним.»

«А где же Амели?» спросила она.

«Я оставил ее спать в твоей палатке,» натянуто ответил Яромир.

Взглянув на Рюрика, Селин попыталась встать и пошатнулась. «Гвардеец Рюрик, не проводите ли вы меня обратно? Я так устала, что едва могу стоять.»

Бросившись вперед, Рюрик схватил ее за руку. «Конечно.»

Она позволила ему увести себя и глубоко вздохнула. Свежий воздух приятно пах после того, как они просидели с Киганом всю ночь.

«Лейтенант сказал, что там есть на что посмотреть,» сказал ей Рюрик, пока они шли. «Он сказал, что доверит вам свою жизнь еще до того, как встретит придворного врача.

«А он знал?»

Это было необычно. Яромир был не из тех, кто говорит комплименты. Но у Селин был другие заботы, и она заметила слева от них две маленькие пустые палатки.

«Рюрик, остановись на минутку»- сказала она, проходя между палатками.

«Что? Вы устали? Вам нужно, чтобы я вас понес?»

Как только они скрылись из виду, она повернулась к нему. «Я хочу спросить вас кое о чем, и я хочу, чтобы вы сказали мне правду. Яромир все равно узнает, и для тебя будет лучше, если он услышит это от меня.»

Они стояли достаточно близко, чтобы она могла ясно видеть его светлые веснушки, и она заметила, что его глаза были зелеными.

Прежде чем он успел заговорить, она спросила: «Ты оставил эти грибы для капитанского повара?»

У Рюрика отвисла челюсть.

«Вы хотели уйти отсюда еще до того, как мы приехали,» поспешно продолжала она. «А вчера вы спросили, что стоит у меня на пути, и я ответила, что это Киган. Вы весь день гуляли с Амели по лесу и по лугу. Пока она отдыхала или присматривала за лошадьми, можно было незаметно ускользнуть, собрать достаточно грибов и спрятать их. Вы оба вернулись сегодня раньше меня, а потом пошли в конюшню к лошадям. У вас было бы достаточно времени, чтобы положить грибы на разделочный стол повара. А что, если бы нас пригласили к капитанскому столу? Амелия любит грибы в сливочном масле. Вы же могли ее отравить.»

Рюрик закрыл рот и покачал головой. «Я никогда!» Он сделал шаг назад. «Я не стану отрицать, что был момент или два, когда я думал, что всем здесь будет лучше, если этот капитан умрет, но я бы не стал его убивать. А если бы и стал, то не стал бы делать это с помощью яда! Я не отличаю один гриб от другого, а яд — это женское оружие.»

Селин была искусна в чтении лиц и голосов, а также в оценке реакций. Когда-то от этого зависела ее профессия.

Он говорил чистую правду.

Она протянула руку и коснулась его плеча. «Мне очень жаль. Мне пришлось застать вас врасплох. Я должна была это знать.»

Он выдохнул через нос и отвернулся, все еще обиженный.

«Я действительно очень устала,» сказала она. «Не могли бы вы отвести меня в мою палатку?»

Пока они шли дальше, что-то из того, что он сказал, эхом отдавалось в ее голове.

Яд — это женское оружие.

* *

Амели пошевелилась и открыла глаза.

Она лежала на кровати в их палатке, полностью одетая, и Селин спокойно спала рядом с ней — тоже полностью одетая. Честно говоря, Амели удивилась, что она не проснулась, когда ее сестра забралась в кровать, так как волосы и одежда Селин пахли... довольно сильно. В конце концов, она не спала всю ночь, ухаживая за рвотным капитаном. Она не собиралась пахнуть розой.

Амели осторожно выскользнула из-под одеяла и направилась к пологу палатки. Ее

сестра даже не пошевелилась. Амели знала что Селин не хотелось спать днем, но приходилось делать исключения.

Кроме того, у Амели была задача, с которой лучше всего справляться в одиночку.

Судя по солнцу, сейчас был полдень или около того, и ей стало интересно, как поживает капитан Киган. Неужели этот человек пережил эту ночь? Она так и думала. Иначе Селин разбудила бы ее с плохими новостями. Не то чтобы Амели считала смерть Кигана большой трагедией, но Селин и Куинн упорно трудились, чтобы сохранить ему жизнь.

А сегодня утром Амели решила, что лучше всего будет выследить отравителя.

Несколько солдат, толпившихся вокруг, посмотрели в ее сторону, но никто не попытался заговорить с ней. Вчера Рюрик показал ей палатку с провизией, и она направилась прямо к ней.

Она была огромной, даже больше, чем у Кигана.

Передняя секция была заполнена бочонками, ящиками и бочонками, присланными из замка Пехлен.

Не обращая внимания на переднюю часть, Амели обошла палатку сзади. Прежде чем войти, она присела на корточки и вытащила кинжал из ножен в сапоге. Она не ожидала больших неприятностей с этим первым визитом, но все же... лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Когда она вошла через черный ход, первое, что она увидела, была большая дровяная печь с вентиляционным отверстием над ней в верхней части палатки. Лысый повар Волкан сидел рядом на стуле, закрыв лицо руками.

Амели прочистила горло, и он поднял глаза.

Узнав ее, он вскочил на ноги, двигаясь быстрее, чем она ожидала.

«Что вы здесь делаете?» потребовал он ответа. «Вчера вечером я рассказал вашему лейтенанту все, что знаю.»

«Нет, вы этого не делали.» она держала кинжал спрятанным в руке, сжимая рукоять острием вверх и прижимая ее плоской стороной к запястью. Подойдя ближе к повару, она склонила голову набок. «Кто принес вам эти грибы?»

«А я и не знаю. Я поговорил со своими помощниками, и никто не признается.»

«Вы говорили с ними сегодня утром? Так что, если мой лейтенант скажет ему, что вы уже сами их допрашивали?»

На его лице промелькнула паника.

«Я знала, что ты лжешь прошлой ночью,» сказала она, «но ничего не сказала. Скажи мне, кто принес тебе грибы, и я буду молчать. Придерживайся своей текущей версии, а я пойду скажу лейтенанту, что думаю, что ты лжешь. Он мне поверит. Моя сестра и я-провидцы принца Антона.»

Его дыхание стало затрудненным.

«Поверь мне» продолжала Амели. «Вам было бы гораздо лучше поговорить со мной. Он всегда добивается результатов, но я не думаю, что вам понравятся его методы.»

Потерпев поражение, Волкан откинулся на спинку стула. «Это была та самая цыганка.»

«Мария?»

«Я не уверен, что знаю все их имена.»

«Та молоденькая с черными волосами?»

«Нет, ее старшая сестра.»

«Мерседес?»

Он кивнул. «Да, так ее зовут.» Он снова закрыл лицо руками. «Ну и дурак же я. Я пытался приготовить тушеное мясо, а она только что появилась. Но у капитана Кигана есть договоренность с одним из их молодых охотников, и эти цыгане всегда приносят оленину, дичь или кроликов к столу капитана.»

«И она сказала вам, что у нее есть грибы?»

«Поначалу нет. Сначала она спросила меня, будете ли вы или ваша сестра обедать с капитаном. Он уже велел мне подать вам ужин в палатках, так что я отказался. Уже одно это должно было привлечь мое внимание. Но потом она показала мне грибы и напомнила, как сильно он любит их готовить с маслом. Ее сестра... ну, ее сестра знает капитана.»

Действительно, сухо подумала Амели.

«Он жаловался на недостаток разнообразия,» продолжал Волкан. «Но у меня не так уж много работы! Я поблагодарил ее и поджарил грибы. Дурак.» Он поднял голову. «Вы понимаете, как это будет выглядеть для вашего лейтенанта, для капрала Куинн, если они узнают, что я принял грибы от какой-то цыганки? Мне повезет, если меня просто уволят.»

Да, Амели понимала его дилемму, но сейчас она не собиралась сдавать Мерседес, пока не узнает больше. А это означало, что надо защищать повара.

«Послушай,» сказала она. «Ты держись мужественно, а я сохраню вашу тайну.»

Он внимательно посмотрел на нее. «Почему вы это делаете?»

«Потому что эти цыгане мне нравятся гораздо больше, чем ваш капитан.»

Повернувшись, она вышла из палатки.

* *

Хотя Яромир никогда не любил просто сидеть, на данный момент он был рад, что взял на себя задачу сидеть у постели Кигана. Надеюсь, Селин, Амели, Рюрик и Куинн немного поспят, пока он будет сидеть здесь один.

Это дало ему время подумать.

Это дало ему время подумать.

Киган еще не проснулся, но дыхание его было ровным. Цвет его лица был болезненного серо-зеленого оттенка, и Яромир не сомневался в оценке Селин, время выздоровления этого человека будет долгим.

Однако это оставило Яромира с некоторыми решениями, которые он должен был принять, и он обдумал, какие пути были открыты для него. В конце концов, однако, он мог думать только об одном пути вперед, если он должен был решить, что бы здесь ни происходило, остановить это и заставить серебро течь снова.

Задняя крышка палатки открылась, и Куинн просунул голову внутрь.

«Как он там?»

«Я думал, вы уже немного поспали.»

«Я не мог.»

Искреннее беспокойство Куинн застало Яромира врасплох, поскольку он не видел особой связи или преданности между этими двумя мужчинами.

«Я думаю, он выживет,» сказал Яромир, «но Селин права, и он еще некоторое время будет не в состоянии командовать.»

Тревога на лице Куинна стала еще заметнее, когда он вошел внутрь и встал рядом с кроватью. «Значит ли это, что нас отозвали и заменили?»

«Еще не было.» Яромир сделал паузу. «Как единственный доступный офицер, я принимаю командование лагерем.»

Он хотел посмотреть, как Куинн воспримет эту новость. Офицер он или нет, но Яромир не служил принцу Ливену. Однако он действительно служил сыну принцессы Ливена— и тем самым дому Пехлена. Если Куинн примет его, остальные последуют его примеру.

Его опасения оказались беспочвенными. Куинн с явным облегчением прислонился к кровати. «Да, сэр.»

* *

Амели вышла из палатки с провизией и направилась прямо к лагерю шахтеров. Пробравшись через лес, она повернула налево и направилась к самому большому из крытых фургонов. Старик, сидевший снаружи с бездымной трубкой во рту, приветственно кивнул. Она кивнула в ответ.

Дойдя до фургона Мерседес и Марии, она остановилась у входа, увидев бельевую веревку; ее зеленое шерстяное платье и лавандовое платье Селин висели там и, казалось, почти высохли. Все пятнышки грязи и крови были удалены, и платья выглядели новыми.

Мерседес была опытной прачкой.

Не в силах больше откладывать причину своего визита сюда, Амели поднялась на несколько ступенек к задней двери фургона. Несмотря на то, что ей сказал повар, она должна была знать наверняка, была ли Мерседес той, кто отравил Кигана... и ей нужно было знать почему. У Мерседес было несколько возможных причин желать его смерти, но эти причины существовали задолго до этого. Почему же она наконец начала действовать? И имеет ли ее разум какое-то отношение к тому, что Пехленские солдаты превращаются в бешеных волков? Может быть, за этим тоже стоит Мерседес? Неужели Киган что-то узнал, и она решила избавиться от него? Но если это так, то почему бы ей просто не заразить его в следующий раз? Зачем переходить на яд?

У Амели было много вопросов, и если Мерседес не хотела говорить с ней, у нее были свои собственные методы узнать правду.

Подняв руку, она легонько постучала. «Мерседес?»

Дверь открылась почти сразу же, и Мерседес выглянула наружу. Ее поза была напряженной, но не слишком тревожной.

«Вы одна?» Спросила Амели.

«Да, Мария отправилась на поиски ягод. Я как раз собиралась пойти и присоединиться к ней.»

Амели протиснулась внутрь и закрыла за собой дверь.

«И что же вы тут делаете?» Потребовала Мерседес, отступая назад.

«Селин не спала всю ночь, пытаясь спасти капитана Кигана, но вы, наверное, уже знаете об этом.»

Мерседес внимательно наблюдала за ней, и Амели не совершила бы ошибку, недооценив эту женщину. Она могла быть стройной, но не выглядела слабой.

«Я никому не говорила,» сказала Амели. «Ни Селин, ни лейтенанту. Я просто хочу знать, почему вы это сделали.»

«Удалось ли вашей сестре спасти капитана?»

«Да.»

Конечно, Амели еще не знала этого наверняка, но если бы Киган был уже мертв, она, скорее всего, услышала бы об этом.

Мерседес отвернулась и закрыла глаза.

«Но почему именно сейчас?» Настаивала Амели. «Если бы вы собирались убить его из-

за того, что он сделал с Марией, вы бы действовали до этого.»

Открыв глаза, Мерседес резко обернулась. «Что вы знаете о нашей жизни? О том, что привело нас сюда? О том, как годы страданий могут умертвить душу? Вы... с вашими прекрасными шерстяными платьями, вашим лейтенантом и вашими обедами за офицерским столом. Вон отсюда! В глубине души вы совсем не похожа на свою сестру, и я вам ничего не должна.»

Без предупреждения Амели сократила расстояние между ними и схватила Мерседес за руку, крепко сжимая ее. Она ожидала яростного сопротивления и была застигнута врасплох, когда Мерседес откинулась назад, наклонившись вперед.

«А вы хотите посмотреть?» Сердито прошептала Мерседес.

Опасаясь, что это был трюк и что Мерседес может попытаться вырваться, Амели потянулась своими мыслями к искре души Мерседес. Она сразу же почувствовала это и сосредоточилась на событиях прошлой ночи, на том, что привело к тому, что грибы нашли свой путь к столу повара.

«Нет,» прошептала Мерседес ей на ухо. «Если ты хочешь посмотреть, то увидишь все.»

Первый толчок ударил, и Амели ахнула, готовясь к следующему, но она не отпустила его. Когда последовал второй толчок, она обнаружила, что мчится сквозь серо-белый туман, летя назад во времени вместе с Мерседес. Без всяких усилий, почти без выбора, она почувствовала, как ее дух сливается с Мерседес, переплетается с ней, пока не увидела ее глазами. Но в отличие от всего остального, ее сознание оставалось обособленным и осознанным.

Туман рассеялся, и она обнаружила, что стоит на коленях на берегу реки, глядя вниз на мертвое лицо прекрасной женщины.

Слушай..., прошептал голос в ее голове.

Глава 9

Мерседес: пять лет назад
смерть

В первый раз я испытала страх и печаль в тот же самый момент, когда обнаружила, что смотрю в лицо своей покойной матери.

Я не могла в это поверить. Все произошло так быстро.

Она стояла рядом со мной, моим отцом и Марией на берегу реки Вудраск, недалеко от города Кеонска. Она улыбалась и предвкушала все прелести осенней ярмарки. Даже в свои сорок с небольшим лет моя мать была прелестна, маленькая и гибкая, с черными глазами и копной черных волос. На ней были белые крестьянские блузки, яркие юбки и серебряные браслеты на запястьях. Куда бы она ни шла, мужчины оборачивались, чтобы последовать за ней.

В то утро он только что прибыл из Кеонска, чтобы подготовиться к ярмарке, и мы пошли посмотреть на бурлящую реку. Баржи приходили и уходили, грузились и разгружались, и всегда было приятно наблюдать за этим занятием.

Какой-то купец пытался заставить упряжку молодых лошадей подтащить его повозку поближе к берегу, и две собаки рядом с ними начали рычащую драку. Лошади рванулись вперед, направляясь прямо к нам. Мой отец толкнул меня и схватил Марию, а мою мать со всей силы ударила одна из лошадей, когда она попыталась остановиться на вершине берега.

Ее сбросили в воду, и мой отец закричал.

Мужчины начали спешить к ней, но она была в потоке лицом вниз и, казалось, не

двигалась. Мой отец прыгнул в реку. Мы с Марией побежали по насыпи, зова ее, но до того места, где отец мог бы дотянуться до нее и вытащить, было еще далеко.

Она была мертва, лицо ее побелело, волосы намокли, глаза закрыты.

Стоя рядом со мной, Мария смотрела вниз, и в моем шоке и горе, я была поражена чувством страха. Мою мать звали Мойра, и она была предводительницей нашей маленькой группы Мондиалитко. Мы во многом зависели от нее.

И в мгновение ока она исчезла.

Опустившись на колени, мой отец, которого звали Джуд, бесстыдно всхлипнул. Мария продолжала молча смотреть вниз.

Я спросила: «Отец... что же нам теперь делать?»

Он, казалось, не понял моего вопроса, так как я не думаю, что он полностью понимал, что именно моя мать управляла всем этим... все для нашей семейной общины на всю мою жизнь. Все его слезы были пролиты из-за потери любимой жены, но я видела более широкий план вещей.

И мне стало страшно.

Семья

Походная группа состояла из четырех повозок — по одной на каждую семью — восемь лошадей, одной добродушной дойной коровы и разного количества кур.

Моя мать была из рода Марентэра.

И как старшая из оставшихся в живых дочерей, она была бесспорным лидером нашей маленькой ветви. Поскольку мой отец, Джуд, женился на нашей родне и присоединился к нам, он взял ее фамилию, как это было принято. По какой-то причине, которую никто не мог вспомнить, ее бабушка считала, что все дети, рожденные в этой линии, должны иметь первые имена, начинающиеся с буквы М.

Мать верила в следование таким традициям.

Хотя наша ближайшая семья состояла всего из четырех человек, у нас был самый большой фургон, и мы всегда шли впереди.

Во втором фургоне находились младшая сестра моей матери Мириам, ее муж Ландри (который тоже женился) и двое их сыновей, Миколай и Марк.

Третий фургон принадлежал пожилому дяде моей матери Мартену и его жене Летиции, а также их сыну Мике, его жене Кэтлин и трем маленьким детям, то есть семь человек были упакованы в один фургон, но они, похоже, справились.

Четвертый и последний фургон когда-то принадлежал троюродной сестре моей матери, которая по неизвестным мне причинам избегала своих близких родственников и присоединилась к нашей группе еще до моего рождения. Ее мужа звали Шон, и они вдвоем произвели на свет пятерых сыновей, и она умерла, рожая последнего. Моя мать, конечно, не могла прогнать Шона и мальчиков, поэтому они остались с нами. Однако эта семья не придерживалась традиций давать детям имена на букву М, и два старших мальчика, Пейтон и Орландо, оказались большим испытанием для своего отца — и, следовательно, для моей матери — когда они приблизились к зрелости. Оба молодых человека имели склонность к легкомыслию. Это, в сочетании с их обоюдным недостатком ума, иногда доставляло нам немало хлопот в наших путешествиях.

Мой собственный отец не гнушался воровством в крайнем случае, но его никогда не ловили.

Когда умерла моя мать, мне было девятнадцать, а Марии — одиннадцать. Без матери

Наша группа насчитывала двадцать человек.

Все стояли в потрясенном молчании, когда мой отец рассказал им, что произошло на берегу реки... что моя мать умерла. Но я была единственной, кто по-настоящему понимал все последствия ее внезапного отсутствия.

Моя мать была известна как «Великая Мойра».

Она не была истерзана туманом и не обладала никакими врожденными способностями. В нашем семейном сообществе Маркус был единственным, кто родился с даром Мондиалитко. Он был оборотнем, и в результате прекрасным охотником. Мы гордимся им, но его дар был тайной, известной только нам и другим Мондиалитко. Его нельзя было использовать для заработка денег или получения славы. Но даже без Разорванного Туманом среди нас, мы справились довольно хорошо.

Мама была хироманткой, лучшей из всех, кого я когда-либо видела.

Она знала, как заставить кого-то другого чувствовать себя единственным человеком в мире. Она знала, как пролить свой свет и дать кому-то еще надежду, радость и покой. Она знала, как заставить других людей чувствовать себя хорошо и делать это так, чтобы это было естественно и правдоподобно.

Возможно, это и не казалось таким уж необычным подарком, но так оно и было.

Каждую осень большое количество крестьян, купцов и Мондиалитко собиралось в городе Кеонск для того, чтобы их было слишком много, чтобы их можно было впустить в уже переполненный город.

Снаружи стояли фургоны, палатки и рыночные прилавки, за которыми наблюдал городской администратор по имени мастер Деандре. Он был лордом ярмарки и, как все остальные, обожал мою мать. Мало того, он был еще и проницательным бизнесменом, и ему было прекрасно известно, сколько людей выстроится перед нашим фургоном, чтобы их прочитала Великая Мойра.

Из-за нее наша небольшая группа из линии Марентыра считалась важной и довольно привлекательной для ярмарки, так как некоторые люди приходили просто посмотреть на нее, а потом тратили деньги на торговые лавки. Мастер Деандре всегда держал для наших четырех фургонов самое подходящее место, сразу за западным въездом в город. Там нас никто не хватится.

Конечно, у других членов нашей группы были навыки и таланты, и мы тоже устраивали шоу. Мы с тетей Мириам умели петь. Даже в одиннадцать лет Мария прекрасно танцевала. Что-то в том, как она двигалась, завораживало. Миколай и Мика оба умели играть на скрипке, иногда устраивая дуэльные дуэли, а мой отец был потрясающе хорош в карточных и магических трюках — которые он использовал главным образом для развлечения, а не для того, чтобы обирать людей из их денег. Мы выставляли шляпы, и люди бросали туда монеты.

Но люди приходили только к моей матери, и она зарабатывала львиную долю нашего дохода.

Кроме того, она была мудра и осторожна с деньгами, а также вела семейные счета. Мы все работали на ярмарке в последний месяц осени, а потом она брала выручку и находила хорошие деньги на припасы: еду, рулоны ткани, нитки, краски для фургонов, лекарственные травы, зерно для лошадей, новые инструменты. . все, что нам может понадобиться. Даже после этого она всегда получала избыток монет.

Как только ярмарка закончится и мы будем хорошо снабжены, мы отправимся на восток к нашему зимнему месту назначения — замку Бельфлер.

Когда я была еще совсем девочкой, лорд по имени Кэмден попал под чары моей матери и пригласил нас провести зиму во дворе его замка. Он не был женат, но любил развлекать друзей и семью в зимние месяцы, поэтому у него часто бывали многочисленные гости.

Мы пошли служить развлечением, и это стало традицией.

Каждую зиму мы катались по двору, и Лорд Кэмден приветствовал мою мать, как потерянную драгоценность, целуя ее руки со слезами на глазах. Он поставил наших лошадей в конюшню и позволил нам всем есть из его кухни. Мы жили в своих фургонах, но если погода становилась слишком холодной, нам разрешалось приходить в замок и спать в Большом зале у огня.

В качестве оплаты моя мать проводила много вечеров за чтением книг для его гостей после ужина. Одно ее присутствие всегда означало, что к нему приходят и уходят люди, и он никогда не чувствовал себя одиноким в эти долгие, холодные месяцы. Остальные тоже работали, пели, танцевали, играли музыку и творили чудеса. Мария никогда не знала, каково это — быть холодной или голодной зимой, и у меня осталось лишь несколько смутных воспоминаний из детства.

Но опять же, я всегда понимала, что наш прием и наши удобные, безопасные зимы в замке Бельфлер-все это благодаря моей матери. Мне никогда не приходило в голову, что такое понимание не приходило в голову моему отцу или тете Мириам.

Только после того, как моя мать была уже мертва.

Спуск

Первые признаки беды появились быстро. Тетя Мириам отправилась поговорить с мастером Деандре, рассказать ему о нашей трагедии и получить разрешение начать обустриваться на нашем обычном месте за западными воротами.

Он выразил сожаление по поводу смерти моей матери и выразил тете Мириам искренние соболезнования, которые она приняла. Зато... он сказал ей, что мы пока не можем приступить к работе, так как возникли некоторые задержки с подготовкой к ярмарке.

Он пришел к нам в ту же ночь и с глубоким сожалением сообщил, что уже выделил наше место другой группе Мондиалитко из линии Ренеива, которые путешествовали с Разорванным Туманом провидцем. Он сказал, что город уже принял это решение до нашего прибытия, чтобы чередовать развлечения ближе к главным воротам — чтобы сохранить их свежими.

Я знал, что он лжет.

Отец и тетя Мириам были ошарашены, когда нам показали наше новое место на окраине ярмарки среди повозок более убогого Мондиалитко и фермеров, продающих старые яблоки тем, кто не мог позволить себе лучшего.

«И что же нам теперь делать?» Снова спросила я отца.

Он растерянно покачал головой. «Сделать? Мы будем делать то, что делаем каждый год. Мы будем устраивать представления и выставлять наши шляпы за монеты.»

Мне хотелось сжать кулаки. Он все еще ничего не понимал.

Тетя Мириам стала главой семьи — как и ее место — но она не была моей матерью. Старшие в нашей группе уже давно стали самодовольными, сами того не осознавая. Честно говоря, мой отец, тетя Мириам и дядя Ландриен действительно пытались организовать для нас несколько представлений, но на окраине ярмарки нас почти никто не видел, и ни у кого не было денег, чтобы бросить их на наши шляпы.

Затем... Тетя Мириам объявила, что мы пройдем дальше по ярмарке и выступим там,

где будет больше народу.

Так мы и сделали.

К сожалению, расположение семей и фургонов Мондиалитко было тщательно организовано, и после получения нескольких жалоб мастер Деандре посетил нас, чтобы вежливо попросить выступить только в том районе, где мы были размещены.

За лошадьми и нашей коровой присматривали несколько ребят Шона. Когда у нас кончилось зерно, они начали выводить животных туда, где можно было найти траву. Восемь лошадей и корова требовали много травы.

К середине месяца мы уже тратили заработанные несколько монет на еду для немедленного употребления, и у меня было ужасное чувство, что мы почти ничего не экономим. К концу месяца мы питались вареным овсом на завтрак, ничем на обед и яйцами от наших собственных кур на ужин. . а кормить кур нам было почти нечем. Наша корова действительно давала нам немного молока, но она становилась все старше.

Бедная Мария была так растеряна и потеряна. Она никогда не страдала от трудностей и очень скучала по нашей матери. Я старалась утешить ее, как только мог.

Здесь не было никого, кто мог бы меня утешить.

Когда ярмарка закончилась, пришло время отправляться на зиму на восток, в замок Бельфлер. Мария была так счастлива, что прижалась ко мне.

«Я не могу дождаться, когда снова буду есть теплый хлеб и сосиски на кухне замка,» сказала она. «А еще посидеть у камина в холле и поиграть с собаками Лорда Кэмдена.»

Я улыбнулась, кивнул и прижала ее к себе. Моя прекрасная младшая сестра. Я не хотела озвучивать свои страхи и портить ей счастье. Хотя у меня было плохое предчувствие относительно того, что должно было произойти, я убедила себя, что могу ошибаться.

Мы покинули Кеонск с небольшим количеством припасов и без зерна для лошадей.

Путешествие на восток заняло у нас чуть больше недели. На дороге было безопасно посылать Маркуса охотиться ночью, и он снабжал нас кроликами и фазанами, но накормить двадцать человек было для него нелегкой задачей, и мы все привыкли к маленьким порциям.

Когда мы наконец подъехали к замку Бельфлер, я заметила, что и отец, и тетя Мириам почувствовали явное облегчение. Я знала, что они оба потрясены переменной обстановки на осенней ярмарке и отчаянно нуждаются в гостеприимстве Лорда Кэмдена.

Тетя Мириам теперь ехала впереди нашей группы, и она вела нас к южной стороне двора, где мы зимовали последние тринадцать лет. Мы все спустились вниз, чтобы размять ноги и начать собираться. Мальчики Шона даже не начали распрягать лошадей, когда Лорд Кэмден вышел из замка, чтобы поприветствовать нас. Вокруг его ног бегали маленькие спаниели, и при виде их лицо Марии расплылось в улыбке, но я удержала ее.

«Подожди,» сказала я. «Сначала тетя Мириам должна поговорить с ним.»

Тетя взглянула на меня и направилась через двор, чтобы перехватить Лорда Кэмдена. С того места, где я стояла, мне было видно его лицо, и он слегка нахмурился, увидев, что она направляется к нему. Он начал оглядываться по сторонам, и я понял, кого он ищет: мою мать.

Тетя Мириам подошла к нему и тихо заговорила: Я видела только ее спину, но она говорила, опираясь на руки. Лицо лорда Кэмдена застыло, и он отшатнулся назад. Я подумала, что он может упасть. Тетя Мириам потянулась к нему и заговорила быстрее: Я не могла точно расслышать ее слова, но слышала ее торопливый голос.

Лорд Кэмден выглядел больным и, казалось, пытался взять себя в руки. Он несколько

раз глубоко вздохнул. Затем он покачал головой и сказал что-то такое, от чего все ее тело напряглось. Тетя Мириам повысила голос, и я поняла, что это было ошибкой. Моя мать никогда бы не повысила голос. Она бы его просто очаровала. Я не унаследовала ее способности к очарованию, но много раз видела ее в действии.

«Что случилось?» Спросила Мария.

Я ничего не ответила.

Лорд Кэмден снова покачал головой и сказал что-то еще. На мгновение его взгляд переместился на нас, остановившись на Марии, которая была маленькой копией моей матери. Затем он повернулся и пошел обратно к главным дверям замка. Его плечи дрожали.

Тетя Мириам медленно повернулась и пошла обратно к нам.

Лицо моего отца было поражено. «Он нам отказал?»

«Я сказала ему, что мы сможем развлекать его гостей всю зиму,» поначалу тетя Мириам не могла вымолвить ни слова. «Я обещала, что мы будем ставить столько спектаклей, сколько он пожелает. Но он говорит, что его боль от потери Мойры слишком велика. Он говорит, что встреча с нами будет ежедневным напоминанием о его горе. Он хочет, чтобы мы уехали сегодня же.»

«Уехать?» повторил мой отец. «И куда же идти?»

Все в семье выглядели ошеломленными, кроме Маркуса и моего двоюродного дедушки Мартина.

Зажав в зубах трубку, дедушка Мартин издал звук отвращения. «А чего ты ожидал? Мойра потратила годы на то, чтобы убедиться, что ты нуждаешься в ней, зависишь от нее, а ты следуешь за ней, как дети. Таких исполнителей, как все мы, можно встретить, путешествуя по любой дороге. Именно она была нужна Кэмдену здесь. Мы все-просто багаж. Она об этом позаботилась, и ты ей позволил.»

Так что я была не одинока в своих догадках и страхах — хотя мне было наплевать на некоторые выводы, которые он делал о моей матери.

«Что случилось?» снова спросила Мария, сжимая мою руку.

Все замолчали, но у нас не было другого выбора, кроме как забраться обратно в фургоны и выкатиться со двора. Мария тихо заплакала, и этот звук разбил мне сердце.

В течение всей этой зимы я думала, что жизнь для нас не может стать хуже.

Мы не могли выжить в безлюдных районах, так как были артистами и нуждались в людях для развлечения. Я понятия не имела о том низком мнении, которое многие феодалы и городские магистраты имели о бродячих путешественниках. Часто мы едва успевали разбить лагерь за пределами города или большой деревни, как солдаты или местные полицейские приходили, чтобы прогнать нас.

Мария услышала много слов, которых никогда раньше не слышала. Эти люди называли нас грязными цыганами и цыганами, что означает «бродячие вор». Термин «Мондиалитко» означал «маленькие дети мира», и это было все, что Мария когда-либо знала, чтобы ее обожали и защищали, как маленький образ моей матери. Я видела, как в ту зиму она превратилась из веселой маленькой танцовщицы в испуганного ребенка, прячущегося внутри себя.

И мой отец, и тетя Мириам оказались почти бесполезны. Они казались потерянными и плывущими по течению без моей матери. Я стала полагаться на Маркуса, который был тихим человеком, но он поддерживал нашу жизнь, охотясь всю ночь. Я позаботилась о том, чтобы он оставался один и спал днем. Некоторые другие мужчины тоже пытались охотиться,

но это не было их ремеслом, и они не были оборотнями, как Маркус, поэтому они принесли очень мало.

Оленей в ту зиму было мало, и даже Маркус мог выследить только столько кроликов и фазанов — опять же, недостаточно, чтобы прокормить двадцать человек. Нам было очень трудно найти траву для лошадей, особенно когда нам никогда не разрешалось долго оставаться на одном месте.

Ближе к середине зимы куры перестали откладывать яйца, и мы начали их есть.

Дрова тоже оказались проблемой. Вот уже тринадцать лет нашим людям не приходилось искать дрова зимой. Большая часть того, что им удалось привезти, было слишком мокрым и слишком зеленым, чтобы гореть, поэтому мы начали складывать его в фургоны, где могли, чтобы попытаться высушить.

В Восточной Дроевинке снега почти не было, но он все-таки замерз, и мы провели много холодных ночей, съжившись под одеялами в повозках. Я думаю, что эти ночи были самыми тяжелыми для Дедушки Мартена и его стареющей жены Летиции.

Один из моих самых мрачных моментов произошел, когда Мария подошла ко мне и прошептала: «А как же мой день рождения?»

Я чувствовала себя так, словно меня пнули в живот. Мария родилась в середине зимы. Еще в замке Бельфлер мать всегда смотрела на Луну и выбирала день, чтобы отпраздновать рождение Марии. Лорд Кэмден обычно заказывал что-нибудь особенное к обеду, и он всегда дарил Марии новое платье, и она танцевала для всех — и была обожаема.

Но теперь... что я могу для нее сделать?

С улыбкой я обняла ее за худые плечи. «Я ничего не забыла.» Даже несмотря на то, что так оно и было.

На следующий день мы разбили лагерь возле высохшего кукурузного поля. Я ускользнула и собрала несколько шелух. Пока я была там, я радовалась, обнаружив небольшой участок лука, который кто-то забыл выкопать во время осеннего сбора урожая. Я выкопала все луковички, какие только смогла найти. Затем я вернулась к повозке, нашла несколько лоскутков ткани, сделала Марию куклой из кукурузной шелухи, одетой в платье, и спрятала ее.

К моей вечной благодарности, Маркус в ту ночь сбил оленя.

Так что на следующий вечер мне удалось приготовить большую кастрюлю тушеной оленины и лука для всей семьи. Я каким-то образом превратила это в празднование Дня рождения Марии и подарила ей куклу. Полный желудок мяса и Лука пошел всем на пользу, и Миколай играл на скрипке, а Мария танцевала для нас вокруг костра.

В ту ночь она легла спать счастливая и дважды поцеловала меня.

Через неделю наша корова сдохла, и хотя это означало, что молока больше не будет, мужчины разделали ее, и мы жили на этом мясе.

Когда наступила весна и деревья расцвели зелеными листьями, я радовалась теплему воздуху и удивлялась, что мы все как-то сумели выжить. Мир снова показался нам более светлым, так как теперь пришло время двигаться на юго-восток к месту нашего назначения поздней весной и летом.

И все мы знали, что никто нас не прогонит.

Князь дома Егора владел обширными землями яблоневых садов и ягодных полей, так много, что он не мог нанять достаточно крестьян, чтобы справиться с урожаем, — и земляника начала прибывать поздней весной. Много лет назад он дал понять, что если кто-

то из Мондиалитко захочет работать на жатве, то они могут разбить лагерь на большом лугу примерно в полулиге от его замка.

По меньшей мере четырнадцать караванов Мондиалитко приходили каждый год, в том числе и моя собственная семья.

Нам было очень приятно жить среди своих в сырую весну и теплое юго-восточное лето. Сначала мы собирали клубнику, потом малину, потом чернику, а в начале осени-яблоки. Нас попросили ничего не платить в аренду за наше пребывание, и нам разрешили оставить часть ягод и яблок, которые мы собирали, а также ловить рыбу в любом из многочисленных ручьев этого района и ставить силки для кроликов.

Весь этот годовой цикл стал для нас таким удобным ритмом, что мы забыли все остальное: позднюю весну и лето на юго-восточном лугу Егора, осеннюю ярмарку у Кеонске, зиму и раннюю весну в безопасных стенах замка Бельфлер.

Хотя теперь часть этого ритма была потеряна для нас, мы все могли хотя бы предвкушать наше путешествие в замок Егор.

Однако, когда мы подъехали и покатали по лугу, уже заполненному другими повозками, я почувствовала, что за нами наблюдают по-другому. Линия родителей вообще не считалась благополучной, но раньше моя собственная семья пользовалась большим уважением и даже завистью. Моя мать следила за тем, чтобы наши лошади были хорошо накормлены и ухожены, а повозки всегда были в хорошем состоянии, со свежескрашенными ставнями. Наша группа всегда была хорошо одета и имела достаточно припасов, чтобы помочь другим нуждающимся семьям. Кроме того, у нас был Маркус, и были другие группы, которые жаждали иметь собственного оборотня.

Тем летом, когда мы разбили лагерь на нашем обычном месте, я почувствовала первый укол стыда. Наши лошади были худыми и неопрятными. Суровая зима в лесах и полях сделала наши фургоны скучными и нуждающимися в ремонте, а у нас не было денег на краску. Мы сами были худыми и оборванными, и у нас не было достаточно средств, чтобы прокормить себя, а тем более поделиться.

Некоторые семьи, которые завидовали нам в прошлом, теперь презирали нас и делали вид, что нас не существует. Но другие были добры — особенно те, к кому мы когда — то были добры, — и они приносили нам овес, мед и яйца. Мария, казалось, снова стала самой собой от перспективы оказаться среди большего количества наших людей, и я развела костер и приготовила ей яичницу-болтуню.

С этого момента все пошло на лад. Наши люди ловили форель в ручьях, и вскоре начался сбор клубники. Мы много работали, но в свободное время я стирала и латала одежду; мой отец, Миколай и Маркус делали все, что могли, чтобы починить фургоны; а Шон и его мальчики ухаживали за лошадьми.

Двое старших сыновей Шона, Орландо и Пейтон, вскоре стали моей главной заботой. Им было по восемнадцать и девятнадцать лет, и я не раз наблюдала, как они заглядывали в другие фургоны за едой и серебряными безделушками. Я поговорила с тетей Мириам и попросила ее строго предупредить их об опасности воровства у наших собственных людей. Мы можем быть изгнаны с луга на всю жизнь. К счастью, молодые люди только смотрели и ничего не трогали, и в конце концов они не причинили нам никаких неприятностей.

Летом стояла теплая погода, урожай был обильным, и к осени Мария уже бегала и смеялась вместе с другими девочками и больше не пряталась так глубоко внутри себя. Я была рада видеть это, так как помнила, что в ее возрасте я питала большое любопытство к

другим семьям, особенно к линии Фау, которые приезжали каждый год. Они были одними из самых преуспевающих среди Мондиалитко, так как имели тенденцию рожать необычное количество Растерзанных Туманом провидцев. У некоторых из них были пшенично-золотые волосы, а их провидцы всегда рождались с лавандовыми глазами.

Мне было очень жаль, когда кончилась жатва.

Но в последний месяц осени мы снова отправились в Кеонск.

К этому времени у моего отца и тети Мириам уже не было иллюзий относительно того, как далеко мы упали, и они не спорили и не жаловались мастеру Деандре, когда он снова поместил нас в дальнем конце ярмарки.

Мы зарабатывали столько денег, сколько могли, и я, как дура, полагала, что теперь, когда мой отец, тетя Мириам и другие старейшины наконец поняли наше положение, они будут заняты составлением плана на зиму.

Мы, конечно, не могли бродить с места на место, как это было в прошлом году.

Но именно это мы и сделали, и зима превратилась в сплошное пятно холода и голода. Хотя никто из наших людей не умер, следующей весной мы прибыли на луг Егора, разглядывая каждый дюйм «грязных цыган», как нас так часто называли. Мария полностью ушла в себя и не выходила оттуда. Она не бегала и не играла с другими девочками. Только одна семья сжалилась над нами и принесла нам немного овса и яиц.

Начался сбор клубники, и мы все старались изо всех сил работать, но были в ослабленном состоянии. Маркус и Миколай ловили рыбу и расставляли силки вместо того, чтобы собирать ягоды, и я подумала, что, как и прошлым летом, немного солнечного света и приличная еда скоро приведут нас в порядок.

И вот однажды ночью, как раз когда начался сбор урожая малины, Орландо и Пейтон были пойманы с поличным, когда они крали из фургона Растерзанного Туманом провидца из рода Ренэв.

Мой отец и тетя Мириам умоляли, но правила этих семей были ясны, и никаких исключений не могло быть сделано. Нам сказали уйти и больше не возвращаться.

Я просто оцепенела. Мы потеряли наше последнее место истинной безопасности.

Хуже того, я испытала момент иррационального страха, что Маркус может покинуть нас. Любая из группировок взяла бы его с собой. Но, конечно же, он этого не сделал, и я не знаю, откуда взялся этот страх.

Мы снова бродили до последнего месяца осени, а потом вернулись в Кеонск. В конце ярмарки того года мой отец и тетя Мириам объявили, что должно произойти что-то кардинальное и что они пришли к определенному решению. Я на мгновение почувствовала надежду, что они нашли нам безопасное место для зимовки. Затем, услышав их решение, я прикусила губу изнутри. Таков был их план... в лучшем случае неуверенно.

«Мы слышали, что дом Эн более благосклонен к нашим людям,» объявила тетя Мириам, «поэтому мы отправимся на север и запад, в Энемуск. Мы можем найти место в городе, чтобы организовать и поставить наши шоу. По крайней мере, мы сможем заработать достаточно денег, чтобы прокормить себя и лошадей.»

Хотя это звучало гораздо лучше, чем тяготы прошлой зимы, я задалась вопросом, где они слышали о такой терпимости Энтес. Я никогда не слышала ничего подобного. Кроме того, зимы в северо-западных провинциях были намного холоднее, чем на востоке, и если этот план провалится, я опасалась, что мы будем зимовать во льдах и снегах.

Маркус поймал мой взгляд, и я поняла, что он думает о том же самом.

Но ни он, ни я не имели права голоса в этих решениях, и поэтому мы направились сначала на запад, а затем на север, прибыв в Энемуск как раз в тот момент, когда погода начала меняться.

До сих пор я не знаю, кто дал моим тете и отцу такой глупый совет, но солдаты Энтес, охранявшие главный вход в Энемуск, смотрели на нас с таким отвращением, что я зажала ладонями уши Марии, чтобы она не услышала того, что должно было вырваться из их уст.

Это было отвратительно.

В разгар своих оскорблений они дали понять, что нам даже не позволят вкатить наши фургоны в город. Они сообщили нам, что Энтес не терпят бродяг и нищих и что нам лучше всего отправиться в путь, если мы знаем, что для нас хорошо.

Я никогда не забуду выражение лица моего отца. В тот день из него ушла часть жизни, но я была вне жалости и впервые почувствовала гнев на свою мать. Неужели дедушка Мартен был прав? Неужели она намеренно сделала всех нас зависимыми от нее? Неужели ей нравилось чувствовать себя такой необходимой? Почему она никогда не пыталась научить тетю Мириам или меня читать по ладони? У меня не было ответов.

Ту зиму почти невозможно описать словами.

Нас гнали прочь от каждого места, где мы пытались разбить лагерь, и Маркусу было трудно охотиться в снегу. К середине зимы четыре лошади погибли. Мужчины ухитрились срезать с одного из них кусок жилистого мяса, но утром нас прогнала группа солдат, заставив оставить остальных троих лежать на снегу. Это было тяжело для младших сыновей Шона, так как они любили наших лошадей.

Мария не упомянула о своем дне рождения. Она была слишком голодна и замерзла, чтобы помнить об этом.

Примерно через месяц бедная старая Летиция умерла, и я думаю, что дедушка Мартен был слишком голоден, чтобы оплакивать ее. Через несколько дней младший ребенок Мики и Кэтлин умер.

Мария превратилась в тень, и я боялась, что она будет следующей.

Но однажды ночью нам удалось разбить лагерь за деревней, и мой отец с дядей Ландриеном пошли посмотреть, какие перспективы откроются для нас в этом спектакле. Я находила это довольно странным, так как мало кто из нас был способен выступать, и мы выглядели как Ходячие мертвецы. Я подумала, не собираются ли эти люди просто найти таверну и попросить кружку эля.

Но когда они вернулись, то собрали нас вместе и сообщили неожиданные новости.

«Нам только что сообщили о лагере под названием Резан на севере, выше Энемюска,» сказал отец. «Один принц из дома Палена владеет коллекцией серебряных рудников, и здесь ощущается нехватка рабочих рук. У солдат, наблюдающих за шахтами, есть большая палатка с провизией, и они готовы продавать еду любому, кто добывает для них шахты. Мы могли бы предложить работу, купить еды и, по крайней мере, иметь место, чтобы провести остаток зимы.»

Возможность поработать и поесть вполне устраивала всех нас, и поэтому мы направились дальше на север, а затем немного на Запад. Движение было медленным, так как теперь каждую повозку тянула только одна лошадь. Мы вкатились в Резанский лагерь на последних остатках наших сил и духа.

С крыши нашего фургона я впервые увидела то, что показалось мне морем палаток и людей в коричневых плащах.

Лагерь

Ко времени нашего приезда в Резан тетя Мириам уже даже не претендовала на роль нашего руководителя. Она едва могла подняться с койки.

И так, именно мой отец, дядя Ландриен и Миколай первыми заговорили с капитаном Гарретом из дома Пехлен. Он вышел нам навстречу, а я стояла в дверях нашего фургона, всматриваясь и прислушиваясь.

Капитан Гаррет был широкоплечим мужчиной с седыми волосами и горделивой осанкой. Но ему нужны были рабочие, и он говорил с нашими людьми с уважением. К сожалению, сделка, которую он предложил, оказалась разочарованием.

«Наши шахтеры подписывают контракт на один год,» сказал он, «и получают зарплату в конце, когда контракт будет выполнен. У нас только что был подписан новый раунд контрактов осенью, но я могу подписать вас на немного сниженную зарплату, и вы можете работать до конца года.» Он продолжал объяснять, что в течение года, пока они работают над своими контрактами, мужчины могут вынимать чеки, чтобы обменять их на еду из палатки с провизией. Эти чеки впоследствии будут засчитаны в счет их заработной платы. Я понимала, что это такое-способ снизить денежную заработную плату, наживаясь на потребности шахтеров прокормить свои семьи. Но в то время мне было все равно. Это звучало так, как будто наши люди могли бы получить еду для нас прямо сейчас.

«Однако,» продолжал капитан Гаррет, «никому не разрешается обменивать чеки на провизию, пока они не проработают в шахтах по меньшей мере месяц. У нас было несколько рабочих, которые загружались едой, работали один день, а потом исчезали.»

Лицо моего отца вытянулось. Теперь нам нужна была еда. Мы не могли продержаться и месяца.

Капитан, казалось, понимал это — хотя я наблюдала, как он подсчитывал количество мужчин в нашей группе, а также мальчиков, достаточно взрослых, чтобы работать. Я знала, что он хочет, чтобы мы остались. Он посмотрел на наших лошадей, которые были такими же худыми и слабыми, как и мы, но эти последние четверо были вполне здоровы.

«Я куплю у вас лошадей, а на вырученные деньги вы сможете купить провизию, чтобы прокормить свой народ.» Он указал на север. «Лагерь шахтеров находится вон за теми деревьями. Вы можете поставить свои фургоны, а потом привести лошадей ко мне.»

Для странствующего Мондиалитко мысль о продаже наших лошадей была почти невысказанна. Они были нашей жизненной силой, нашим методом перемещения из одного места в другое в ритме года. Но мы сбились с годового ритма, и отчаянное положение матросов заставило их согласиться с предложением капитана. Позже я узнала, что никому из других шахтеров никогда не говорили, что они должны работать месяц, прежде чем воспользоваться чеками. Хотя капитан Гаррет был честным человеком во многих отношениях, я подумала, что он мог бы поставить нас в такое положение, что нам пришлось бы продать наших лошадей, чтобы мы не могли уехать.

В то время, однако, я не знала этого.

К полудню мы уже разместили наши фургоны в лагере шахтеров. Наши лошади были проданы, и нам дали хорошую цену. Наши кладовые были заполнены припасами из солдатской палатки, в том числе овсом, чечевицей, сушеными помидорами, луком, чаем, колесиками сыра и несколькими ведрами молока со сливками, плавающими на поверхности. Как дешево нас купили.

Затем все мужчины, кроме Маркуса, подписали контракты на работу с капитаном

Гарретом. Маркус не хотел подписывать контракт, и его отпустили, потому что нам все равно понадобится наш охотник. Мне стыдно за то, какое облегчение мы все испытали, просто получив еду, место для лагеря и обещание работы, даже если эти люди не будут получать настоящую монету в течение почти года.

Мы разожгли костер, и мы с Кэтлин принялись готовить большую кастрюлю тушеной чечевицы с луком и сушеными помидорами. В тот вечер Мария сидела у огня, накинув на плечи одеяло, и я принесла ей теплую миску чечевицы. Она была слишком голодна, чтобы даже проглотить его, поэтому откусывала маленькие кусочки.

«Мы можем остаться здесь?» прошептала она. «Нам не придется уезжать завтра?»

Я не думаю, что она поняла, что наши лошади ушли.

«Нет» — прошептала я в ответ, садясь рядом с ней. «Нам не нужно уходить, и я приготовлю тебе на завтрак мягкий овес со сливками.»

Она наклонилась ко мне и уткнулась лицом в мое плечо. Может быть, нас все-таки не так дешево купили.

На следующий день мужчины отправились на рудники работать, все, кроме Маркуса и дедушки Мартена, который был слишком стар. Только одному из сыновей Шона еще не исполнилось двенадцати, и, судя по всему, любой мужчина старше двенадцати считался достаточно взрослым, чтобы работать на серебряных рудниках. Таким образом, одним махом капитан Гаррет захватил моего отца, дядю Ландриена, Миколая, Мику, Шона и четырех сыновей Шона.

В тот день я оставила Марию отдыхать, а сама занялась обустройством более постоянного лагеря. Потом я приготовила ужин. Кэтлин помогала мне, и она также заботилась о своих двух оставшихся детях и младшем сыне Шона.

Тетя Мириам не вставала с койки, и я начала беспокоиться, что она не просто устала. Я принесла ей чай и еду, но она не могла есть.

Когда мужчины вернулись в тот вечер, у меня впервые возникло подозрение, что мы совершили ужасную ошибку.

Мондиалитко не были рождены для того, чтобы проводить свои дни под землей в темноте. Им нужен свет и воздух. Хотя наши люди были привлечены обещанием работы, они не до конца представляли себе тот вид работы, на который они подписывались — каторжный труд в темноте под землей.

Я видела страх и отчаяние в глазах моего отца.

Мария тоже это заметила, но ее реакция не вызвала жалости. Поймав меня наедине, она спросила: «Мы ведь не уходим, правда? Отец не сдастся и не заставит нас уехать?»

«Нет,» заверила я ее. «Мы никуда не уйдем.»

Я накормила мужчин обедом и сделала все возможное, чтобы сделать их вечер приятным с едой и теплым костром.

На следующее утро они вернулись в шахты.

Через два дня тетя Мириам умерла во сне. Дядя Ландриен, Миколай и Маркус оплакивали ее. Бедная Мария была вне траура и, казалось, почти не замечала, что ее тетя ушла. Девушка слишком сильно боялась снова оказаться на дороге.

По прошествии этого первого года я подружилась с женами шахтеров, которые жили в лачугах и хижинах в нашем лагере, и некоторые из них научили меня разумно использовать талоны на питание. Солдаты высоко ценили такие предметы роскоши, как чай, поэтому, если я хотела, чтобы наши люди получали больше реальных денег в конце своих контрактов,

я научилась покупать только то, что было абсолютно необходимо. Конечно, проблема заключалась в том, что я часто готовила на ужин одни и те же блюда — например, тушеную чечевицу. Маркус по возможности дополнял наши трапезы дичью и олениной. Но мужчины были лишены даже таких маленьких удовольствий, как чай. Это беспокоило меня, и все же, когда я поделилась своими опасениями с отцом, он посоветовал мне продолжать действовать бережливо.

В течение этого года я наблюдала, как жизнь утекает из глаз наших мужчин, и видела, как в моем отце растет решимость, которой я никогда раньше не видела. Я знала, что он ненавидит это место. Он ненавидел эти шахты. Но что произойдет, когда эти люди отработают свои контракты и получают причитающееся им жалованье? Конечно, у нас не хватит денег, чтобы купить лошадей.

В конце лета я спросила его: «Что мы будем делать?»

Он долго изучал меня. «У меня есть план, но никто не знает, кроме Маркуса, а ты пока не можешь говорить о нем. А ты клянешься?»

«Конечно.»

«Я заметила, что солдаты не очень хорошо охраняют своих лошадей, а по ночам на периметре может быть только один человек. Как только нам заплатят, после наступления темноты, мы одолеем этого единственного охранника. Мы возьмем шесть лошадей и ускользнем в ту же ночь. Мы оставим позади фургон дяди Мартена. Мика, Кэтлин и их дети могут поехать вместе с нами. »

«Нет.» Я покачала головой. «Капитан Гаррет придет за нами. Тебя повесят за кражу их лошадей.»

«Он нас не найдет.» Он еще больше понизил голос. «Я дал понять, что все мы жаждем вернуться в замок Бельфлер на востоке. Он поверит, что мы бежали, и организует людей, чтобы преследовать нас на восток. Но Маркус нашел нам укрытие всего в трех лигах отсюда. Здесь есть пресная вода, рыба и хорошая охота на него. Мы спрячемся, пока солдаты не перестанут нас искать, и только тогда начнем двигаться.»

Это звучало рискованно, но если Маркус считал, что тайник надежен, то я доверяла его мнению.

«А куда мы пойдем после этого?» Переспросила я.

«Возвращаемся в Кеонск. Я собираюсь поговорить с мастером Деандре о том, чтобы найти нам работу в городе, даже если мы закончим тем, что будем чистить стойла для солдат Вэрэнджи.» Его голос сорвался.

«Но мы должны уехать отсюда, моя девочка. Это не место для нас. Эти шахты-не место для нас.»

«Я знаю, отец.»

Я потянулась и погладила его по руке, по-настоящему гордясь им впервые с тех пор, как умерла мама.

Наступила осень, и я приготовилась к нашему опасному отъезду. Я ничего не сказала Марии. Я знала, что она будет бороться со мной. Ей шел четырнадцатый год, и для нее это место означало еду и стабильность.

Наконец настал день, когда нашим людям заплатили, и я поняла, что отец и Маркус собираются рассказать о своем плане остальным мужчинам. Я не совсем понимала, почему отец ждал так долго, но думаю, он боялся, что молодые люди — Миколай, Пейтон и Орландо — почувствуют то же самое, что и Мария, и не захотят возвращаться на дорогу.

Возможно, он чувствовал, что если он бросится на них, когда у них у всех будут деньги, то они с большей вероятностью рискнут.

После часа, когда их работа закончилась в тот день, я ждала, когда они все вернутся домой... и я стала ждать. Но никто не пришел.

Кэтлин, Мария, Маркус и я начали волноваться.

Потом пришла одна из шахтерских жен и сказала нам, что в день получки, раз в год, мужчин отпускают в полдень, чтобы они могли дойти пешком — несколько часов — до большой деревни где-то между Резаном и Энемюском, где они на свои деньги выпьют кружку эля и купят припасы, которые не могут достать здесь. Они останутся на ночь и вернутся утром, а потом встретятся с капитаном Гарретом и подпишут новые контракты.

Я не верила, что мой отец пойдет на это, и если он пошел с нашими людьми, то только для того, чтобы объяснить свой план.

Но на следующий день, сразу после полудня, он медленно подошел к нашему фургону, и я увидел на его лице поражение. Маркус подбежал к нему, и я никогда раньше не видела его в таком отчаянии. Он ненавидел это место и верил, что мы уезжаем.

«Что случилось?» спросил он.

«Они бы не согласились,» хрипло ответил мой отец, «даже твой отец. Они говорили, что красть лошадей у солдат-это безумие, и нас поймают и повесят. Они потратили свои деньги, и все они подписали новый контракт.»

Маркус отшатнулся назад. «А как же ты?»

«Я... и подписался тоже. Я не могу оставить семью.»

Лицо Маркуса исказилось от горького разочарования. Повернувшись, он побежал в лес. Но теперь я уже знала, что он вернется. Он тоже не хотел расставаться с семьей.

Так начался наш второй год в Резании.

Где-то на этом пути я перестала заботиться о многих вещах. Как и у многих старых шахтеров, у дяди Ландриена начались проблемы с суставами, так что он едва мог сомкнуть руки без боли. Я знала, что должна была бы пожалеть его, но у меня уже начались проблемы с тем, чтобы просто прожить эти дни со стиркой, починкой и готовкой, каждый день сливаясь с другим.

Я никогда не думала, что буду скучать по путешествиям, скучать по дороге, но я скучала. За всю свою жизнь я никогда так долго не была на одном месте. Наши люди перестали смеяться. Они перестали петь и играть на скрипках.

Капитана Гаррета сменил другой человек по имени Капитан Ашер, а также новая группа солдат, служивших под его началом. Ашер не имел к нам особого отношения, пока серебро в шахтах продолжало течь — а оно текло.

В тот второй год маленькая часть меня начала больше беспокоиться о Марии. Она редко разговаривала и, похоже, большую часть времени проводила в одиночестве. Ей не нравилось помогать мне стирать или готовить еду, и мне было легче сделать это самой, чем пытаться заставить ее. Она росла необузданной, но я, кажется, не могла заставить себя заботиться об этом.

Я видела, как мой отец угасает у меня на глазах.

Следующей осенью большинство наших людей подписали свой третий контракт, но дядя Ландриен не смог этого сделать. От холода, сырости и непрестанной работы в шахтах у него так болели суставы, что он едва мог ходить.

Орландо и Пейтон оба женились на девушках из шахтерского лагеря, таким образом

навсегда обосновавшись на земле.

Маркус продолжал охотиться для нас, но, казалось, говорил все меньше и меньше.

Следующей зимой Марии исполнилось шестнадцать. Она была неотразимо красива.

Вскоре после этого мой отец заболел лихорадкой и умер.

Все эти вещи начинали казаться мне происходящими в чьей-то другой жизни, что я была просто наблюдателем. Один день сливался с другим.

Затем, весной третьего года нашего пребывания в Резании, капитан Ашер умер, и его замена не заставила себя долго ждать. Его звали Капитан Киган, и я почувствовала волну страха, когда он впервые посетил лагерь шахтеров. Он смотрел на меня и мою семью так, словно мы были грязью. Я видела отвращение в его глазах, но его взгляд слишком долго задерживался на Марии, двигаясь вверх и вниз по ее изящному телу и изящному лицу.

Он не произнес ни слова. Он просто повернулся и пошел прочь.

С ним служил красивый лейтенант по имени Саллиан, а также капрал по имени Куинн, которые оба показались мне прекрасными людьми, и я надеялась, что в конечном итоге мы будем иметь дело с ними больше, чем с их капитаном.

Но через неделю Киган вернулся... увидеть меня.

«Я кое-что проверил,» сказал он, «и у вас с сестрой нет ни одного человека, работающего в шахтах. Правила ясны, и они были написаны не просто так. Женщины, у которых нет мужчин, работающих в шахтах, должны расчищать и освобождать место.»

«Мы не занимаем никакого места» возразила я. «Этот фургон принадлежит нам. И у нас есть люди, работающие в шахтах, мой двоюродный брат Миколай и мой троюродный брат Мика.»

«Эти люди не входят в ваш дом, и ваш отец мертв. Вам нужно будет убраться отсюда. Возьмите свой фургон, если сможете купить где-нибудь лошадь.»

И он пошел прочь. Я не могла в это поверить. Он приказывал нам с Марией уйти.

Когда я рассказал об этом Миколаю и Маркусу, они, конечно же, встали на нашу защиту, и Миколай пошел поговорить с капитаном, чтобы сказать ему, что мы с Марией были частью его семьи. Он вернулся с мрачным лицом и сказал, что капитан сказал ему, что так как он нам не муж и не отец, то он не считается, и нам придется уехать.

У нас не было лошадей, и мы не могли взять нашу повозку. За исключением, возможно, Маркуса, я не думаю, что кто — то из наших людей пойдет с нами — и даже он может не оставить своего отца. Что же тогда будет с нами?

Следующие два дня я провела в страхе, думая, что в любой момент могут прийти солдаты, чтобы выгнать нас с Марией из лагеря, но они этого не сделали.

Вместо этого Мария пришла поздно, открыла дверь фургона и проскользнула внутрь уже после наступления темноты.

«Нам не обязательно уезжать,» сказала она.

«Ну и что же?» Спросила я в замешательстве. «Я не думаю, что капитан передумает.»

«Я никуда не пойду!» она плюнула в меня, и тогда я увидела, что она расстроена, ее маленькие руки дрожат. «Я заключила сделку с капитаном. Мы с тобой можем остаться, а взамен Маркус даст ему дикую дичь для его стола, и я дам ему...» Она замолчала.

Мне стало холодно. «И что же ты ему дашь?»

Она отвернулась, и реальность поразила меня. Именно этого он и добивался все это время. Вот почему он угрожал изгнать нас: отдать ее под свою власть.

Мне следовало бы возмутиться. Мне следовало взять нож и пойти за ним. Но я этого не

сделала.

«Мы можем остаться?» Переспросила я.

«Да.»

Я даже не почувствовала облегчения. Но я ничего не почувствовала.

Этот день сливался с другим.

Глава 10

Каким-то образом Амели отдернула руку. Она больше не могла наблюдать за событиями, которые привели к нынешнему состоянию Мерседес и Марии. Во время чтения ее цели обычно не принимали активного участия, но эта была другой. Она чувствовала, что Мерседес всегда была рядом, почти разговаривала с ней.

«Мне очень жаль,» — прошептала она. «Я больше не могу смотреть.»

Мерседес просто сидела там с мрачными глазами, и Амели поняла, чего ей, должно быть, стоило пережить все это снова.

«Так..., а вскоре после этого произошло первое нападение?» спросила Амели. «Солдаты начали превращаться в Волков?»

Мерседес слегка кивнула. «Миколай был убит в первый же раз, когда это случилось, и капитан Киган пригрозил, что заставит его отца завершить контракт... если бы мы хотели получить зарплату. Суставы дяди Ландриена слишком болят, чтобы работать в этих шахтах, поэтому Маркус подписал контракт, чтобы заменить Миколая, что именно и ожидал Киган.» Она вздохнула. «Но потом нападения продолжались... и это последнее происшествие, случившееся в шахтах, оказалось слишком сильным. Даже отчаявшиеся люди откажутся работать, если они боятся чего-то большего, чем голод.»

«Вы оставили эти грибы для Кигана, не так ли?»

«Конечно, я так и сделала.»

«Но почему именно сейчас? Если Киган был в Мэрайте уже несколько месяцев, то почему вы решили попытаться убить его сейчас?»

«Ваша сестра,» тихо ответила Мерседес. «Она разбудила что-то внутри меня. Сразу после того, как она ушла от меня вчера вечером, я пошла собирать грибы и побежала к повару. Он только что покончил с тушеным мясом и знает, что капитан любит грибы, поджаренные на масле. Но я позаботилась о том, чтобы ни вы, ни Селин не сидели вчера вечером за капитанским столом. Я никогда не сделаю ничего такого, что может причинить вред кому-то из моих людей.»

«А как же Куинн? Или Яромир? Вы спрашивали о них?»

«Мне все равно, что с ними будет. Я просто хочу, чтобы Киган умер.»

Хотя Амели не винила ее за ненависть к Кигану, она не могла мириться с ее бессердечным пренебрежением к Яромиру или Куинну.

«Послушайте меня,» сказала она. «Я что-нибудь сделаю с Киганом. Я позабочусь, чтобы он оставил Марию в покое и чтобы вам обоим разрешили остаться с семьей. Но вы должны пообещать мне, что больше ничего не будете делать. Вы должны мне доверять.»

«Так вы меня не выдадите? Вы не скажете своему лейтенанту?»

«Нет. Я никому не скажу, кроме Селин. У нас с ней нет никаких секретов. Клянетесь ли вы остановиться и позволить мне разобраться с этим?»

Мерседес снова кивнула.

Амели встала. «Мне нужно вернуться.»

Хотя она и установила, кто отравил Кигана, но не приблизилась к разгадке истинной

причины, по которой они с Селин пришли сюда — чтобы выяснить, почему эти солдаты один за другим превращались в бешеных волков. Но она не верила, что Мерседес имеет к этому какое-то отношение или знает что-то о том, как это делается.

И все же ей было о чем подумать.

Выйдя за дверь, Амели прошла через лагерь шахтеров обратно к тропинке, ведущей к деревьям, и единственное слово из рассказа Мерседес всплыло в ее голове. Несколько раз Мерседес называла Маркуса «оборотнем». Он всегда раньше упоминался как охотник, но это обозначение как оборотень, казалось, придавало ему важность. Это слово было смутно знакомо, и он сказал:

Амели показалось, что она уже где-то это слышала.

Может ли это быть ссылка на Мондиалитко, который родился с особыми способностями к охоте? Или это означало нечто большее?

Остановившись, она обернулась и посмотрела на фургон Мерседес, раздумывая, стоит ли ей вернуться и спросить. Но... она и так уже заставила Мерседес слишком много пережить сегодня и решила, что лучше всего будет узнать все самой.

* *

Яромир просидел у постели Кигана в полном одиночестве до самого полудня. Он велел Куинну уйти и велел ему немного отдохнуть. Капитан застонал и несколько раз перевернулся во сне, но Яромир счел это хорошим знаком, предполагая, что Киган не впал в глубокую бессознательность.

Из передней части фургона послышались шаги, и он с досадой оглянулся, готовый приказать Куинну лечь спать, если понадобится, но посетитель был не Куинн. Вместо этого из-за висящего на стене гобелена показалась Селин.

Ее влажные волосы свободно свисали по спине. Она была одета в свой красный плащ, но он мог видеть темно-розовый оттенок под отверстием спереди.

Устало улыбнувшись, она приподняла подол своего плаща на несколько дюймов, чтобы он мог видеть юбку ее вечернего платья.

«Я чувствую себя нелепо, разгуливая по лагерю в розовом шелке, но моя коричневая шерсть забрызгана всем, что вчера съел капитан, и пахнет ужасно. Я сняла его, вымыла голову, и мне больше нечего было надеть.»

Он не смог сдержать ответной улыбки.

Она огляделась вокруг. «Разве Амели не с вами? Я думала, что найду ее здесь.»

«Ее нет в вашей палатке?»

«Нет, я проснулась одна... и я не могу поверить, что проспала так много за день. Но я уверена, что она недалеко. Возможно, она ушла в палатку с провизией. Я посмотрю на капитана, а потом проверю там.»

Однако она не двинулась с места. Вместо этого ее рот открылся один раз и снова закрылся.

«Что же это такое?» спросил он.

«Я хотела тебе кое-что сказать, но у нас не было времени. Это могло быть ничем.»

Снова почувствовав раздражение, он полуобернулся в кресле. «Скажите мне.»

«Вчера днем, когда я возвращался после ухода за шахтерами, я столкнулся с капралом Куинном, и между нами произошла ссора. . откровенный разговор о Капитане Кигане.»

Яромир сидел прямо, теперь уже по стойке «смирно».

«Очевидно, принц Ливен с трудом добился, чтобы кто-нибудь из его офицеров занял

здесь должность командира. Последний капитан умер, и принц не мог найти никого, кто согласился бы заменить его. Куинн рассказал мне, что Киган столкнулся с трудностями из-за карточного долга и в результате был вынужден пойти добровольцем.» Она подошла ближе и посмотрела на спящего капитана. «Куинн точно сказал: «он рассматривает это задание как оскорбление и наказание, и он чувствует, что заплатил свой долг.»»

«И что же ты предлагаешь?» Спросил Яромир, но он уже знал. У него уже были свои сомнения насчет Кигана.

«Куинн говорит, что он несколько раз просил о замене, но никаких действий не предпринимал.»

Яромир задумчиво подпер рукой подбородок. Киган также упорно не позволял ни Селин, ни Амели читать кого-либо из своих солдат, и поскольку он, казалось, мало заботился о своих людях, возможно, эта сдержанность была вызвана тем, что он что-то скрывал.

«А вы не хотите его почитать?» Спросил Яромир.

«Я бы хотела, чтобы Амели сначала прочитала его. Что бы он ни защищал, я думаю, мы найдем это в его прошлом.»

С кровати донесся стон. Киган повернулся и открыл глаза. Несколько секунд он тупо смотрел на Яромира, а потом перевел взгляд на Селин.

«Воды,» — прохрипел он пересохшими губами.

«Конечно» — сказала Селин, торопливо подходя к тазу и наполняя кружку.

«Дайте мне это,» — сказал Яромир, вставая. «Я позабочусь о нем. А ты иди и найди Амели.»

* *

Селин сначала проверила провизию, и, не найдя свою сестру, она направилась обратно в их собственную палатку, думая, что, возможно, Амели уже вернулась туда. Когда Селин подошла ближе, она увидела свою темноволосую сестру, идущую к ней со стороны лагеря шахтеров с задумчивым выражением лица.

«С тобой все в порядке?» Спросила Селин.

«Давай войдем внутрь.»

«Яромир послал меня за тобой. У него есть для тебя задание.»

«Довольно скоро. Мне нужно тебе кое-что сказать.»

Обеспокоенная и любопытная, Селин прошла через провал в их палатку, и Амели последовала за ней.

«Мерседес отравила Кигана» — сказала Амели, как только они оказались внутри и одни.

«Ну и что же?»- ахнула Селин.

«Это правда. Слушай. Она позволила мне прочесть ее.»

И с этими словами Амели начала рассказывать историю о трудностях, которые становились все более трудными для слуха, историю о том, что привело Мерседес и ее семью не только жить здесь, но и оказаться в ловушке здесь. Отложив на время разговор с Яромиром, Селин не стала перебивать сестру и торопить ее. Она слушала все, что говорила Амели.

«И после того, как Киган пригрозил изгнать Мерседес и Марию,» закончила Амели, ««Мария продалась ему. Вот почему им разрешили остаться.»»

«Он просто чудовище.» Селин нахмурила брови. «И поэтому Мерседес только что

пыталась отравить Кигана?»

«Она говорит, что ты ее разбудила.»

Вспомнив свой последний разговор с Мерседес, Селин неожиданно почувствовала себя виноватой. Неужели это она заставила Мерседес попытаться убить Капитана Кигана?

«Ты не можешь никому рассказать» — сказала Амели. «Я пообещала, что никому не скажу, кроме тебя, даже Яромиру — особенно Яромиру — и что я придумаю что-нибудь, чтобы помочь Марии. Мерседес говорит, что больше не будет этого делать, и в конце концов не слишком много вреда было причинено. Ты сможешь защитить ее?»

«Ты же знаешь, что я так и сделаю.»

«Есть еще кое-что,» продолжила Амели, ее глаза стали более задумчивыми. «Мерседес несколько раз называла Маркуса «оборотнем». Я знаю, что уже слышала это слово раньше, но не могу вспомнить, где именно.»

«Это была Хельга.» Селин помнила эту речь. «В нашей гостевой комнате в замке Сеоне, когда она рассказывала нам о нашем наследии. Она сказала, что у Мондиалитко нет богатства или власти в том же смысле, что у принцев и лордов. — Но у них есть свои собственные линии силы, оборотни, разорванные туманом и тому подобное.»

Тело Амели напряглось. «Теперь я это припоминаю. Оборотни? Неужели ты думаешь, что Маркус обладает какой-то врожденной силой, подобной нашей, но это позволяет ему менять свой облик?»

Селин опустила в кресло. «О, Амели. . Я забыла тебе кое-что сказать. Клянусь, я не держала это в секрете. Учитывая все, что произошло с тех пор, я... . забыла.»

«Ну и что же?»

«В нашу первую ночь здесь Маркус стоял возле палатки. Я так устала, что это почти не казалось реальным, скорее сном, но он позволил мне прочитать его, всего на мгновение, и я почувствовала странное ощущение. Вместо того чтобы наблюдать, я, казалось, была внутри другого тела, и я быстро бежала через лес. . на четвереньках.»

«На четвереньках?»

«Говори потише. Кто-то снаружи может слышать.»

«Селин, если Маркус может превратиться во что-то, что бежит на четвереньках, то он только что занял первое место в нашем списке людей, которых нужно расследовать. Он ненавидит этих солдат, и у него определенно есть мотив избавиться от них.»

«Так что же ты хочешь сказать?» Спросила Селин. «Что он каким — то образом заражает их своей собственной природной способностью-если она у него вообще есть? Здесь мы только предполагаем. Как ты думаешь, ты или я могли бы передать наш дар кому-то другому, а потом скрутить его так, чтобы человек сошел с ума?»

Амели нахмурилась. «Я просто думаю, что мы должны продолжить это дело.»

«Согласна. И мы это сделаем. Но прямо сейчас капитан Киган занял первое место в списке Яромира.»

«Киган?»

«Да. Пойдем со мной. Я расскажу тебе по дороге.»

* *

Когда Амели вошла в палатку Кигана, послеполуденное солнце уже садилось, и она была обеспокоена тем, как сильно ее часть хотела, чтобы этот продажный капитан оказался виновным в преступлениях здесь. Она надеялась провести проверку и разоблачить его как ложного лидера, который каким-то образом уничтожает своих людей, чтобы избавиться

от нежелательного командования.

Хотя она не считала себя мстительной личностью, ей хотелось, чтобы он был наказан. К счастью, лучшая ее часть боролась с такими инстинктами. Ей нужно было сохранить ясность ума, чтобы сосредоточиться на чтении, на видении критических сцен его прошлого.

Когда они с Селин подошли к кровати, она посмотрела вниз, и какая-то другая часть ее тела на мгновение дрогнула. Продажный он или нет, но выглядел именно так... больной.

Хуже того, Яромир стоял там, скрестив руки на груди, и она все еще не могла встретиться с ним взглядом. Во время кризиса прошлой ночью он и она хорошо работали вместе, но они не смотрели друг на друга, особенно после того, что она сказала ему в палатке. Как она могла такое сказать? Почему такие ужасные вещи слетают с ее губ каждый раз, когда он заставляет ее чувствовать себя прижатой к стене?

Налитые кровью глаза капитана Кигана были устремлены на Селин. «Мне сказали, что я должен благодарить вас за свою жизнь» — хрипло произнес он.

«Я бы сделала то же самое для любого,» ответила она. «Но вы будете лежать в постели неделями, а может, и дольше. Отравление грибами берет свое.»

Он не стал спорить. Возможно, он чувствовал себя так же плохо, как и выглядел.

«Я принял на себя временное командование,» сказал Яромир, «в отсутствие другого офицера.»

Глаза Кигана округлились в его сторону. «Вы послали гонца с просьбой найти мне замену? Конечно, вы не можете оставаться здесь, пока я снова не поправлюсь. Ваш собственный принц, должно быть, нуждается в вас.»

«Я останусь здесь до тех пор, пока не выполню задание, для которого меня послали,» холодно ответил Яромир. «В связи с этим я разрешил этой даме прочесть ваше имя.» Он махнул рукой в сторону Амели.

Глаза Кигана расширились. «Нет. Я отказываюсь.» Он попытался сесть, но не смог.

«У вас нет выбора,» продолжал Яромир, «и если вы не позволите ей прикоснуться к вам, я буду держать вас.»

Зеленоватая кожа капитана побледнела. «А где же Куинн?»

Яромир проигнорировал его.

Без малейшего колебания он наклонился и прижал к себе руки Кигана. «Амели?»

«ВЫ не можете этого сделать!» Слабо вскрикнул Киган. «Я приказываю вам остановиться.»

Амели ненавидела делать подобные чтения. Однажды Яромир приказал капралу Павлу задержать предателя-придворного лекаря в замке Сеоне, а затем велел ей прочитать показания этого человека, чтобы получить доказательства его вины. Так оно и было... неудобно.

Но сейчас она не собиралась возвращаться. Опустившись на колени у кровати, она попыталась отгородиться от слабых протестов Кигана. Коснувшись тыльной стороны его руки, она закрыла глаза и потянулась к искре его духа. По дороге сюда Селин рассказала, что Яромир хотел узнать секреты Кигана, его причины, по которым он вызвался принять это командование — что-то более конкретное, чем сплетни об игорном долге.

Простого карточного долга было бы недостаточно, чтобы заставить такого человека, как Киган, присматривать за тем, что он считает сворой оборванных шахтеров. Это должно было быть нечто большее. И если да, то как далеко он пойдет, чтобы освободиться от этого нежелательного положения?

Закрыв глаза, она очистила свой разум и продолжила фокусироваться на духе Кигана, возвращаясь назад во времени к тому, что привело его сюда, в Резан. Первый удар пришелся в голову, и она собралась с духом. Последовал второй толчок, и палатка вокруг нее исчезла. Ее понесло назад сквозь бело-серый туман. На этот раз она старательно держалась отдельно от Кигана. Она должна была смотреть только как наблюдатель, видеть, что происходит с ним и вокруг него — не говоря уже о том, что ей было противно находиться в его голове и видеть его глазами.

Туман продолжал подниматься, пока ее тянуло назад, и когда он рассеялся, она обнаружила, что стоит в каком-то подземном помещении, освещенном несколькими фонарями. Здесь не было окон, а стены были сделаны из камня. За длинным столом стоял человек в длинной тунике с тяжелым синим камнем на шее. Он пересчитывал деньги в сумку.

Капитан Киган, капрал Куинн и красивый мужчина с густыми волосами стояли по другую сторону стола. Амели некоторое время изучала третьего мужчину. Выражение его лица поразило ее... хрупкий, как будто его можно было легко ранить. Он выглядел неуместно в своем темно-коричневом плаще и доспехах.

«Хорошо,» сказал человек в длинной тунике, закончив считать. «Вот именно.» Он протянул пакет и подтолкнул через стол листок бумаги. «Капитан Киган и лейтенант Саллиан, пожалуйста, распишитесь внизу, чтобы подтвердить, что вы приняли плату за своих людей в этом сезоне.»

«Мы уже делали это раньше» — ответил Киган недружелюбным тоном, как будто ему было наплевать на этого человека, который, вероятно, был казначеем принца Ливена.

Амели поняла, что третьим солдатом был лейтенант Салливан, который превратился в волка и был убит до ее прибытия в Резан.

И Киган, и Салливан расписались. Киган поднял мешок с монетами, и все трое направились к двери. Амели отступила в сторону, хотя и знала, что они ее не видят. На самом деле ее там не было. Она просто наблюдала Эхо во времени.

Но почему она смотрит, как Киган получает зарплату для своих людей?

Комната исчезла, и она обнаружила, что стоит на открытом воздухе, во дворе замка. Вокруг толпились солдаты в доспехах и коричневых плащах, и она заметила, что четверо из них сидят на корточках и играют в кости.

Новые голоса привлекли ее внимание, и она обернулась, чтобы увидеть Кигана, Салливана и Куинна, идущих в открытый двор. Киган все еще нес мешок с деньгами, в котором лежало жалованье его людей.

Он остановился при виде игры в кости, и лицо лейтенанта Саллиана приняло озабоченное выражение.

«Сэр,» — сказал Саллиан, — «нам нужно поговорить с торговцем лошадьми из Милтаны насчет этих новых Меринов.»

Но Киган не обращал на него внимания и продолжал наблюдать за игрой. Амели заметила, что Куинн и Салливан встревоженно переглянулись.

Мгновение спустя Киган достал из сумки несколько монет. «Это моя собственная зарплата.» Передав сумку Салливану, он подошел к игре. «Есть место еще для одного?»

«Конечно, сэр.»

Солдаты расступились, и Амели придвинулась ближе. Она никогда не играла в кости, поскольку все игры, казалось, зависели от удачи, а не от мастерства, но она знала, в какую

игру играют. Она была проста и называлась «трижды брошенный». Один из солдат выполнял функцию счетчика, и он не принимал участия в игре. Все игроки сначала договорились о сумме ставки, и каждый отдавал ему свои деньги. Затем каждый из игроков делал по три броска, и тот, кто в итоге набрал наибольшее количество из их трех бросков, выиграл все деньги.

Амели находила это глупым, но она знала многих солдат, которые наслаждались случайной простотой. Это не требовало никаких размышлений и скоротало время. Иногда вместо денег они ставят дополнительную работу по дому или ночную вахту.

«Скажем, два серебряных Пенни?» Предположил Киган.

Остальные игроки заколебались. Это была большая ставка для обычных гвардейцев, но один из них пожал плечами. «А почему бы и нет? Завтра день получки.»

«Сэр?» Спросил Куинн.

Киган сурово посмотрел на него. «Ну и что?»

«Ничего.»

Все игроки заняли свои места, и Киган проиграл. У него действительно был второй по величине общий результат для его бросков, но это была игра «победитель забирает все». Еще несколько солдат заметили игравшего Кигана и подошли поближе. В следующем раунде к ним присоединились еще несколько человек.

Киган выиграл следующие два раунда, и его глаза заблестели.

А потом он начал проигрывать.

Двое из первых гвардейцев выбыли, когда новички начали играть на более высокие ставки.

Тревога лейтенанта Саллиана все возрастала. Подойдя ближе, он коснулся руки своего капитана. «Сэр, торговец лошадьми? Он уже ждет.»

«Сейчас,» — ответил Киган. «Мне просто нужно вернуть свои деньги.»

Амели уже видела таких мужчин, как Киган. Начав, они уже не могли остановиться. Они всегда верили, что выиграют следующий раунд игры в кости или следующую партию карт.

Двор исчез, и она снова оказалась в тумане, двигаясь вперед, совсем немного. Туман рассеялся, и на этот раз она стояла в конюшне. Киган наклонился вперед, упершись руками в колени, как будто его вот-вот стошнит.

«А что я могу сделать?» сказал он. «Завтра приезжает мастер Терлон. Он сказал, что если я не рассчитаюсь, то он отправится к принцу Ливену.»

И Саллиан, и Куинн смотрели на него с беспокойством.

Саллиан все еще нес сумку с солдатским жалованьем. «А вы не могли бы вернуть ему кое-что из своих покупок? Оловянные кубки?»

«Он их не возьмет!» Рывкнул Киган. «И я не могу вернуть вам вина на целый сезон. Он уже был пьян.» Он встал и провел руками по лицу. «Принц не может узнать, сколько я ему должен. Я буду разорен.»

«Вы же знаете, что я отдам вам свое жалованье» — сказал Куинн. «Но почти все, что я зарабатываю, я отправляю домой своим родителям.»

«А я должен за свое вино и новое седло, которое купил,» сказал Саллиан. «Сэр... если бы вы только ушли, когда я вас попросил. вы бы не потеряли все.»

Амели начала понимать, почему она была здесь сейчас. Похоже, Киган проиграл в эту игру в кости всю зарплату за сезон, и теперь он задолжал торговцу за вино и другие

предметы роскоши, купленные в кредит.

«Не надо мне матери!» Почти прокричал Киган. «Я должен что-то сделать. Принц и слышать об этом не может.» В его голосе звучало отчаяние.

«Ждать...» Начал было Саллиан. «Куинн, а как насчет той игры в прятки?» спросил он после некоторого колебания.

Тяжелая десятка, которую вы обещали сдать сегодня вечером? Не могли бы вы позвать сюда капитана? Он лучше играет в карты и может отыграть свое жалованье.»

Киган выпрямился, его глаза наполнились надеждой. «Жесткие Десятки?»

Саллиан кивнул. «Когда принц Деймек приехал сюда с визитом, несколько его офицеров попросили лейтенанта Таннера организовать игру, а Таннер попросил Куинна сдать карты.»

«Вы можете меня впустить?» Спросил Киган у Куинна.

«Нет» — ответил Куинн. «Нам придется поставить вас на кол, а что, если вы проиграете?»

«Я не проиграю!» Особенности Кигана скручивается в то, что выглядело как выражение боли. «Пожалуйста... пожалуйста. Я обещаю, что если вы поможете мне на этот раз, это больше никогда не повторится.»

Куинн отвел взгляд, как будто не мог заставить себя даже взглянуть на своего капитана. «Хорошо. Я поговорю с лейтенантом Таннером.»

Сцена в конюшне исчезла, и Амели увидела только мерцание тумана, прежде чем он рассеялся, и она оказалась в другой маленькой комнате без окон. В этой комнате стоял круглый стол, за которым сидели шестеро мужчин. На столе стояли кубки и кувшины с вином. На маленьких квадратных столиках по углам горели свечи.

Амели сразу же заметила капитана Кигана и капрала Куинна. Кроме того, там были три офицера в черных плащах гвардейцев Дамека и мужчина средних лет в коричневом плаще. Она предположила, что это, должно быть, лейтенант Таннер. Саллиана там не было.

Быстро, Амели поняла, что она не пришла вовремя, чтобы наблюдать за началом игры. Судя по состоянию стола и мужчин, они уже некоторое время играли в карты. Перед одним из офицеров Дамека и лейтенантом Таннером лежала самая большая куча монет. Перед Киганом их почти не было.

Куинн сдавал карты.

Опять же, хотя Амели редко играла в жесткие десятки, она знала правила. Это была еще одна простая игра, хотя на этот раз она включала в себя некоторую стратегию. Перед игрой все короли, королевы и валеты были удалены из колоды, оставив только сорок карт.

Дилер сдавал каждому игроку по две карты-одну лицевой стороной вверх и одну лицевой стороной вниз. Игроки могли взглянуть на свою открытую карту и затем сделать ставки. После этого игрок мог встать с тем, что у него было, или попросить другую карту... и даже больше, если бы он захотел.

Цель состояла в том, чтобы подойти как можно ближе к сумме двадцати в любой комбинации с двумя десятками как можно лучше. Любой игрок с двумя десятками выигрывал, и в редком — но возможном-случае, когда двум игрокам раздавали две десятки, они делили банк выигрышей.

Работа дилера заключалась в том, чтобы просто заключать сделки. В противном случае он не принимал участия в игре.

Амели могла сказать по напряженному выражению лица Куинна и выражению

отчаяния на лице Кигана-вместе с его небольшой кучкой монет — что Кигану сегодня не повезло.

Была сдана новая рука.

Амели подошла к Кигану сзади. У него была выставлена двойка треф. Она наклонилась, когда он заглянул в свою открытку: десятка бубен.

Мужчины начали делать ставки, и к тому времени, когда они закончили, Киган поставил почти все оставшиеся монеты.

Один из офицеров Дамека поднял бровь. «Похоже, вам предстоит сделать выбор, капитан,» сухо сказал он.

Киган не ответил и кивнул Куинну, давая понять, что ему нужна еще одна карта.

Куинн сдал ему десятку червей. Киган закрыл глаза. Он уже подошел к ней.

Когда раздача закончилась и мужчины перевернули свои открытые карты, лейтенант Таннер выиграл комбинацию из девятнадцати карт. Собрав свой выигрыш, он пожал плечами. «Не повезло тебе, Киган, но, похоже, ты уже вышел.»

Лоб Кигана покрылся испариной. «Нет... ждате. Просто дай мне минутку, и я сейчас вернусь.»

Куинн в тревоге поднял глаза, когда Киган выбежал из комнаты, и несколько солдат-визитеров неловко заерзали.

«Мне так жаль человека, который не знает, когда остановиться,» — сказал один из них.

Но вскоре Киган поспешно вернулся... он нес сумку с деньгами своих людей. Он собирался поспорить на жалованье своих людей? Несмотря на свое низкое мнение о Кигане, Амели не думала, что даже он способен на такое.

Куинн пристально смотрел на него, когда он сел.

Но Киган сердито посмотрел на него через стол. «Сдавайте карты, капрал»

Маленькая, тусклая комната исчезла, и Амели снова устремилась вперед в тумане.

Когда они разошлись, она оказалась в Большом зале с каменными стенами и очагом, достаточно большим, чтобы в нем можно было стоять.

Капитан Киган стоял на одном колене на полу, склонив голову.

Амели посмотрела на мускулистого мужчину с седеющими волосами и гордой осанкой, сидящего в кресле на возвышении над капитаном. На нем была свободная красная куртка, украшенная золотой нитью. Три кольца с драгоценными камнями на каждой руке украшали его пальцы.

Выражение его лица было непроницаемым.

«Я не знаю, что сказать, мой принц,» сказал Киган. «Этот поступок непростителен.»

Глаза Амели снова устремились на помост. Она смотрела на отца Антона, принца Ливена. Он был совсем не похож на Антона-стройный, с мягкими темными волосами и узкими чертами лица.

«Это непростительно» — сказал принц Ливен, и его голос эхом разнесся по залу. «За все свои годы я ни разу не слышал, чтобы капитан проматывал жалованье своих людей. Вы нарушили священное доверие. Как же они будут посылать деньги своим семьям? Как только эта новость выйдет наружу, вы потеряете свой пост, и ни один человек больше никогда не будет служить под вашим началом.»

Тело Кигана дернулось, как от удара, но он не поднял глаз от пола.

Принц Ливен молчал в течение длительного времени. Наконец, он сказал: «Хотя этот поступок непростителен, он не безнадежен. Не согласитесь ли вы оказать мне небольшую

услугу? Если так, то я заменю вам жалование ваших людей, и никто не должен знать об этом.»

Киган резко вскинул голову. «А служба?» он тяжело дышал.

«Да, мне нужен офицер, который отправится на север и будет руководить добычей серебра в Резани. Если вы будете настолько добры, что возьмете на себя командование, я прослежу, чтобы вашим людям заплатили.»

Челюсть Кигана дернулась, и он побледнел.

Амели поняла, что он, должно быть, знал что-то о Резани, о пустынном месте, куда его посылали.

«Конечно, если вы этого не хотите... » сказал принц небрежно, как будто это не имело никакого значения.

«Я пойду, мой принц» — быстро сказал Киган. «С благодарностью.»

У него не было выбора, и даже он был достаточно мудр, чтобы понять это.

Принц молча кивнул. «Хорошо. Приток серебра очень важен для благосостояния нашей провинции здесь. Вам и лейтенанту Саллиану может потребоваться несколько дней на подготовку, и Вы уедете в конце недели.»

Глаза Кигана были пусты, как будто ему вынесли смертный приговор, но все же это было лучше, чем публичное унижение и лишение звания.

«Да, мой принц» — выдавил он наконец.

Большой зал исчез, и Амелии снова понеслась вперед в тумане, со смесью мыслей, бурлящих в ее голове. Она ожидала, что сейчас оставит эти видения позади и окажется снова в палатке Кигана, сидя рядом с Яромиром.

Но вместо этого, когда туман рассеялся, она стояла на открытом месте солдатского лагеря в Резани, все еще наблюдая за происходящим. Что ей нужно было здесь увидеть? Приближались сумерки, и, оглядевшись вокруг, она увидела, что большая новая палатка капитана Кигана уже установлена, но в ней были и другие элементы

в лагере все было по-другому, и несколько небольших палаток отсутствовали, как будто люди Кигана все еще располагались и устраивались.

Киган и Саллиан шагали к ней через весь лагерь, когда уже зажигались вечерние костры. Она слышала, как они разговаривают.

«Все не так уж плохо, капитан» — сказал Саллиан. «Мы здесь всего три недели, а я уже успел подписать контракт с новыми шахтерами. Производство идет, и принц будет доволен.»

Киган хмыкнул. «Нет никакой необходимости пытаться сделать из этого хорошее лицо. Нас изгнали, и это моя вина. Но мы здесь надолго не задержимся. Я найду способ вернуть нас обратно в замок Пален.»

Саллиан помолчал и понизил голос: «Сэр... некоторые из них, похоже, знают, почему нас сюда направили. Я не знаю, как они узнали об этом. Ни Куинн, ни я не произнесли бы ни слова, но я боюсь, что это может подорвать ваш авторитет.»

«Позвольте мне об этом побеспокоиться. Я могу справиться с этими людьми.»

Он, казалось, собирался сказать еще что-то, когда Амели услышала сдавленный звук. Оба Киган и Саллиан повернули головы в то же самое время она сделала. Молодой солдат, который разводил костер, внезапно начал с силой рвать, пытаясь одновременно втянуть в себя воздух.

«Гвардеец!» — Крикнул Саллиан, спеша на помощь.

Но солдат рухнул, его рот искривился от боли. Его грудь начала расширяться, а руки

начали меняться. Мех выступил из его кожи, когда одежда начала трескаться, а пальцы превратились в когти.

Его лицо вытянулось.

«Саллиан!» — Крикнул Киган, хватая своего друга и оттаскивая его прочь.

Когда он это сделал, Амели посмотрела на лицо Кигана. Так или иначе, она знала, что пришла сюда вовремя, чтобы посмотреть на него, а не на солдата, который трансформировался.

Справа от нее раздалось свирепое рычание, но она не сводила глаз с Кигана.

«А это что такое?» кто-то закричал.

Уставившись на него, Киган был ошеломлен, совершенно потрясен представшей перед ним сценой. Он понятия не имел, что происходит.

«Хватайте копья!» — Приказал Саллиан.

«Сэр!» крикнул другой солдат. «Он бежит к лагерю шахтеров!»

«За ним!»

Сцена исчезла, и Амели была в тумане, мчась вперед. Когда они разошлись, она снова была в палатке капитана и смотрела на его зеленоватое лицо. Яромир сидел по одну сторону от нее, все еще прижимая к себе Кигана, а Селин стояла с другой стороны, ближе к краю кровати.

Первой эмоцией, поразившей ее, был гнев, когда она поняла, что означало ее последнее видение.

«Амели» — сказал Яромир, отпуская Кигана. «И что же вы увидели?»

* *

Яромир никогда не видел, чтобы Амели выходила из чтения такой сердитой.

«Это не он!» — она сплюнула. — «Кто бы ни сделал это с солдатами, это не он.»

Киган смотрел на нее широко раскрытыми, налитыми кровью глазами, словно боялся того, что она сейчас скажет.

«Он проиграл жалованье своих людей,» торопливо продолжала она, «и вот как он оказался здесь.»

«Проиграл в карты. .?» Яромир никогда о таком не слышал.

«Но последнее воспоминание, которое я увидела, было о первом солдате, который обернулся... по крайней мере, я думаю, что это был первый солдат.» Она ткнула пальцем в сторону Кигана.» Он был ошеломлен, сбит с толку. Он понятия не имел, что происходит. " Ее подбородок опустился. «Это не он.»

«Конечно, это не я» — прохрипел Киган. «Вы так и думали?»

Яромир пытался вобрать в себя все, что говорила Амели, но ее волнение и явное разочарование беспокоили его больше всего. Неужели она хочет, чтобы Киган был виновен?

Селин подошла ближе и положила руку на плечо Амели.

«Пойдем куда-нибудь и поговорим наедине,» тихо сказала Селин.

Амели не встала. Она наклонилась вперед, уткнувшись лицом прямо в лицо Кигана. «Я знаю, кто вас отравил» — отрезала она.

«Ну и кто же?» Вмешался Яромир, не в силах отделаться от ощущения, что он быстро отстает в этом обмене репликами.

Амели проигнорировала его и продолжила говорить прямо с Киганом. «Этот кто-то, кто заботится о Марии, но это может быть кто угодно. Это мог быть кто-то из Мондиалитко. Это может быть один из ваших солдат или шахтер, который влюбился в нее. Это может быть кто

удбно. Я пока остановила их, пообещав, что поговорю с вами и попрошу оставить Марию в покое. Держитесь подальше, и все будет в порядке. Но если вы когда-нибудь снова прикоснетесь к ней или пригрозите изгнать ее и ее сестру, вы не переживете этой ночи. Вы меня понимаете?»

Взгляд Кигана был прикован к ее лицу, а дыхание-поверхностным.

Не дожидаясь ответа, Амели встала и вышла из палатки. Селин и Яромир секунду-другую смотрели друг на друга, а потом Селин повернулась и побежала за сестрой.

«Нет» — приказал Яромир, поднимаясь на ноги. «Вы останетесь здесь с ним. «Я пойду.»

Селин неуверенно наморщила лоб. «Лейтенант?»

Он поднял одну ладонь в воздух. «Я буду терпелив, но мне нужно поговорить с ней. А вы оставайтесь здесь.»

Повернувшись, он вышел из палатки вслед за Амели. Выйдя, он посмотрел в обе стороны, как раз вовремя, чтобы увидеть, как она исчезает в лесу вокруг лагеря. Он последовал за ней и быстро догнал, увидев, что она прислонилась одной рукой к дереву. Он знал, что она недолго любит капитана Кигана, но понятия не имел, насколько сильно. Она не хотела бы, чтобы какой-то конкретный человек был виновен. Они были здесь, чтобы узнать правду.

«Амели,» — тихо сказал он.

Она резко обернулась на звук его голоса и, казалось, искренне удивилась, увидев его стоящим рядом. Неужели она думает, что он вот так просто оставит все как есть?

«А кто отравил Кигана?» — спросил он.

На мгновение ему пришло в голову, что она блефовала там, в палатке, говоря Кигану ложь, чтобы держать его подальше от Марии. Но потом Яромир понял, что Амели не способна на такой уровень обмана-Селин, да, но не Амели.

Она смотрела, как он приближается.

«Кто же это?» — повторил он.

«Я не могу вам сказать.»

Несмотря на обещание, данное Селин, он почувствовал, что начинает злиться. «Амелия! Я отвечаю и за вашу защиту, и за разрешение этой ситуации для принца Антона. Если в лагере есть отравитель, я должен знать, кто это.»

«Это не моя тайна, чтобы рассказывать. И это не имеет никакого отношения к тому, что эти солдаты превращаются в Волков. Я могу поклясться в этом. Все кончено, и это больше не повторится.»

Его глаза внимательно изучали ее лицо. За всю свою жизнь, хотя он видел женщин более красивых, чем Амелия, он никогда не знал никого настолько красивого. Ее милое бледное лицо, шелковистые черные волосы и лавандовые глаза притягивали его каждый раз, когда он смотрел на нее. Она могла быть колючей снаружи, но он знал, что это была оболочка, которую она создала для своей собственной защиты.

Кроме того, она заставляла его думать о доме, о замке Сеоне. Он скучал по ней, и она была единственной вещью здесь, которая казалась ему знакомой.

Наклонившись так близко, что он мог видеть желтые искорки в ее радужках, он сказал: «Я же вас спрашиваю.» Учитывая его мягкие манеры и то, что он попросил, а не приказал, он вполне ожидал, что она назовет ему имя.

Она покачала головой.

На секунду он лишился дара речи, и его гнев снова усилился. «Это же не игра! Вы мне скажете кто это прямо сейчас, или я...—»

«Что вы сделаете?» требовательно спросила она. «И что же вы собираетесь делать, Яромир?»

Ее глаза вспыхнули, она тяжело дышала, и он, не раздумывая, схватил ее за затылок и прижался губами к ее губам. Он ожидал, что она оттолкнет его, но, к его бесконечному удивлению, одна из ее рук схватила его за рукав, а затем она поцеловала его.

* *

Амели почти не могла поверить в то, что чувствовал рот Яромира, когда он двигался рядом с ней. Она никогда раньше не целовалась с мужчиной, и чего бы она ни ожидала, это было не так. Она чувствовала исходящую от него силу, силу его челюсти и силу его рук, но он не причинял ей боли. Поцелуй был очень чувствительным. . хорошо. Она схватила его за рукав, потерявшись в этом мгновении, и прижалась губами к его губам, упиваясь им.

Прижав ее к дереву, он просунул язык между ее зубами, и она чуть не задохнулась. Он слегка отстранился.

«Амелия, «- прошептал он.

Затем он снова поцеловал ее, и она не хотела, чтобы он останавливался. Она никогда не чувствовала ничего подобного. Она положила другую руку ему на грудь, и он положил одну руку ей на талию, целуя ее все глубже.

И затем. . внезапно она вспомнила его последнюю любовницу, красивую, надменную, богатую молодую женщину по имени Бриджит. Амели узнала от других солдат, что Бриджит никогда не разрешалось посещать апартаменты Яромира, пока за ней не посылали — так всегда было договорено с любовницами Яромира. Уже около полугода Бриджит спала в его постели, когда он посылал за ней, а когда она ему надоедала, он отбрасывал ее, как багаж, и ни разу не оглянулся.

На протяжении еще одного вздоха Амели вцепилась в рукав его рубашки и с силой поцеловала его. Но она знала, что не сможет этого сделать. Она не могла стать еще одной его послушной любовницей, пока ему не надоест.

Положив ладонь ему на грудь, она толкнула его. Это было самое трудное, что она когда-либо делала.

«Нет» — хрипло ответила она.

Поначалу она не могла пошевелить его телом, поэтому толкнула сильнее, выскользнула из его хватки и попятилась. — «Нет» — повторила она.

Выражение его лица было потерянным, и он сделал спотыкающийся шаг вслед за ней. «Амели?»

Повернувшись, она побежала.

* *

Сидя рядом с Киганом, Селин не могла не почувствовать облегчения, когда капитан снова заснул. Они не разговаривали после того, как Амели и Яромир ушли, но она напоила его водой и обтерла губкой его лицо, и наконец он закрыл глаза, давая ей время подумать.

Ей было любопытно узнать больше о том, что Амели видела в его воспоминаниях, но в данный момент у нее было больше забот. Они были не ближе к разрешению ситуации здесь, чем в тот день, когда они прибыли, и Яромир и Амели, казалось, теряли свою способность работать вместе.

Селин чувствовала себя виноватой за то, что позволила Яромиру пойти за Амели. . но

этим двоим действительно нужно было поговорить друг с другом. Им нужно было закрыть растущую пропасть между ними. Чтобы добраться до сути ужасов, происходящих в этом лагере, требовалось сотрудничество и сотрудничество между ними тремя.

Сидя там у кровати Кигана, Селин надеялась, что Яромир не будет так горд, а Амели не позволит своему темпераменту взять верх. . и что несколько мгновений наедине могут дать им обоим шанс дотянуться друг до друга.

Сзади послышались шаги, и она повернула голову как раз вовремя, чтобы увидеть Яромира идущий вокруг подвесного гобелена. При виде его лица все ее надежды тут же рухнули.

«И что же случилось? — спросила она.

Она никогда не видела, чтобы он так отчаянно боролся за контроль над собой, но он проигнорировал ее вопрос и явно старался говорить спокойно.

«Я принял командование лагерем,» — сказал он, — «и теперь отдаю приказы.»- Его голос слегка дрогнул. «Селин. . мы должны решить эту проблему. Мы должны покончить с этим и вернуться домой.»

Интересно, простит ли он ее когда-нибудь за то, что она увидела его в этот момент слабости?

«А что вы хотите делать?» — тихо спросила она.

«Именно так мы и поступили тогда, в Сеоне. Я организую солдат, а вы начинайте читать. Дайте мне имя следующей жертвы, и я возьму его оттуда.»

Она на мгновение закрыла глаза, благодарная за то, что они с Амелией получили свободу действий.

«Вы хотите, чтобы я искала следующую жертву?» — спросила она. «Может быть, будет лучше, если Амели начнет читать прошлое и посмотрит, не сможет ли она узнать, кто это делает?»

«Сколько человек вы или она можете прочитать за один раз, прежде чем устанете?»

«Шесть, может быть, семь. Тогда нам нужно отдохнуть.»

«Любой здесь может оказаться виновным. В шахтерском лагере находится около сорока солдат и более двухсот человек. Поскольку трансформируются только солдаты, вы можете быстрее привязать следующую жертву, читая только их. Как только вы назовете мне имя, у меня появится несколько идей.»- Теперь он стал больше походить на самого себя. «Кроме того, мужчины находятся на грани, и вы намного лучше справляетесь с этим, и у вас есть столько же шансов найти что-то важное, читая будущее, как у Амели-прошлого.»

Селин надеялась, что Яромир не пытается уклониться от работы с Амели. Она посмотрела вниз на спящую фигуру Кигана. — «Возможно, капитан был прав в одном. Если я назову имя солдата, то подвергну его опасности со стороны остальных. Нам придется держать это очень тихо.»

Покачивая головой, Яромир сказал: «Нет, как только вы прочтете следующую жертву, я хочу, чтобы вы говорили достаточно громко, чтобы все знали, кто это.»

Она колебалась, гадая, что у него на уме. «Но вы обещаете, что не будете использовать никого из тех, кого я назову в качестве приманки?. как вы сделали в прошлый раз?»

«Доверьтесь мне.»

Глава 11

Хотя Селин знала, что Яромир будет действовать быстро, она не могла сдержать чувство спешки, когда он почти сразу начал собирать мужчин в одной из больших палаток.

Она хотела, чтобы кто-нибудь посидел с Киганом, поэтому она поспешила обратно в палатку, которую делила с Эмили. К счастью, сестра была внутри, но, к несчастью, она сидела на кровати с мрачным лицом. Селин решила не обсуждать, что бы ни произошло с Яромиром. У них не было времени, и Эмили было бы полезнее сосредоточиться на более крупных задачах.

«Яромир принял командование, и он дал разрешение мне читать солдат», — сказала она — «Я начну прямо сейчас».

Эмили встала. «Ой ... здорово. А что насчет меня?»

«Ты скоро нам понадобишься, но он хочет, чтобы я начала с чтения будущего. Мне неприятно говорить об этом, но Киган прямо сейчас находится в одиночестве, и мне нужен кто-то чтобы посидел рядом с ним. Он едва ли может выпить стакан воды. Можешь посидеть с ним, пока меня не будет рядом?»

Гримасничая, Эмили кивнула. «Хорошо.»

Известие о том, что Селин освободилась, чтобы использовать свои способности, похоже, оказало несколько исцеляющий эффект на Эмили, и она указала на край кровати.

«Если у тебя есть время чтобы переодеться, то эти платья принесли совсем недавно.»

Подойдя ближе, Селин увидела ее шерстяное платье цвета лаванды, разложенное на краю кровати, вместе с темно-зеленым платьем Эмили. Оба наряда выглядели безупречно.

«О, слава богам», выдохнула Селин.

«Спасибо Мерседес. Это она отстирала их.»

«Подойди и помоги мне вылезти из этого нелепого шелкового платья и одеться во что-нибудь разумное».

Сняв плащ, Селин повернулась, чтобы Эмили смогла расстегнуть ее, и вскоре она почувствовала себя больше похожей на себя. Ей нравилось шерстяное платье цвета лаванды. Оно было теплым и идеально сидело на ней, плотно прилегая к талии с прямой и не слишком пышной юбкой.

Оставив плащ, они с Эмили покинули палатку.

«Я вернусь к тебе с новостями, сразу, как только я закончу,» сказала Селин, когда они разделились.

Эмили направилась к палатке Кигана, а Селин отправилась к большой палатке, где Яромир собрал несколько солдат. Началось смеркаться и она поняла, что скоро им понадобятся фонари.

Войдя в палатку, она несколько удивилась, увидев, по меньшей мере, двадцать солдат внутри. Яромир стоял рядом с тылом, и он должен знать, что она не могла прочитать их всех. Возможно, он

просто хотел узнать о том, что должно произойти. Гвардеец Рюрик стоял рядом с ним. Все головы повернулись, все взгляды были прикованы к ней, и палатка погрузилась в тишину.

Ее первым порывом было закрыть нос рукой. В их нынешнем невымытом состоянии, а так как их было много в замкнутом пространстве, они производили сильное зловоние. Они также были напуганы — и друг другом, и тем, что могут стать следующими, кто трансформируется.

Приложив усилия она заставила руки на месте и улыбнулась. Она должна была помочь им расслабиться и довериться ей. Эта задача давалась ей легко. Так было всегда.

«Добрый вечер, джентльмены», — сказала она, все еще улыбаясь. — «Я знаю, что это

должно показаться странной просьбой, но я вас уверяю, что мы с лейтенантом пытаемся помочь решить эту проблему и обеспечить всем безопасность. Это наша единственная цель.»

Напряжение внутри палатки немного ослабло, и она посмотрела налево, чтобы увидеть, что два прочных стула — они были доставлены из палатки Кигана. Она расправила спину и с высоко поднятой головой она подошла и села на стул.

«Лейтенант?» спросила она, решив, что лучше всего выглядеть так, как будто она полагается на его авторитет, которым она и является.

Яромир указал на худого мужчину средних лет, стоящего впереди, и указал на пустой стул. «Гвардеец,» — сказал он.

Это был явно приказ, а не «просьба», как деликатно просила его это сделать Селин, но она заметила, как быстро мужчина двигался, и что люди здесь, похоже, не возражали против того, чтобы Яромир занимался организацией порядка или приказывал им.

«Есть, сэр», — сказал мужчина.

У нее появилась мысль, что они были рады, что он взял на себя командование. Им необходим был кто-то, как он, во главе.

Однако, когда мужчина сел перед Селиной, он внезапно снова насторожился, вытирая грязные руки о штаны. «Извините, моя леди. Я не знал, что...».

«Все в порядке», — заверила она его. — «Мне просто нужно прикоснуться к твоей руке».

Протянув руку, она схватила два его пальца и закрыла глаза. Затем она посчитала свои благословения, за то, что ей не нужно было скрывать то, что она действительно здесь делает, или притворяться, что она обеспечивает развлечение — как она иногда делала в прошлом, для Яромира.

«Каковы ваши обязанности сегодня вечером?» спросила она с закрытыми глазами.

«Сегодня ночью? Я буду караулить с южной стороны периметра до середины ночи, а потом меня сменят.»

Селин использовала свой разум, чтобы почувствовать искру его духа, сосредоточиться на нем в его обязанностях среди ночного дозора и двигаться вперед оттуда. Она сразу же соединилась с его духом, но ее не поразил разряд.

«Что насчет завтра?» она спросила. «Какими будут ваши ежедневные обязанности?»

«Я не знаю, госпожа. Лейтенант сказал, что собирается пройтись по списку и переназначить некоторых из нас. Обычно я помогаю заботиться о лошадях.»

Селин позволила себе сосредоточиться, пытаясь увидеть будущее этого солдата завтра и то, что должно случиться позднее, но ей так же ничего не пришло.

Открыв глаза, она отпустила его пальцы и похлопала его по руке. «Я не вижу ничего опасного в твоём ближайшем будущем.»

Он выдохнул, словно задержал дыхание. «Это все, что вам от меня нужно?»

Она кивнула, и он встал. Она собиралась сама выбрать следующего солдата, когда капрал Куинн прошел сквозь открытый тент палатки, выглядя полуруким.

«Что это ...? Я остановился, чтобы проверить капитана, и леди Эмили сказала мне...»

«Капрал!» рявкнул Яромир. «Могу ли я поговорить с вами на улице?»

Куинн молчал, но он не выглядел счастливым. Селин предположила, что, хотя он хорошо знал, что Яромир принял командование, Куинн, вероятно, не осознавал, что это повлечет за собой Яромир, открыто противостоящий предыдущим приказам Кигана.

Когда Яромир прошел мимо нее, он тихо спросил: «Ты справишься?»

«Да.»

Оба мужчины вышли из палатки, и некоторые из солдат начали перешептываться между собой. Селин заметила молодого человека с круглым лицом всего в нескольких шагах от нее. У этого в глазах было меньше страха, и он наблюдал за ней с большим любопытством, чем все остальное.

Улыбнувшись ему, она указала на пустой стул.

Не долго думая, он сел.

Протянув руку, она схватила его за пальцы и закрыла глаза. «Каковы ваши обязанности сегодня вечером?»

«Я больше не беру часы до середины ночной смены. Завтра у меня выходной, если лейтенант не примет иного решения.»

И снова она почувствовала искру духа молодого человека и сразу же нашла его. Позволяя своему разуму двигаться вперед, она сосредоточилась на его ночных обязанностях и ничего не чувствовала. Затем ... когда она двинулась дальше вперед, ее поразила разряд, и она приготовилась.

Мягкие звуки окружавшие ее в палатке исчезли, и она рванулась в туманы, бросаясь вперед, боясь того, что она может увидеть. Хотя она знала, что ей легче учиться или страдать.

Туман рассеялся, и она оказалась среди бела дня. Оглядевшись, она поняла, что находится в лагере шахтеров среди хижин и лачуг.

«Лианна, мы должны сказать ему. Мы не можем так продолжать. Это не правильно.»

Обернувшись, Селин увидела молодого человека с круглым лицом. Он держался за руки с девушкой... и умолял ее. «Позвольте мне поговорить с ним, пожалуйста.»

«Но, Жадон,» — ответила она, — «а что если он скажет «нет»?»

Подойдя ближе, Селин посмотрела на девушку. Ее домотканое платье было потертым, а ее черты были довольно просты: глаза были слишком близко посажены, а рот полон кривых зубов. Но у нее были прекрасные волосы, насыщенного каштанового оттенка, которые она носила в аккуратной, густой косе на спине.

Что еще более важно, она смотрела на молодого солдата, которого она называла Жадон, с открытой любовью, и Селин прекрасно понимала, что в этом лагере не хватает любви.

«Он не откажется», сказал Жадон. «Я все ему объясню.»

«Он тебе не поверит. Он не доверяет солдатам.»

«Поверит! Если он захочет помочь с договоренностями, я выйду за тебя замуж завтра перед двадцатью свидетелями, и я поклянусь взять тебя с собой, когда мы уедем, что я всегда буду заботиться о тебе. Если он любит тебя, он захочет для тебя чего-то лучшего, чем это место.»

«О, Жадон», выдохнула она, приближаясь к нему.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее в губы.

Поцелуй длился всего мгновение или два, прежде чем раздался сердитый крик. «Ты! Что ты делаешь? Убери от нее руки!»

Посмотрев через лагерь, Селин увидела разъяренного мужчину, несущего кирку, идущую к ним. Рука Жадона переместилась на рукоять меча, но девушка ахнула.

«Нет. Ты не можешь драться с моим отцом. Ее голос наполнился болью. «И он никогда не будет слушать то, что вы говорите сейчас. Беги!»

Туман сгустился, и Селин снова оказалась в большой палатке, глядя на молодого

солдата, который смотрел в ответ. Все мужчины были насторожены и напряжены.

«Никакой опасности», быстро сказала Селин, каким-то образом улыбнувшись.

Но когда солдаты снова зашептались между собой, она наклонилась вперед. «Тебя зовут Жадон? А ты влюблен в девушку с каштановыми волосами по имени Лианна, дочь шахтера?»

Жадон моргнул несколько раз. «Как ты ...?»

«В следующий раз, когда ты встретишься с ней около ее дома, вы будете говорить о том, как рассказать ее отцу о ваших планах жениться. Что бы ты ни делал, не целуй Лианну. Даже не держи ее за руку. Он скоро придет, и, если он увидит, что вы дотрагиваетесь до нее, он не будет тебя слушать. Отойдите от нее на шаг или два, и он будет более сговорчивым. Понял?»

На секунду или две он смутился, а затем растерянно кивнул.

Посмотрев на открытый дверной проем, Селин увидела, как Яромир и Куинн наблюдают за ней. Яромир не захотел бы, чтобы она тратила время на помощь двум влюбленным, поэтому она однажды покачала головой и повернулась к Жадону, вставшего с кресла.

Молодой гвардеец Грэм был среди собранных солдат, и ее взгляд упал на него. Он стоял на полпути позади гвардейца Сондерса. Бедный мальчик. Его глаза — один карий, а другой синий — все еще были грустными. Такой хрупкий молодой человек не принадлежал к армии, и она поняла, что он, должно быть, сильно зависел от Рамси. Мысль о том, что случилось с Рамси в том сарае, взволновала ее, и она решила как можно быстрее рассказать об этом Грэму, поэтому она указала на него рукой.

Большинство мужчин теперь выглядели более расслабленными, когда увидели, как происходит этот процесс, и увидели, как двоих мужчин прочитали и сразу же извинились.

Грэм вышел из-за Сондерса и осторожно подошел, опускаясь на стул. «Мне нужно просто здесь сидеть?»

«По большей части, да», ответила она, протягивая руку. «Мне нужно прикоснуться к твоей руке».

Его пальцы были меньше и тоньше, чем у двух предыдущих солдат, а кожа была теплее. Она закрыла глаза. «Какие у тебя обязанности сегодня ночью?»

Прежде чем он даже ответил, первый разряд ударил ее, и она случайно прикусила губу. Пронесся второй разряд и она попала в туман, уносясь вперед.

Путешествие было коротким.

Когда туман рассеялся, она стояла на улице почти в полной темноте, слушая как кто-то задыхался. Единственный свисающий фонарь на дальней стороне палатки был единственным источником света, но она посмотрела вниз и примерно в двадцати шагах от нее, чтобы увидеть гвардейца Грэма, стоящего на коленях в грязи.

Нет, подумала она, не он.

Тяжело дыша, он изо всех сил пытался вдохнуть, и ей хотелось что-то сделать, чтобы помочь. Грэм закричал, когда его одежда начала трещать по швам. Даже в темноте Селин могла видеть, как на его руках прорастает мех, лицо начинает удлиняться, а грудь разбухает до невероятных размеров.

Через несколько секунд она уже смотрела на огромного волка с красными глазами. Слюна стекала с его клыков.

Со всех сторон начали эхом раздаваться крики других солдат.

Волк присел и зарычал... Это заряжено.

Сцена исчезла.

«Селин!»

Кто-то выкрикнул ее имя, и она открыла глаза, чтобы встать на ноги, ее поддержал Яромир, который держал ее за плечи. Она вернулась в палатку.

«Выходи оттуда», — приказал он. «Что ты увидела?»

Посмотрев вниз, она увидела Грэма в жестком кресле, поскольку он тоже ждал, что она скажет. Ее первым порывом было солгать и сказать, что она просто увидела что-то пугающее в своем собственном будущем, а затем найти способ тихо рассказать Яромиру. Она не хотела выдавать молодого человека перед другими солдатами. Но Яромир дал ей обещание. Он сказал ей доверять ему.

Он выжидательно смотрел на нее.

Против всего, что было в ее природе, она ясно сказала: «Это он. Грэм оборотится следующим.»

* *

Как и ожидал Яромир, когда слова слетели с губ Селин, в палатке вспыхнуло столпотворение — несколько человек достали оружие, а Грэм смотрел на дверной проем, как будто он собрался сбежать.

Яромир отпустил Селин и схватил Грэма за руку.

«Встань!» он кричал на мужчин и затем крикнул: «Куинн! Рюрик!»

Рюрик уже продвигался вперед, придя ему на помощь, и Куинн появился рядом с ним. Капралу было не по себе от отмены Яромиром командования Кигана, но, к счастью, он все еще выполнял приказы.

«Возьми мальчишку под другую руку», — сказал ему Яромир. — «Рюрик, уведи Селину отсюда.»

Не оглядываясь назад и не теряя ни секунды, Яромир направился к выходу.

«В сарай», — сказал он Куинну.

Он шел с одной стороны от Грэма, Куинн с другой, таким образом они наполовину сопровождали, наполовину тащили мальчика через лагерь и в сарай. Оказавшись внутри, Яромир закрыл двери сарая.

Грэм тяжело дышал, что звучало как паника. «Она права? Это случится со мной?»

По правде говоря, Яромир этого не знал. Селин видела будущее, но теперь, когда она выставила мальчика в качестве следующей жертвы, все могло измениться. Они доказали это еще в Сеоне. Будущее может быть изменено одним действием. Однако, кроме него самого, никто, кроме Селин и Эмили, не знал, что будущее может быть изменено, и теперь, когда у него была возможная жертва в его руках, ему нужно было посмотреть, чем это закончится.

«Успокойся», приказал он Грэму. Он показал через киоски к задней части сарая. «Мы собираемся привязать тебя к столбу, чтобы ты никому не навредил, но я обещаю, что мы защитим тебя, пока ты... меняешься.»

Грэм сглотнул и, казалось, пытался совладать с собой. «А что, если я изменюсь?»

«Мы преодолеем это вместе, если это случится». Яромир знал, что ответ прозвучал слабо, но ничего другого сказать он не мог.

* *

Вскоре Селин снова сидела у постели Кигана. Наступила темнота, и несколько небольших огоньков от свечей светились на маленьких столешницах. Она слишком хорошо знала, что, что бы Яромир не имел в виду в отношении бедного Грэма, он не собирался обсуждать это с ней, и ей придется подождать, чтобы все узнать. Поэтому она позволила

Рюрику сопроводить ее в палатку Кигана, куда она рассказала Эмили то немногое что ей удалось узнать, и отправила Эмили пойти поесть чего-нибудь и попытаться немного отдохнуть. После того, как ее сестра согласилась и ушла, Селин попросила Рюрика найти Яромира и посмотреть, сможет ли она узнать, что происходит.

Его быстрое согласие предполагало, что он знал не больше, чем она сама.

А теперь... она сидела, ухаживая за Киганом, который находился в полудреме иногда проваливаясь в забвение. Она верила, что он выживет, но отравление грибами было опасным, с различными последствиями. Восстановление Кигана может быть долгим.

Пока она обтирала его лицо, позади нее раздавались шаги. Обернувшись, она надеялась увидеть Яромира, но не удивилась, когда появился Рюрик. Он остановился возле висящего гобелена.

«Грэм в порядке?» она спросила. «Где он?»

Рюрик поколебался, прежде чем ответить. «Лейтенант привязал его к столбу в сарае, и он убедился, что слухи распространяются через оба лагеря».

«Что?»

Селин была в ужасе. Она понятия не имела, что собирался сделать Яромир, но ей и в голову не могло прийти, что он свяжет молодого солдата в сарае.

Рюрик поднял руку и посмотрел вниз, чтобы убедиться, что Киган спит. «Не волнуйся. Лейтенант там, в сарае, прячется. Но никто другой не знает об этом, кроме капрала Куинна.»

«И... — в замешательстве спросила Селин. — Яромир тайно охраняет Грэма?»

«Более чем. Я думаю, что он хочет посмотреть, если кто-нибудь пытается посетить, чтобы сделать что-нибудь.»

А потом Селин начала понимать, чем занимается Яромир. Грэм был указан как следующий, кто оборотится. Если бы кто-то специально делал это с мужчинами, как бы он или она отреагировали на то, что следующая жертва была связана в сарае?

Будет ли преступник пытаться проскользнуть внутрь и освободить Грэма, чтобы нанести как можно больше урона? Или... если этот процесс можно повернуть вспять, попытается ли он или она остановить его, чтобы больше не указывать пальцем на Селин?

Но Яромир пообещал, что не будет использовать того, кого она назвала наживкой.

Подожди... он обещал?

Внезапно она захотела остаться одна.

«Что лейтенант хочет, чтобы вы сделали сейчас?» спросила она Рюрика.

«Он сказал мне присматривать за тобой и Эмили».

«Я здесь в порядке. Думаю, что Эмили в нашей палатке. Ты пойдешь и проверишь ее?»

Рюрик кивнул и удалился.

Снаружи царила крошечная тьма, и Селин боролась с растущим чувством вины за то, что выдала бедного Грэма. Она должна была знать, что Яромир выкинет что-то подобное. Когда он сказал: «Поверь мне», она подумала, что он никого не подвергнет такому риску, а тем более не сделает что-нибудь унижительное, например, привяжет человека к столбу. Он практически солгал ей глядя в глаза.

Хотел ли он закончить это так сильно, что хотел поставить ее доверие к нему под сомнение?

Часть ее почти не могла его винить. Она тоже хотела пойти домой, в свой магазин... к Антону... это все было так знакомо. Она хотела убежать из этого места.

Дыхание Кигана углубилось, и теперь он, казалось, спал более спокойно. Это был

хороший знак. Селин откинулась на спинку стула и на несколько мгновений закрыла глаза.

И в своем частично расслабленном состоянии она почувствовала знакомое ощущение, подобное тому, которое она испытала здесь в первую ночь после того, как залезла в кровать. Снаружи было что-то, что ее звало.

Встав, она наклонилась и поцеловала Кигана в лоб.

Он ненадолго побудет здесь один.

Не в силах себя остановить, она вышла из палатки.

* *

Вместо того, чтобы использовать негабаритную, самодельную подвеску, которая не подходила бы, Яромир связал Грэма двумя веревками, одна из которых была очень слабо обвита вокруг его шеи, а другая — вокруг его лодыжки, обе заканчивались крепкими узлами, и концы обоих были прикреплены к столбу. Поначалу крепко связывать руки и лодыжки молодого человека казалось приемлемым вариантом, но физические изменения, которым подверглись эти мужчины, оказались достаточно сильными, чтобы разорвать звенья в кольчужных доспехах, поэтому Яромир выбрал что-то, из-за чего у волка могут возникнуть проблемы с высвобождением. По крайней мере, они должны задержать зверя на достаточное время для того чтобы Яромир успел сделать... принять любые необходимые меры.

Убедившись, что у Грэма есть еда и вода в пределах досягаемости, Яромир сложил пучки сена и сделал себе укрытие с выгодной позицией, откуда он мог видеть стражника.

Прежде чем скрыться, он сказал Грэму: «Не волнуйся. Я не сведу с тебя глаз и не позволю никому причинить тебе боль. Куинн приказал всем мужчинам держаться подальше от сарая под страхом тюремного заключения.»

Грэм несчастно кивнул. Он явно больше боялся того, что с ним случится, если он начнет меняться.

В настоящее время Яромир ничего не мог сделать, чтобы ослабить этот страх. Поэтому он присел позади сена и убедился, что видит Грэма через щель между пучками. Грэм проигнорировал еду и воду, и через несколько секунд он лег на пол. Единственный фонарь на полу — вне его досягаемости — был единственным источником света, кроме тонкого лунного луча, проникающего через одно из высоких окон.

Яромиру ничего не оставалось, как ждать и наблюдать.

К сожалению, это дало ему слишком много времени для размышлений, а размышление было последним, чем он хотел заниматься.

Он беспокоился о том, что Селин подумает о нем, когда узнает, что он сделал, с помощью предоставленной ею информации. Будет ли она когда-нибудь доверять ему снова?

Он очень уважал ее и часто удивлялся ее навыкам целителя, но у нее не было возможности принимать трудные или необходимые решения, и этот недостаток делал ее менее полезной для него.

Хуже того, он не мог выбросить Эмили из головы. То, что он сделал в лесу сегодня днем, было непростительно. Она была молода и неопытна, и она так легко могла влюбиться в него. Он думал, что сможет удовлетворить себя, дразня ее, заигрывая с ней и оставляя любые другие чувства на задней полке. Но все в ней притягивало его, и в момент слабости он сдался... когда он понял, что никогда не сможет дать ей то, что ей нужно: взаимную любовь.

Она заслуживала взаимную любовь.

Он уже был женат на безопасности Замка Сеоне и на защите Антона, и он никогда не мог позволить себе связываться с женщиной, если он не был под полным контролем. Все, что меньше, может сделать его уязвимым, и тем самым сделать замок Сеоне и Антона уязвимым.

Он никогда не должен был позволять себе начинать что-то с Эмили, что не могло быть закончено. Она так легко могла быть ранена, и последнее, что он хотел сделать, это причинить ей боль. Она много для него значила — гораздо больше, чем он хотел признать. Если бы он был простым солдатом в отряде какого-то принца, а она была простой девочкой, помогавшей вести аптечную лавку, он бы женился на ней в одно мгновение и провел остаток своей жизни, пытаясь сделать ее счастливой.

Но он не был простым солдатом.

И она не была простой девушкой. Она была провидцем князя Антона.

И Яромиру нужно чертовски быстро разобраться в себе.

Если... если бы он только мог перестать думать о жестокой манере, с которой она схватила рукав его рубашки и поцеловала его в ответ. В своей жизни он перецеловал больше женщин, чем мог вспомнить, и никогда не чувствовал ничего подобного.

Стараясь сосредоточиться на выполнении поставленной задачи, он прищурился и взглянул через пучки сена, чтобы проверить дыхание Грэма подъемом и падением его груди. Молодой человек, казалось, уснул. Вероятно, это была милость. Тем не менее, Яромир отчаянно надеялся, что эта ночь принесет хоть что-то, некоторую информацию, которую он, Селин или Эмили смогут изучить.

Мягкий царапающий звук привлек его внимание, и он посмотрел вверх и налево. Там... высоко в окне темная тень ползла по подоконнику. Яромир оставался на своей позиции, просто наблюдая/, неуверенный, в том что он видел.

С изящной грацией тень спрыгнула с подоконника, легко приземлившись на пол. Яромир молчал, поскольку освещение от фонаря выставляло новоприбывшего.

Это был черный волк.

Он не был похож на тех существ, в которых превращались солдаты. Постное и длинноногое, это животное казалось обычным волком с блестящими янтарными глазами. Постепенно он приблизился к Грэму, и Яромир поднял дубину, которую он взял с собой на случай несмертельной драки с кем-либо из солдат лагеря. Хотя его меч был в ножнах на бедре, он оставил его там, приседая и готовясь броситься.

Но он не торопился.

Волк не рычал и даже не был готов к охоте. Он просто подошел к Грэму, опустил голову и глубоко вдохнул. При звуке глаза Грэма открылись, и он сел, прислонившись к стене в замешательстве.

Яромир ожидал, что он закричит, но он этого не сделал. Вместо этого страх исчез с его лица, и волк подошел ближе, снова обнюхав его, с ног до гооловы.

Грэм сел и позволил этому случиться.

Яромир, зачарованный странностями, происходящими перед ним, поначалу тоже не двигался, хотя в его голове роились разные мысли. Что здесь происходит? Это таким образом солдаты были обращены? Был ли этот черный волк, что приходил к ним всем и... и что дальше?

Эта последняя мысль побудила его к действию. Он так сильно хотел разгадать эту тайну, что мог ее попробовать, но не за счет жизни Грэма. Если это существо собиралось

что-то с ним сделать, его нужно остановить.

Без единого звука Яромир схватил дубину и бросился вперед в надежде, что сможет добраться до волка и ударить его по голове, прежде чем он увидит его приближение.

К несчастью, он обернулся и увидев его помчался прочь, выпрыгнув из зоны досягаемости. Затем он прыгнул на крышу ларька и совершил, казалось бы, невозможный прыжок с крыши ларька к окну.

Все произошло в мгновение ока.

Яромир побежал к стойлу, думая, что он может вскочить и самому прыгнуть к окну, а затем понял, что это за глупость, поэтому он бросился к входным дверям, замедляясь лишь достаточно долго, чтобы позвать Грэма.

«Я скоро вернусь!»

* *

Селин прошла мимо нескольких палаток; затем она остановилась рядом с одной с видом на сарай.

Почему она пришла сюда?

Она не знала, и она постояла несколько минут, наблюдая за стеной сарая. Затем... темная фигура появилась в высоком окне, и она прыгнула на землю, приземлившись на четвереньки. Он помчался к деревьям, как будто он бежал от чего-то.

Селин побежала туда, где исчезла фигура, быстро пробираясь сквозь деревья.

* *

Пробежав через сарай, Яромир проклял того, кто построил его без задней двери. Выбежав через передние двери, он побежал к той стороне сарая, куда спрыгнул волк.

Существо исчезло. Земля под окном была пуста.

Он снова разразился проклятьями, борясь с желанием броситься в лес и начать охоту. Но он не мог просто так уйти. Грэм был привязан к столбу внутри, и Яромир поклялся присматривать за ним по нескольким причинам.

Обернувшись, он остался снаружи, но на мгновение закрыл двери в сарай, как будто их никогда не открывали, и он крикнул: «Гвардеец?» зная, что кто-то услышит его.

«Сэр?»

Мгновение спустя со стороны палатки появился охранник с копьем.

«Вы заступаете в ночной дозор?» Яромир спросил.

«Да сэр.»

«Я делаю обходы, но я не видел капрала Куинна. Если вы знаете, где он, отправьте ему сообщение, что я заметил волка в лагере. Гвардеец напрягся, и Яромир поспешил: «Нет, ни один из этих зверей, просто волк с черной шерстью. Он убежал, когда увидел меня, но мы хотим, чтобы люди знали об этом. Волки обычно не приходят в такой большой лагерь, если они не голодны.»

Гвардеец расслабился и кивнул. «О да, сэр. Я передам ваши слова.»

Гвардеец отправился обратно, откуда он пришел. Как только он исчез из поля зрения, Яромир проскользнул обратно в сарай. У него было чувство, что черный волк пришел не только за едой, но... это был просто волк, и на данный момент отправка оповещения была лучшим, что он мог сделать.

* *

Не позволяя себе думать, Селин продолжала идти в темный лес. Она не успела отойти далеко, как две сильные руки схватили ее, обхватили ее тело и прижали ее к дереву.

«Что ты делаешь здесь одна?» прошипел он, прижимая ее на место.

Это был Маркус. Но она уже знала это или никогда бы не вышла сюда. Однако на протяжении всего этого путешествия она устала от того, что мужчины прижимали ее к деревьям. Это должно когда-нибудь закончиться.

«Что ты делал в сарае?» она возразила

Она не боялась его. Она полностью верила, что он способен уничтожить этих пеленских солдат. Но она не была в опасности. Что-то в нем было знакомо, связь, которую она не могла объяснить, как если бы она знала его тысячу лет. Он умрет прежде, чем причинит ей боль. Он убил бы, прежде чем позволил кому-нибудь еще причинить ей боль.

В этом она была уверена.

«Что ты такое?» — тихо спросила она.

«Другая сторона тебя. Ты бы знала это, если бы жила среди своих людей.»

«Я не буду стоять здесь и слушать твои слова. Яромир выгнал тебя из этого сарая? Что ты собирался сделать с Грэмом?»

«Делаю?» Хотя он убрал руки с ее рук, его лицо близко к ее. «Ты же не думаешь, что я имею какое-то отношение к ужасам, происходящим здесь?»

«Я не знаю. Почему ты пошел в сарай в своем... другом облики?»

«Чтобы понять, что я могу узнать. Я слышал, что ты назвала его следующим человеком, который должен оборотиться, и я хотел почувствовать его запах, почувствовать его, посмотреть, смогу ли я понять, почему это происходит».

«Получилось? Смог что-нибудь выяснить?»

«Нет. Я только видел, нюхал, чувствовал грязного, испуганного солдата Пэлена. Но можешь быть уверена, что что бы ни происходило, это не имеет ко мне никакого отношения. Одна из этих шгук убила моего брата.»

Глядя в его темные глаза, Селин очень хотелось ему верить, но она не была уверена. В своей жизни она встречала очень хороших обманщиков — когда-то она сама была такой. Смерть его брата могла быть печальным несчастным случаем.

Его рот изогнулся в легкой улыбке. «Ты все еще не мне не веришь?»

«Я не знаю тебя, и я не знаю, во что верить».

«Ты знаешь меня.» Медленно, он наклонился вперед, давая ей все шансы переместиться в ту или иную сторону или отодвинуться.

Но она не шелохнулась.

Он прижался лбом к ее лбу, и снова действие стало таким знакомым, удобным. «Когда ты видела будущее Грэма, ты видела, как он меняется?» спросил он шепотом.

«Да. Это было ужасно.»

Он сделал шаг назад от нее, и в лунном свете сквозь деревья она могла лучше разглядеть его. Он был босиком, одетый только в бриджи и рубашку, а рубашка была не заправлена и не растрепана, как будто он бросил ее в спешке.

«Тогда взгляни на меня и скажи, не думаешь ли ты, что я имею какое-то отношение к этим солдатам-волкам», — сказал он.

Стянув рубашку, он обнажил грудь и длинные напряженные мышцы плеч и рук. Селин стояла и смотрела, прислонившись спиной к дереву.

На следующем вдохе он встал на четвереньки, и волосы на его голове начали отступать, когда черный мех прорастал с его кожи. Его лицо удлинилось, а руки превратились в передние лапы.

Через несколько секунд Селин устала на высокого черного волка. Он был прекрасен. Не было заметно никакой боли, даже значительных усилий. Изменение было быстрым и естественным.

Волк двинулся вперед, и его задние ноги вышли из штанов Маркуса. Селин присела и протянула руку. Он подошел к ней, облизывая ее руку и затем уткнул свой нос в ее щеку. Когда она немного отодвинулась, она посмотрела ему в глаза. Теперь они были янтарными, а не черными, но она могла видеть его там.

Волком был Маркус.

Несколько мгновений спустя мех отступил, волосы на голове выросли, его морда отступила, и она снова посмотрела в черные глаза мужчины. Он был голым, но потянулся назад за штанами. Он не казался смущенным на расстоянии.

«Я не имею ничего общего с тем, что происходит с этими солдатами», — прошептал он. «Мне все равно, сколько из них умрет, но я не несу за это ответственности. Мои способности естественны, как и у вас, и я не знаю, как передать их кому-то другому, даже если бы захотел. Теперь ты мне веришь?»

К сожалению, она поверила, что означало, что с Киганом в списке, у нее вообще не было подозреваемых. Тем не менее, Яромир может по-другому отнестись к этой ситуации.

Как будто читая ее мысли, Маркус спросил: «Ты сдашь меня своему лейтенанту?»

«Нет. Я этого не сделаю. Не думаю, что это чем-то может помочь.»

Все еще держа штаны перед собой, он потянулся за рубашкой. «Ты должна вернуться в лагерь и остаться там».

Она знала, что он был прав, но было неправильно просто так уйти, она хотела что-то сказать, но она просто понятия не имела, что именно должна сказать. «Маркус, будь осторожен. Не позволяй никому из солдат увидеть тебя... в твоей другой форме. Не дай им повода убить тебя.»

Она развернулась и пошла прочь, скрывшись в лагере. Однажды она уже была среди солдатских палаток, она шла прямо к палатке Кигана и остановилась прямо напротив нее. Он очень чутко спал.

Но она даже не вздрогнула, когда позади нее раздались шаги, и капрал Квинн обошел гобелен. Хотя он выглядел уставшим и обеспокоенным, он, по-видимому, все еще оставался нормальным человеком.

«Простите, что вы так долго отсутствовали», — сказал он. «Я был в ночном дозоре, но я думаю, что мы в максимально возможной безопасности, а лейтенант прячется в сарае, охраняя Грэма». Жаль, что он решил служить при Кигане. Он мог бы хорошо продвинуться по службе. «Твой мужчина, Рюрик, ждет снаружи, чтобы отвезти тебя в твою палатку, чтобы немного отдохнуть».

«О... ты уверен, Капрал? Я не против остаться вместе с капитаном.»

«Нет, иди. Я останусь с ним.»

Селин была не уверена что сможет уснуть, но она была уверена что сможет доползти до одеяла и сомкнуть глаза и отключиться от мира хоть ненадолго.

Она остановилась и сказала — «Спасибо.»

Она уже собралась уйти, но услышала как он сказал «Миледи?»

«Да?»

«Вы... У Вас и вправду было видение о том что следующим оборотившимся будет солдат Грэм? Я не хочу вас оскорблять, но это не просто уловка, которую лейтенант

планировал попытаться выманить, кто бы ни был ответственен?

Селин мягко намекнула «Видение было не очень четким, но да, я видела что Грэм менялся.»

«Так значит, ты можешь видеть будущее, а твоя сестра — прошлое?»

Это становилось утомительным. «Конечно, мы можем. Принц Антон никогда бы не рискнул разочаровать своего отца, отправив сюда двух шарлатанов, не так ли?»

«Нет... Я полагаю, что нет. Прости меня.»

«Спокойной ночи, Капрал.»

Она вышла из палатки и так обрадовалась, увидев несложного добродушного Рюрика, ожидающего ее снаружи, что взяла его правую руку обеими руками.

«Как Эмили?» спросила она, пока они шли.

«Спит, — ответил он, — но она пошла спать полностью одетая и сказала мне предложить вам то же самое, на всякий случай... в случае..».

Селин кивнула, все еще сжимая его руку. «Да, на всякий случай».

Глава 12

Эмили крепко спала, когда на краю ее сознания послышался какой-то звук. Она перекатилась на бок, и звук повторился. На этот раз она открыла глаза. Перед тем как лечь спать, она оставила их маленький фонарь гореть, и он все еще давал немного света. Первое, что она увидела, была Селин, спящая рядом с ней, одетая в свою лавандовую шерстяную одежду. Эмили осталась в своем собственном светло-голубом платье на случай, если что-то случится ночью.

Неужели Селин издала какой-то звук, который разбудил ее?

Звук раздался снова, и Эмили замерла. Она услышала низкое рычание.

Очень медленно перекатившись к краю кровати, она заглянула в открытое пространство палатки. На нее уставились два красных глаза.

— Селин, — прошептала она, протягивая руку, чтобы коснуться сестры. — Просыпайся!

Селин пробормотала: — Что? Эмили, что ты сказала?

— Проснись, и не двигайся.

На этот раз зверь, сидевший на полу, зарычал, и Селин села.

— Нет! — Закричала Эмили, но было уже слишком поздно.

Это движение заставило огромного волка броситься вперед, и Эмили инстинктивно схватила Селин и скатилась с другой стороны кровати на покрытую мехом землю.

— Рюрик! — Эмили закричала так громко, как только могла, надеясь, что у него в палатке есть копьё. — Рюрик!

Обе сестры отпрянули назад, когда волк-зверь приземлился на их кровать, пуская слюни, рыча и нюхая воздух. Его красные глаза остановились на них, и он прыгнул снова. Выругавшись, Эмили оттолкнула Селин в сторону, а затем огляделась в поисках чего-нибудь, что она могла бы использовать в качестве оружия.

Но она не видела ничего, кроме зверя в воздухе, летящего прямо на нее.

Внезапно он взвизгнул и был отброшен в сторону, и Эмили вскочила на ноги. Меньший волк — черный — сбил с ног массивного зверя и принялся рубить его зубами и когтями.

Волк-зверь взревел от боли, когда меньший схватил его за горло и удержал. Придя в себя, Эмили бросилась за своим сапогом, за кинжалом — единственным оружием, которое у нее было в этой палатке. Схватившись за ножны, она выдернула клинок из сапога и повернулась к паре рычащих Волков, катающихся по земле.

— Не трогай черную, — крикнула Селин. — Это Маркус.

Но как только слова слетели с ее губ, черный волк взвизгнул, когда более крупный полоснул его по груди, а массивный рванулся к задней стенке палатки, прорвавшись под брезентовую стену, вырвав при этом колышек палатки и оставив большую часть ткани хлопать на ночном ветру.

Раздался стон, и Эмили обернулась, чтобы увидеть Маркуса, лежащего на земле, обнаженного и истекающего кровью из ран на груди.

— Эмили! — раздался голос.

Рюрик пробежал мимо полога шатра в шатер, размахивая мечом. Он дико огляделся в поисках чего-нибудь, с чем можно было бы бороться, и его глаза опустились на Маркуса, лежащего на полу. Селин опустилась рядом с Марком и прикрыла нижнюю часть его тела своим красным плащом.

— Что... что произошло? — спросил Рюрик

— Оно было в палатке, — Эмили — Один из волков, но Маркус его победил и оно было вынуждено убежать. — Она указала на разорванную палаточную стену, которая колыхалась в ночном воздухе.

— Маркус? — Повторил Рюрик в замешательстве, глядя на обнаженную фигуру Марка и полное отсутствие оружия.

Но затем что-то еще пришло в голову Эмили, что-то более тревожное. — Рюрик... оставайся здесь с ними. Если это существо было Грэмом, то оно должно было напасть на Яромира, чтобы выбраться из сарая!

Она повернулась, чтобы бежать, нырнув в новую «дверь» в задней части палатки.

— Эмили, ты не можешь идти туда одна, — крикнул Рюрик.

— Просто оставайся здесь с Селин!

Оказавшись снаружи, она уже могла слышать, как некоторые солдаты кричали друг другу, так как теперь в лагере был еще один зверь.

Яромир услышал крики и вышел из своих вязанок сена. Грэм лежал на полу и встал.

— Сэр, что это? — Спросил Грэм.

— Даже не знаю.

Яромир услышал, как открылись двери сарая, за ними послышался тихий топот бегущих ног, и крепко сжал дубинку. К его изумлению, в поле зрения появилась Эмили, босая, но одетая в свое светло-голубое платье и с кинжалом в руке.

Она резко остановилась при виде Грэма, привязанного к столбу. — Это не он, — выдохнула она, словно разговаривая сама с собой.

— Эмили! — Яромир чуть не закричал, ожидая ответа.

— В лагере бродит солдат-волк... большой... — выдавила она, все еще тяжело дыша. — Он напал на меня и Селин в нашей постели. Я думала... я думала, что это был Грэм, и что он мог убить тебя. — он напал на тебя в твоём... — она замолчала, оглядываясь на Грэма.

Если чудовищем был не Грэм, то тот, кто стоял за всем этим, изменил тактику и обратил кого-то другого. Это было единственное объяснение, которое пришло в голову Яромиру.

Крики снаружи становились все громче, и он услышал капрала Куинна. — Нет! Не позволяйте ему выйти за периметр! Кто-нибудь, прекратите!

Последовала смесь неразборчивых криков, кульминацией которых стал крик Куинна: — Как ты мог это пропустить?

— Оно вышло за пределы лагеря, — выдохнула Эмили. — Свободно бродит по деревьям. Что же нам делать?

Яромир посмотрел на Грэхема. — Когда одна из этих тварей забирается на деревья, что они обычно делают?

— Обычно они идут прямо к лагерю шахтеров.

Яромир взглянул на клинок в руке Эмили. — Отпусти его.

Селин пережила несколько неловких моментов, в то время как Рюрик явно задавался вопросом — но был слишком вежлив, чтобы спросить — что Маркус делал голым в их палатке, но она осмотрела раны на груди Маркуса, которые были не такими глубокими, как она сначала боялась. Его кожа была исцарапана когтями, и он испытывал некоторую боль, но раны были только поверхностными.

— Надо их обеззаразить, — сказала она поднимаясь.

— Не сейчас. Позже, — сказал Маркус, поднимаясь на ноги с плащом вокруг талии.

Рюрик стоял на страже в дверях, поэтому Селин наклонилась ближе к Марку и прошептала: — Где твоя одежда?

— Снаружи. — ответил он.

— Ты можешь выскользнуть через ту новую дверь в задней части палатки и забрать ее?

Прежде чем она закончила говорить, он был в движении, и несколько мгновений спустя, Эмили прибежала обратно в переднюю дверь, промчавшись мимо Рюрика.

— Это не Грэм! — крикнула она, оглядываясь вокруг и хватая свои ботинки. — Это кто-то другой. Мы пока не знаем, кто именно, но оно вышло за пределы лагеря.

Селин была поражена

Маркус нырнул обратно в разорванную заднюю часть палатки, надел бриджи и натянул рубашку. Он вернул ей плащ.

— Что случилось? — спросил он.

— С Яромиром все в порядке? — Спросила Селин почти одновременно, снова обретая дар речи.

— Он в порядке, — ответила Эмили, натягивая сапоги, — но он перемещает всех в лагерь шахтеров, чтобы мы могли защитить этих людей, пока начнем формировать охотничьи отряды.

Маркус внимательно слушал, потом бросил взгляд на полог палатки.

— Иди, — сказала Селин. — Скорее. Мы встретимся там. — Она потянулась за своими ботинками.

Рядом с Яромиром шли Грэм и Куинн, когда он шел через палатки, поднимая полномасштабную тревогу и выкрикивая приказы, чтобы все двигались в лагерь шахтеров, чтобы защитить гражданских.

— Нам понадобится несколько человек, чтобы принести носилки и перенести капитана, — сказал Куинн. — Я оставил его одного в палатке. У меня не было выбора.

— Конечно, нет, — ответил Яромир. — Используй кого хочешь.

Все солдаты Палена быстро отреагировали. Некоторые из них уже спали, но вскоре все они побежали к тропинке, ведущей к лагерю шахтеров, и снова, казалось, почувствовали облегчение при мысли о том, что за дело взялся офицер. До сих пор никто не реагировал на присутствие Грэма, как будто они тоже ожидали чего-то неожиданного, и больше их ничто не удивляло. Яромир по-прежнему не имел ни малейшего представления, кто из солдат пропал без вести и за каким бедолагой они скоро будут охотиться.

— Яромир! — Крикнула Селин откуда-то сзади.

Остановившись, он оглянулся и увидел ее, Эмили, и Рюрика, бегущих к нему. У Рюрика был меч. Селин была одета в свой красный плащ, но Эмили, должно быть, не беспокоилась и носила только свое синее платье и сапоги. Он подождал, пока они догонят его, и они все двинулись вперед по тропинке между деревьями, выходя со стороны лагеря шахтеров. Несколько Мондялитко и шахтеров стояли у своих жилищ, спрашивая у солдат информацию.

Яромир мельком подумал, не приказать ли им всем вернуться в свои жилища, но решил, что это займет слишком много времени, если они откажутся. Лучше бы он поставил охрану по периметру, а потом сформировал по крайней мере две охотничьи группы.

— Мы не взяли с собой достаточно копий, — внезапно сказал Куинн, оглядываясь по сторонам и сжимая в правой руке единственное высокое копьё. — Больше половины мужчин спали, и они просто прибежали, когда мы позвали. Мне нужно будет вернуться к оружейному складу и принести еще.

Задумчиво поджав губы, он посмотрел на Эмили.

— Я приду и помогу, — сказала она. — Ты не можешь нести столько в одиночку.

Яромир повернулся к ней и хотел было приказать сесть в один из фургонов, но тут увидел ее лицо. Она смотрела на него со злым, почти обиженным вызовом.

— Я могу помочь, — отрезала она.

Он мысленно вернулся к тому, как она опустила древко копья на голову последнего волка, а затем опустила еще дважды. Она не была ребенком и не заслуживала, чтобы с ней обращались как с ребенком. Он мог дать ей хотя бы это.

— Иди, — сказал он, протягивая ей свою дубинку. — Возьми это для поездки сюда.

Ее глаза сверкнули, но она взяла оружие и без колебаний последовала за Куинном, когда он рысцой направился обратно к тропинке.

Хотя Яромир почувствовал вспышку нежеланного страха в груди, вместе с желанием схватить ее сзади, поднять с земли и приказать сесть в повозку, он прикусил губу и повернулся обратно к лагерю. Эмили не могла чувствовать себя бесполезной, и он это знал.

Кроме того, у него были люди, которых он должен был защищать, солдаты, которых нужно было организовать... и неестественный волк, которого нужно было выследить.

Идя за Куинном, Эмили сделала два шага к нему, но она знала, что он торопится. Она не боялась. Он выглядел таким же сильным и быстрым, как Яромир, и у нее было чувство, что он знает, как пользоваться этим копьём. У нее была дубинка, которая была хороша для ближнего боя. Она была уверена, что вдвоем они справятся со всем, что попадется им на пути.

И хотя она продолжала подавлять это чувство, она была благодарна Яромиру за то, что он позволил ей занять свое место среди солдат, помогая защитить семьи Мондялитко и других шахтеров.

— Где хранится дополнительное оружие? — она тяжело дышала, стараясь не отставать.

Куинн оглянулся через плечо и замедлил шаг. — Простите меня, — затем он указал на палатку с провизией. — В стеллажах вдоль восточной стены. Проще охранять еду и оружие в одном центральном месте.

Это имело смысл.

Они были всего в нескольких палатках от места назначения, когда раздалось рычание, и Куинн резко остановился, повернув голову и сжимая копьё обеими руками.

Два красных глаза сверкнули из кустов на краю леса, и зверь зарычал громче. Ни Куин,

ни Эмили не произнесли ни слова, но она держала дубинку наготове, ожидая неизбежного нападения. Но затем Куинн сменил позу, и Лунный свет отразился от наконечника его копья.

Красные глаза волка поднялись вверх, сосредоточившись на копье, и без предупреждения зверь бросился в лес, исчезая из виду.

— Нет! — крикнул Куинн, подбегая к тому месту, где исчез волк. Он не оглянулся, и Эмили стояла как вкопанная, но он продолжал бежать, пробираясь сквозь кусты, и она поняла, что он идет за волком в одиночку.

Без дальнейших колебаний она бросилась за ним, сама прорвавшись сквозь кусты. Здесь, поскольку ей было легче пробираться сквозь деревья и кустарник — из — за ее меньшего размера-ей было не трудно идти в ногу с Куинном. Один раз ее шерстяная юбка все-таки зацепилась, но она рывком высвободила ее, мечтая о бриджах. Тем не менее, юбка была свободной и по большей части легко двигалась, а это платье доходило только до лодыжек, так что ей не грозила опасность споткнуться.

Немного впереди нее Куинн остановился и опустился на колени. — Кровь идет, — сказал он, поднимая лист.

— О... да, Маркус повредил ему горло раньше. Но я не видел, насколько сильно.

— Маркус? Этот цыганский охотник?

Эмили не ответила. Тон Куинна звучал так же высокомерно, как и у Кигана, когда он произносил имя Маркуса.

Когда Куинн собрался было двинуться вперед, он неуверенно остановился и оглянулся на нее. — Я не хотел, чтобы ты следовал за мной.

— Ты не можешь бороться с этой тварью в одиночку. — Она подняла дубинку. — Доверься мне. Один хороший взмах, и я смогу оглушить его достаточно долго, чтобы ты смог воспользоваться этим копьём.

Хотя он, казалось, был склонен спорить дальше, он также, казалось, стремился идти дальше, пока след не остыл, поэтому он повернулся и двинулся вперед, изучая землю и окружающие кусты. Эмили следовала за ними так тихо, как только могла, но она не слышала рычания или звуков большого существа,двигающегося среди деревьев, и она не могла не думать об их первоначальной миссии — достать больше копий для солдат.

— Куинн... — прошептала она у него за спиной. — А что, если мы его потеряли? Что, если он побежит к лагерю шахтеров и нападет там? Половина людей не вооружена должным образом.

Он был так сосредоточен на изучении Земли, что, казалось, почти не слышал ее. — Мы его не потеряли, — рассеянно сказал он, нюхая листок. — Этот след слишком свежий. Я знаю, что делаю. Я тренировался с охотниками Кимовеска, и они лучшие следопыты в стране.

— Кимовеск? Это граничит с Шетаной. Вы служили под началом принца Дамека?

Она спросила об этом скорее из любопытства, чем из-за чего-либо еще, так как это не было редкостью для солдат, которые иногда перемещались в рядах внутри благородных семей. Но со спины она увидела, как все тело Куинна напряглось от ее вопроса.

«Вы знаете Шетану?» — спросил он.

В этот момент Эмили поняла, что он сделал ошибку, упомянув Кимовеск, и она сделала ошибку, упомянув Шетану. Куинн полагал, что она была придворной дамой Антона в Сеоне, которая не была знакома с провинцией Дамека.

Медленно повернув голову, он снова посмотрел на нее, и даже в темноте она смогла разглядеть глубину его светло-голубых глаз. Она не ответила на его вопрос, но внезапно поняла, что он не собирался давать ей никаких намеков на то, что когда-то служил под началом принца Дамека.

Неужели она здесь одна с человеком, готовым уничтожить солдат, которые служили под его началом?

Ее разум восстал против такой перспективы. Это не мог быть Куинн. Он был здесь единственным, кто хотя бы пытался помочь Яромиру, единственным, кому Яромир доверял.

Но тогда... он был также единственным солдатом Палена, который знал, что Яромир прятался в сарае, наблюдая за Грэмом. Рюрик сказал ей об этом гораздо раньше. И... зверь сегодня ночью каким-то образом появился в палатке Эмили и Селин, когда Яромир был на другом конце лагеря и не смог защитить их.

Неужели заявление Селин относительно Грэма доказало, что они не шарлатаны? Действительно ли Грэм был следующей жертвой? Если Куинн был ответственен за эти ужасы, то не решил ли он тогда избавиться от двух ясновидящих из Сеона?

Но если так, то почему он так решительно настроен на эту охоту? Он явно хотел выследить зверя.

Разве что... он прекрасно знал, что если побежит в лес за волком, она последует за ним. Он достаточно посмотрел на нее за последние несколько дней и ночей, чтобы понять это. Что, если он хотел, чтобы она последовала за ним, чтобы помочь ему выследить зверя, чтобы он мог позволить ему убить ее и избавиться по крайней мере от одной сестры — той, которая могла видеть прошлое — не вызывая никаких подозрений у себя?

Нет, опять же, она не могла принять ни одно из этих притянутых за уши предположений.

Какой мотив мог быть у Куинна, простого капрала, чтобы закрыть шахту?

Если только... по какой-то причине Деймек не захотел его закрыть, а Куинн все еще работал на него.

— У тебя очень выразительное лицо, — прошептал он.

Она начала пятиться назад. Он держал свое копьё прижатым к земле, и он отпустил его, освобождая обе руки, но Эмили все еще сжимала дубинку. Она всегда полагалась на элемент неожиданности, позволяя другим недооценивать себя, пока не станет слишком поздно, и у нее было болезненное чувство в животе, что ее жизнь будет зависеть от этой испытанной и верной тактики.

Поэтому она стояла неподвижно, ожидая, что он сделает первый шаг — попытается отобрать у нее дубинку.

Вместо этого он замахнулся левым кулаком, двигаясь так быстро, что у нее была только секунда, чтобы отступить, и ударил ее по подбородку. Даже тогда сила в его кулаке была ошеломляющей, и она была отброшена в сторону, ударившись о влажную землю и перекатившись.

Через несколько секунд он уже был на ней, вырвав дубинку из ее рук и отбросив ее в сторону.

— Прости, — сказал он, придавливая ее своим весом и хватая за подбородок одной рукой. — Тебе не следовало приходить сюда. Я сделаю это быстро.

Неужели он собирается свернуть ей шею? Смесь страха и ярости охватила Эмили. Как это может быть Куинн? Как никто из них — ни она, ни Селин, ни Яромир — не мог понять

ни единого намека? Отступив к единственной оставшейся у нее защите, она схватила его за запястье обеими руками.

Вместо того чтобы бессмысленно пытаться оторвать его руку от своей челюсти, она спросила:

— Почему?

И в мгновение ока она потянулась к искре его духа, пытаясь вырвать его сознание из этого мгновения, чтобы поймать его в ловушку тумана времени. Его дух был силен, и она ухватилась за него.

Почему?

Первый удар пришелся на нее, и она изо всех сил сосредоточилась на том, что привело его сюда. Второй разряд ударил, и они оба были сметены в серо-белый туман, двигаясь назад. И снова она боролась за то, чтобы продолжать тянуть его за собой, но оставаться в стороне. Она не хотела видеть его глазами. Она останется наблюдателем и позволит своему дару показать ей то, что ей нужно увидеть.

Он сопротивлялся, пытаясь вырваться, но она не отпускала его. Здесь она была сильнее всех.

Почему?

Туман рассеялся.

Глава 13

Кимовеск: год назад

Амели оказалась в огромной комнате без окон с каменными стенами. Вдоль трех стен стояли небольшие жаровни, дававшие много света. Копья и арбалеты выстроились вдоль четвертой стены.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы осознать открывшуюся перед ней сцену. Только три человека занимали открытое пространство, и все они стояли возле длинного деревянного стола. Сначала она заметила Куина... но на нем был черный плащ поверх доспехов. Затем она увидела женщину средних лет с длинными серебристо-светлыми волосами. На ее лице появились признаки увядающей красоты. Она носила кольца на всех пальцах и была одета в платье из пурпурного шелка.

При виде третьего человека Амели напряглась внутри воспоминаний. На вид ему было лет двадцать пять-двадцать шесть, красивый и стройный. Волосы у него были длинные и темные. Его кожа была бледной почти до белизны, и он носил вышитую тунику без рукавов. Он был похож на Антона — только с более темными и длинными волосами. Но его глаза были жестоки, когда он смотрел вниз на стол.

Принц Дамек.

Странно, Амели никогда не видела его лично, но она видела его в другом воспоминании и знала его лицо.

Затем... ее собственный взгляд опустился на стол, и сцена приобрела нереальное качество. Там лежал мертвый обнаженный мужчина. У него была копна черных волос, смуглая кожа и серебряное кольцо в ухе. Его голова лежала под странным углом, а правая рука свисала со стола. Его запястье было рассечено, и кровь стекала в чашу.

У его ног, также на столе, лежало тело мертвого волка с арбалетной стрелой, все еще торчащей из грудной клетки. Волк был коричневым, с белой грудью и белой лапой.

Амели не могла себе представить, что все это значит.

Дамек расхаживал по комнате, выглядя почти встревоженным. — Лейтенант, — сказал

он, — вы клянетесь, что он был в волчьем облике, когда вы его убили?

— Да, — бесстрастно ответил Куинн. — Я сломал ему шею, и он снова изменился.

Дамек коснулся края стола. — Никто другой не смог бы сделать это для меня, — прошептал он, — Никто.

— Я же сказал, что могу.

Амели хотела ахнуть, когда несколько фактов ударили ее сразу. Во-первых, Куинн не был капралом. Он был офицером в войсках Дамека. Во-вторых, Куинн выследил и убил оборотня-Мондьялитко.

С какой возможной целью?

Амели опустила взгляд обратно на чашу на полу, так как теперь она была наполовину заполнена кровью оборотня. Женщина подняла миску.

— Теперь мне понадобится кровь волка, — сказала она, — его клыки, глаза и два когтя.

Дамек кивнул Куину, который вытащил из-за пояса кинжал и направился к мертвому волку.

Борясь с тошнотой, Амели отвела взгляд и увидела горящий очаг — достаточно большой, чтобы стоять в нем — в другом конце огромной комнаты. Над огнем висел железный крюк, а с него свисал небольшой металлический котелок с выгравированными на нем символами.

Дамек протянул руку к женщине. — Леди Саориз, позвольте мне отнести это вам.

Она протянула ему чашу с властным кивком. Амели понятия не имела, кто эта женщина, но она сосредоточилась на том, чтобы не смотреть на Куинна, когда он получал требуемые части от тела мертвого волка.

Через несколько мгновений все трое направились к пылающему очагу.

Подойдя к нему, Леди Саориза остановилась перед котлом. Дамек стоял по одну сторону от нее, а Куинн — по другую. Амели увидела чашку с горлышком и ручкой и металлическую фляжку на полу.

Не колеблясь, Леди Саориз взяла у Дамека чашу с кровью и вылила ее в котел. Жидкость зашипела, ударившись о дно.

— Теперь кровь волка, — сказала она, — и его зубы, глаза и когти.

Теперь Амели позволила себе взглянуть на Куинна. Его лицо было абсолютно бесстрастным, но он держал свою собственную миску. Он осторожно протянул руку и высыпал содержимое в котел. Эти дополнения звучали менее убедительно.

Леди Саориз потянула за цепочку, висевшую у нее на шее, и достала из выреза халата маленькую бутылочку. Она открыла пробку и вылила содержимое бутылки в котел.

— Трижды очищенная вода, — сказала она Дамеку, — чтобы помочь эликсиру впитаться.

Он ничего не сказал, но его глаза блестели, когда он зачарованно наблюдал за происходящим.

Леди Саориз начала тихонько напевать. Она положила руки по обе стороны котла, и ее голос постепенно стал громче. Амели не могла понять ни слова.

Затем Леди Саориз выкрикнула последнюю, громкую, неразборчивую фразу и, взявшись руками за края котла, устремилась внутрь. Амели могла только представить, насколько горячим должен быть металл и какие повреждения он наносил ее ладоням.

— Ярость, — тихо прошептала Саориз. — Безумие.

Она упала в изнеможении, и ее руки упали с котла.

— Мы должны проверить это, — сказала она. — У вас есть тема для разговора?

Кивнув, Дамек повернулся и зашагал через комнату к боковой двери. Куинн и Леди Саориз последовали за ним. Амели тянуло за ними, но ее переполняло ужасное чувство, что худшее еще не закончилось.

Открыв дверь, Дамек повернулся к Куинну. — Вы принесли кожаные перчатки, как я просил?

— Да.

Куинн вытащил из кармана брюк пару толстых перчаток и надел их.

Услышав дребезжащий звук, Амели выглянула из-за него в узкую комнату. Грязный человек в лохмотьях был прикован наручниками к задней стене. Он в ужасе посмотрел на открытую дверь.

Леди Саориз протянула Куинну фляжку. — Вам нужно только нанести небольшое количество на его голую кожу, — сказала она. — Просто смочите палец в перчатке и дотроньтесь до его кожи. Эликсир впитается мгновенно. Но не стоит попадать на собственную кожу ни малейшего количества. Вы никогда не должны быть беспечными. Это повлияет на вас так же, как и на него.

Взяв у нее фляжку, Куинн смочил затянутый в перчатку указательный палец правой руки несколькими каплями черной жидкости. Затем он вошел в узкую комнату, направился прямо к паникующему мужчине и размазал вещество по его щеке.

— Нет! — закричал мужчина, пытаясь отпрянуть к стене. — Что вы делаете?

Куинн отступил на шаг и оглянулся на дверь. — Как долго?

Амели почти не узнала его голос. Его голос звучал так холодно.

— Неизвестно, — ответила Леди Саориз. — Нам придется подождать.

Все трое замолчали, и единственным звуком, который услышала Амели, был человек в наручниках.

Хныканье от страха. Трудно было сказать, сколько прошло времени, но ей показалось, что прошло меньше часа, когда мужчина в узкой комнате начал задыхаться.

Хотя на это было трудно смотреть, Амели знала, что ей показывают только самое важное, поэтому она посмотрела через пространство между плечами Дамека и Куинна, когда они стояли в дверном проеме.

Беднягу внутри начало рвать... а потом его руки начали превращаться в когти, и его тело начало расширяться. Его челюсть удлинилась, и мех выступил из кожи. Амели оцепенело наблюдала, как он превратился в огромного волка с красными глазами, и он с ревом бросился на цепь на своей передней ноге.

Наручники плотно облегли его мех, но выдержали.

— Клянусь Богом, — изумленно прошептал Дамек, глядя на безумное существо, рычащее и рвущееся на конце своей цепи. С его клыков на пол брызнула слюна. — Саориз, вы сделали это. — выражение его лица изменилось на лицо человека, которому внезапно захотелось перейти к делу, и он повернулся к Куинну. — Убей эту тварь. Мы знаем, что эликсир действует.

Не говоря ни слова, Куинн подошел к оружейной стене, снял арбалет и зарядил его.

Амели не чувствовала, что ей нужно смотреть эту часть, и она повернулась, когда он вернулся к двери и выстрелил. Зверь в комнате закричал, но она все еще слышала его рычание. Куинн зарядил вторую винтовку и выстрелил снова. На этот раз она услышала только тяжелое дыхание и, оглянувшись, увидела, что Куинн слегка нахмурился.

— Я выстрелил ему в глаз, — сказал он. — Их трудно убить.

Вернувшись к стене, он снял тяжелое копье и на этот раз вошел в комнату. Амели услышала громкий сосущий звук, а затем в комнате воцарилась тишина. Снова появился Куинн.

— Он мертв.

Дамек, казалось, начал терять терпение и повернулся к Саоризе. — Миледи, вы, должно быть, очень устали. Не хотите ли пойти отдохнуть?

— Да, пожалуй. Вы довольны?

Он взял ее руку и поцеловал тыльную сторону ладони. — Более чем доволен. Я скоро буду наверху, чтобы навестить вас.

И снова Амели задалась вопросом, что эти двое значат друг для друга — но она не получила никаких ответов.

Когда Леди Саориз вышла из комнаты, шурша пурпурной мантией, Дамек поравнялся с Куином, оценивая его высокую фигуру.

— Ты понимаешь, что это только начало? — Спросил Дамек.

— Да. Что вы хотите сделать дальше?

— Полевое испытание. — Взглянув на стол, Дамек с отвращением скривил губы при виде мертвого Мондьялитко и частично изуродованного тела волка. Одной рукой он подозвал Куинна к очагу, и оба мужчины подошли поближе к огню.

Амели последовала за ним.

— Я собираюсь поместить тебя в армию моего отца в качестве капрала, — сказал Дамек.

— Капрал?

— Да, мне нужен кто-то, кому можно доверять, но не привлекать особого внимания.

— Так вы предлагаете меня своему отцу?

Дамек улыбнулся, и Амели нашла это зрелище пугающим. — О, нет, — сказал он. — Мой отец никогда бы не согласился на связь с кем-либо, кто когда-либо служил мне. Он усомнится в моих мотивах. Нет, я подделал письмо от знакомого моего отца, барона Дризе. Судя по письму, барон очень высокого мнения о вас и хотел бы, чтобы вы получили возможность служить в гвардии королевского двора.

Куинн нахмурился. — И вы думаете, ваш отец поверит в этот бескорыстный поступок?

— Я знаю. Видите ли, барон уже делал это однажды. Это в его природе. Мой отец примет тебя. Но они с Дризе видятся в лучшем случае раз в несколько лет, и я позабочусь о том, чтобы все письма приходили. Между моим отцом и ним происходят перехваты в первые недели после вашего приезда. Уловка не будет раскрыта.

— Значит, я служу капралом. А что потом?

— Ваша первая задача-завоевать доверие вашего командира. Это все, что тебе сейчас нужно сделать. Позже... хотя я не выбрал ни время, ни место, когда я дам слово, мне нужно, чтобы вы нашли способ направить свой контингент в какое-нибудь изолированное место. Затем вы начнете экспериментировать с эликсиром. Начните медленно, возможно, превращая человека каждые несколько недель. Ваша цель состоит в том, чтобы создать и спровоцировать полный крах командной структуры, создать такую атмосферу страха и недоверия, что, хотя большинство людей останутся здоровыми и будут казаться способными к бою, было бы детской игрой въехать и уничтожить их.

— Вы собираетесь напасть на людей своего отца? — Спросил Куинн, но в его голосе не

было и намек на обескураженность задачей, которую только что поставил перед ним Дамек.

— Нет, конечно, нет. Вы просто проводите первоначальное испытание, но вам нужно довести его до точки, где порядок нарушен, страх взял верх, контингент может быть уничтожен без особых усилий, и все же снаружи нападающие будут казаться гораздо более сильной силой. Это и есть ключ. Мне нужно создавать ситуации, в которых мои люди всегда будут казаться более сильной силой. Когда вы дойдете до этой точки, вы можете остановиться и послать мне весточку. Я доверяю твоему суждению. Я только хочу знать, будет ли это работать в той степени, которую я себе представляю.

— И если это произойдет, вы будете использовать его против ваших настоящих врагов в более широком масштабе?

— О, да. Я планирую показать отцу, что у меня есть лучшие бойцы в Дроевинке, способные легко разбить любую оппозицию.

— Но почему я должен испытывать это на людях вашего отца?

— Так что, как только ты закончишь свои полевые испытания, я смогу ворваться, посмотреть на героя, когда я остановлю это снова, и спасти положение. Мы легко можем обвинить кого-то в лагере, — он снова улыбнулся. — Не ты, конечно. Я нахожу тебя слишком полезным, но мне нужно произвести впечатление на отца на всех возможных фронтах. Позже, если он узнает, что я делаю с нашими врагами, я могу сказать, что я пытал первоначального предателя и получил знания о его оружии, чтобы использовать себя — в защиту интересов нашей семьи. Это заставит меня выглядеть еще более изобретательным.

— И если я добьюсь успеха в моем... полевом испытании, вы согласитесь на мою награду?

— Чтобы сделать тебя вассалом крепости О'круг и ее владений?

— С меня половина арендной платы. И вы устроите мне брак с благородной женщиной?

— Таково было соглашение. Другие давали мне обещания, но ты единственный человек, который зашел так далеко. Если вы преуспеете в следующей части этой задачи, вассалитет и рента будут вашими, и я женю вас на младшей дочери лорда Шодуара. Это будет приемлемо?

— Лорд Шодуар? — Впервые в ледяных голубых глазах Куинна промелькнул намек на эмоции — возможно, жадность или просто голод. — Да, это приемлемо.

Как только эти слова слетели с его губ, комната исчезла, и в нее ворвался туман. Амели почувствовала, что ее несет вперед... и вперед, пока она не поняла, что прошло некоторое время. Когда туман рассеялся, она оказалась в Большом зале замка, окруженная шумом. Более ста человек собрались за длинными столами для пира.

Принц Ливен, принц Дамек и еще шесть хорошо одетых дворян сидели за столом в верхней части зала, на возвышении. Большинство солдат в зале были одеты в темно-коричневые плащи, поэтому Амели предположила, что сцена происходила в замке Пален, и принц Дамек был здесь с визитом к своему отцу.

Посмотрев вниз, Амели увидела трех мужчин, сидящих прямо перед ней: капитан Киган, Куинн и красивый лейтенант Саллиан. Теперь Куинн носил коричневый плащ войск Ливена. Все трое мужчин пили и смеялись, и после всего лишь нескольких мгновений наблюдения за ними, Амели не могла не отметить легкий дух товарищества между ними. Куинн должен быть либо мастером актерского мастерства, либо настолько психически ненормальным, чтобы убедить себя в своей роли.

— Несколько охранников Дамека предложили после обеда сыграть в кости, — сказал Киган. — Под передними фонарями во дворе.

Саллиан нахмурился. — Сэр... вы уже по уши в долгу перед мастером Терлоном. Может, вам лучше остаться здесь и потанцевать с несколькими девушками? Оставьте себе все монеты, которые у вас есть. На следующий день после завтра день выплаты жалованья, и вы сказали мне, вы обязаны каждую копейку Терлон.

Лицо Кигана напряглось. — Я сам могу выбирать себе развлечения, лейтенант.

Саллиан замолчал, но Куинн смотрел на главную арку зала. Там стоял мальчик лет десяти-одиннадцати и заглядывал внутрь.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал Куинн, вставая. — Природа зовет.

Он направился к арке. Мальчик заметил его приближение и, прежде чем скрыться в коридоре, тихонько сунул ему что-то в руку. Амели подошла к Куину сзади, когда он открыл записку, которая гласила только:

Беседка у реки. На рассвете.

Большой зал исчез, и туман ворвался только на секунду или две, едва достаточно времени для Амели, чтобы почувствовать большое движение. Когда они очистились, она оказалась на берегу небольшой речки, а справа от нее-деревянная беседка.

Куинн уже был там, а принц Демек приближался. Солнце только-только показалось из-за горизонта.

— Я выбрал это место, — сказал Демек, даже не поздоровавшись. — На севере, выше Энемюска, есть изолированный шахтерский лагерь. Капитан, назначенный моим отцом, умер, и моему отцу трудно заменить его, что неудивительно, поскольку это место звучит как изгнание.

— Он не отдаст приказ одному из своих офицеров?

— С такими трудными заданиями мой отец предпочитает... добровольцев. Он тиран, который ненавидит казаться тираном. — Демек помолчал и скрестил руки на груди. — Этот шахтерский лагерь идеально подходит для наших целей. Можете ли вы поставить своего капитана в такое положение, когда у него не будет другого выбора, кроме как добровольно?

Несколько мгновений Куинн молчал, словно размышляя. — Да, я справлюсь.

Беседка исчезла, и Амели была захвачена туманом, двигаясь вперед.

Когда они прояснились, она обнаружила, что видит воспоминание, которое уже испытала. Она вернулась в конюшню, сразу же после игры в кости, где Киган проиграл свои деньги в день получки.

Как и в прошлый раз, Киган наклонился вперед, упершись руками в колени, как будто его вот-вот стошнит.

— Что я могу сделать? — спросил он. — Завтра приезжает мастер Терлон. Он сказал, что если я не рассчитаюсь, то он отправится к принцу Ливену.

Саллиан и Куинн наблюдали за происходящим. Но на этот раз Амели заметила, как загорелись глаза Куинн. Он никак не мог организовать случайную игру в кости во дворе, но под его фальшивым беспокойством она видела, что он доволен.

— Не могли бы вы вернуть ему кое-что из ваших покупок? — спросил Саллиан. — Оловянные кубки?

— Он их не возьмет! — рявкнул Киган. — И я не могу вернуть тебе вина за целый сезон. Он уже был пьян. — Он встал и провел руками по лицу. — Принц не может узнать, сколько я должен. Я буду разорен.

Остальная часть разговора продолжалась, как и раньше, только на этот раз Амели полностью сосредоточилась на Куинне.

Она повернулась к Кигану, когда он закрыл глаза и сказал: — Принц и слышать об этом не может.

— Подождите... — начал Саллиан. — Он поколебался, а потом сказал: — Куинн, а как насчет той игры в шахматы? Жесткие десятки, которые вы обещали раздать сегодня вечером? Не могли бы вы позвать капитана? Он лучше играет в карты и может отыграть свое жалованье.

Киган выпрямился, его глаза наполнились надеждой. — Жесткие Десятки?

Саллиан кивнул. — Поскольку принц Дамек приехал сюда с визитом, несколько его офицеров попросили лейтенанта Таннера организовать игру, а Таннер попросил Квинна сдать карты.

— Вы можете меня впустить? — Спросил Киган у Куинна.

И снова Амели перестала слушать слова Кигана, умоляющего ее. Куинн отвел взгляд. — Всё в порядке. Я поговорю с лейтенантом Таннером.

Но когда она повернулась, чтобы увидеть его лицо, то увидела и скрытое облегчение. Должно быть, именно он организовал карточную игру с офицерами Дамека и, вероятно, предложил себя в роли дилера.

Сцена в конюшне исчезла, и Амелия увидела только мерцание тумана, прежде чем они исчезли, и она оказалась в другой маленькой комнате без окон.

И снова она вернулась в то мгновение, которое уже видела — карточная игра с шестью мужчинами, сидящими за круглым столом. Все те же кубки и кувшины с вином были разбросаны по столу. На маленьких столиках в углах комнаты горели свечи.

Куинн сидел там, сдавая карты, и она поняла, как легко это, должно быть, было для него. Никто не заподозрит дилера в игре в твердые десятки, так как дилеру нечего было ни выиграть, ни проиграть. Ему не нужно было побеждать здесь. Ему нужно было только убедиться, что Киган проиграл.

Подойдя к Кигану сзади, она поняла, в какой момент игры она вошла. У него была Трефовая двойка, и когда он взглянул на свою открытую карту, она увидела бубновую десятку. Амели подошла и встала рядом с Куинн. Больше никто даже не взглянул в его сторону, но она заметила, что он держит в руке визитную карточку. Мужчины начали делать ставки, и к тому времени, как они закончили, Киган положил почти все оставшиеся монеты. Один из офицеров Дамека поднял бровь.

— Похоже, вам предстоит сделать выбор, капитан, — сказал он.

Киган не ответил и кивнул Куинну, что ему нужна еще одна карта.

Куинн сдал ему десятку червей, и Киган закрыл глаза, понимая, что проиграл. Амели наблюдала за остальной частью сцены, зная, что Киган вскочит, выйдет из комнаты и вернется с сумкой, содержащей зарплату его людей.

Он сделал.

Куинн пристально смотрел на него, когда он садился, и так же, как и раньше, Киган смотрел через стол. — Сдайте карты, капрал.

Только на этот раз Амели увидела блеск триумфа в глубине голубых глаз Куинна. Больше его никто не видел. Больше никто его даже не заметил.

Комната исчезла, и туман сомкнулся, увлекая ее вперед во времени.

Когда они очистились, она была в Рязанском лагере, и он выглядел так же, как и тогда,

когда она видела воспоминания Кигана. Только теперь она смотрела на Куинна. Ранний вечер был ветреным, и он накинул на плечи плащ.

Он был снаружи, среди палаток, и заглянул через клапан ветхой маленькой палатки, едва достаточно большой, чтобы стоять в ней. Но он вошел, и Амели последовала за ним, чтобы посмотреть.

Сначала он надел кожаные перчатки, а потом достал из кармана плаща металлическую фляжку. Вынув пробку, он покрыл кончик указательного пальца черным эликсиром. Закрыв фляжку, он положил ее обратно в карман.

Появившись, он, казалось, выбрал мужчину наугад, но Амели не была в этом уверена. Его взгляд остановился на солдате в Кривом плаще. Амели отметила, что все мужчины были чисты и выбриты в этот момент времени.

— Гвардеец, — позвал Куинн. — Состояние вашего плаща-позор.

Солдат обернулся на звук его голоса. Куинн быстро подошел и поправил накидку, и когда он это сделал, Амели увидела его взгляд.

оставшийся после него горшок растворился в его коже.

— Уже лучше, — сказал Куинн, заканчивая поправлять накидку. — Просто никогда не позволяй лейтенанту Саллиану видеть тебя в таком состоянии.

Гвардеец кивнул и пошел прочь.

Куинн проводил его взглядом. — Меньше часа, — сказал он себе. — Все начинается.

Лагерь исчез, и туман сгустился.

Глава 14

Когда Амели очнулась от воспоминаний, она обнаружила, что смотрит на лицо Куинна, но его выражение было далеким. В какой-то момент он убрал руку с ее подбородка и теперь прижимал обе ладони к Земле.

Она не колебалась.

Выбравшись из-под него, она перекатилась и вытащила кинжал из сапога, держа его перед собой, когда присела на корточки вне его досягаемости.

Его глаза прояснились слишком поздно. Схватившись за нее, он промахнулся, а когда начал бросаться, то увидел Кинжал и замер. Но она почти видела, как работает его мозг, и боялась, что в бою он думает слишком много, как и она — всегда полагаясь на элемент неожиданности. Он не сделает ничего такого, чего можно было бы ожидать.

Затем... удерживая равновесие свободной рукой, она почувствовала, как ее пальцы коснулись зазубренного, Большого Камня.

Как скоро Яромир заметит, что она уже должна вернуться? Наверное, слишком долго, а он даже не знает, где она. Но сначала он пойдет к тайнику с оружием. Не глядя вниз, она обхватила рукой камень.

Ей нужно было отвлечь Куинна на несколько секунд.

— Ты сделал это с Саллианом! — она обвиняла. — Как ты мог? Он был твоим другом.

К ее удивлению, он моргнул и ответил: «Мне пришлось. Я достиг точки, когда мне нужно было больше контроля. С его уходом, даже будучи капралом, я стал бы вторым командиром.»

Возможно, он так долго играл роль, что жаждал быть самим собой и говорить об этих вещах.

— Ты сегодня ночью выставил стражу прямо у наших покоев? Чтобы волк убил Селин и меня?

— Я должен был, — повторил он. — Я выбрал Грэма в качестве следующей цели. Мне следовало выбрать его раньше. Он не солдат. Но... твоя сестра знала, и если она могла видеть будущее, то и ты могла бы видеть прошлое.

— Значит, вы решили не обращать Грэма, а обратили того беднягу, который был ближе всех к нашей палатке?

Он не ответил. Она увидела вспышку в его глазах... и поняла, что он закончил говорить и собирается атаковать — или сделать что-то. Он был опытным солдатом. Лейтенант. Более того, он был достаточно силен, чтобы сломать шею оборотню Мондьялитко. Она хорошо владела кинжалом, но физически не могла сравниться с ним.

Двигаясь так быстро, как только могла, она метнула камень, целясь ему в голову. Она соединилась с треском, и его шея откинулась назад. Пробравшись сквозь кусты, она побежала туда, откуда они пришли — к палатке с провизией.

Яромир немедленно расставил вокруг шахтерского лагеря круг охранников по периметру с запасными людьми. Как только капитан Киган устроился в одной из лачуг, Яромир перешел к более детальной оценке имеющегося оружия. У всех солдат был хотя бы один. Примерно у половины мужчин были копья, у семи — заряженные арбалеты, а у остальных — мечи.

Даже в их теперешнем положении лагерь, безусловно, можно было защитить.

Но как Куинн мог приказать всем собраться здесь, не собрав сначала больше копий и арбалетов? Этот человек, должно быть, был сильно потрясен, если упустил из виду такие мелочи. Эта мысль заставила его подумать, что Куинн и Амели уже должны были вернуться.

Они, вероятно, вернутся рысью в любой момент.

Лучше всего было бы организовать первый охотничий отряд. Оглядевшись по сторонам, он заметил, что слишком многие шахтеры и Мондьялитко все еще были вне своих домов, пытаясь понять, что происходит. Несколько мужчин несли кирки, и Яромир приветствовал их помощь, но он считал, что стариков, женщин и детей следует перенести внутрь за запертые или запертые двери.

Увидев Селин и Рюрика всего в нескольких шагах, он сократил дистанцию. Он мог бы поручить Селин позаботиться о гражданских, а Рюрик мог бы помочь ему с охотой. Яромир знал в подробностях прошлое всех своих людей.

— Рюрик, — сказал он, — разве твой отец не егеря князя Ливена?

— Да, сэр.

— И вы охотились вместе с ним?

Рюрик вложил меч в ножны, но теперь его левая рука сжимала правую, словно этот вопрос выбил его из колеи. — Да, сэр.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы обошли периметр и выбрали еще пятерых мужчин с опытом. Замените их нашими лишними охранниками. Я не хочу, чтобы линия ослабла. Как только Амели и капрал Куинн вернутся с большим количеством оружия, ты сможешь возглавить первый охотничий отряд.

Даже в своем красном плаще Селин слегка дрожала в ночном воздухе, и Яромир повернулся к ней. — Вы можете заставить женщин и детей вернуться в дом? Пусть запирают или блокируют двери.

Конечно, — ответила она.

Но Рюрик не двинулся с места, и на его лбу вспыхнул легкий блеск. — Сэр... возможно, мне лучше остаться здесь. Я единственный человек из Сеона, который у вас есть, и вам

понадобится, чтобы я сопровождал вас, когда все закончится.

Яромир напрягся. Рюрик вел себя странно с того самого утра, когда ему приказали заменить Павла, но теперь в его голосе звучало отчаяние. Селин тоже смотрела на него в замешательстве. Рюрик не был трусом. Яромир знал его как крепкого бойца, который однажды спас Антона от несущегося дикого кабана. Рюрик не боялся охоты... Так что же привело его в такое отчаяние?

Он что — то скрывает.

Яромира тошнило от мысли, что один из его доверенных людей хранит тайну... Но этого нельзя было отрицать. Все это было написано на лице Рюрика.

— Все в порядке. — Яромир кивнул. — Просто выбери партию, и я попрошу кого —нибудь другого возглавить ее.

Облегчение промелькнуло на лице Рюрика, и Яромир молниеносно шагнул ему за спину, прижав руки и оторвав ноги от земли.

— Селин! — позвал Яромир.

Ему не нужно было говорить ей, чего он хочет.

Она подошла к ним с протянутой рукой.

Рюрик обезумел, брыкаясь и пытаясь вырваться. — Нет! Селин! Не делай этого. Это не то, что ты думаешь. Не делай этого!

Селин шагнула в сторону, но не замедлила шага. Она знала, что Рюрик никогда не сможет оторваться от Яромира... И Яромир был прав. Она уже несколько дней подозревала, что с Рюриком что-то не так, но он никогда еще не казался таким отчаявшимся. Он что — то скрывал.

Вряд ли сейчас было подходящее время или место для чтения, но они были в опасности от чего-то неизвестного здесь, и ни один возможный ключ не мог быть отложен.

Протянув руку, она схватила его правую руку, крепко прижатую к боку, и закрыла глаза, пытаясь нащупать искру его духа.

Чувство паники ударило ее, как стена. Первый толчок ударил в течение нескольких секунд, за ним немедленно последовал другой толчок, и туман хлынул внутрь. Ее рвануло вперед во времени так быстро, что у неё закружилась голова, мчась по бело-серому коридору.

Туман рассеялся.

Она стояла в большом зале. Рюрик стоял на коленях на каменном полу рядом с ней.

Подняв глаза, Селин увидела мускулистого мужчину с седеющими волосами и гордой осанкой, сидящего в кресле на возвышении наверху. На нем была свободная красная куртка, расшитая золотой нитью. Три кольца с драгоценными камнями на каждой руке украшали его пальцы.

— Мой господин, — сказал Рюрик, склонив голову.

— Отчет моего сына, как всегда, был расплывчатым. Таков его путь. Скажи мне, кто в лагере был ответственным?

Внутри видения мысли Селин лихорадочно метались. Человек на возвышении был принц Ливен. Она никогда не видела его раньше, так как никакое видение будущего никогда не приводило ее в замок Пален. Но что делал Рюрик? Он, казалось, давал принцу отчет, выходящий за рамки того, что разрешил Антон.

— Преступником был капрал Куинн, — сказал Рюрик. — Шпион и лазутчик принца Дамека.

— И эти два... провидца, которых нанял мой сын, раскрыли это для Антона?

— Да, милорд. Князь Антон всегда находчив в тех, кого выбирает себе в услужение.

Как только Ливен собрался снова заговорить, туман сомкнулся, и Селин отшвырнуло назад во времени. Это было самое короткое видение будущего, которое она когда-либо испытывала.

Но когда она открыла глаза и увидела Яромира, держащего Рюрика, она была так потрясена и дезориентирована, что споткнулась, упала на колени и не смогла удержаться от крика.

— Он шпион отца Антона! Он собирается рассказать принцу Ливену все подробности этой миссии, чего не сделал бы Антон!

— Взревел Яромир и толкнул Рюрика вперед.

Одним быстрым движением Яромир выхватил из ножен на поясе кинжал.

— Сэр, нет! — крикнул Рюрик, оборачиваясь. — Я не шпион!

Селин попыталась прийти в себя от быстрого, головокружительного видения и кое-как протиснулась между Яромиром и Рюриком, виня себя за это. Яромир убьет любого, кого заподозрит в предательстве Антона, и она это знала. Однажды она видела тело, лежащее у ее ног.

— Лейтенант! — воскликнула она, подняв руку.

— Я не шпион! — настаивал Рюрик. — Мой отец просил меня поделиться с ним всем, что могло бы сделать Антона лучше для принца Ливена. Князь Антон не станет сообщать о каких-либо темных делах, совершенных его братом, и никогда не скажет ни слова о своих собственных силах. Мой отец... он думал, что я должен использовать свое положение посланника, чтобы сказать принцу Ливену правду, что Антон-лучший лидер. Я никогда не сделаю и не скажу ничего такого, что могло бы причинить ему вред, лейтенант. Вы должны мне поверить.

На лице Яромира все еще было написано убийство, но он еще не ударил... И он слушал.

— Так вот почему вы так отчаянно пытались выжить в этой миссии? — спросила Селин. — Потому что принц Ливен ждет от вас отчета?

Рюрик молча кивнул, не сводя глаз с Яромира.

Затем, когда в голове у нее прояснилось, Селин начала вспоминать более подробное содержание своего видения.

— Яромир... когда принц Ливен спросил имя того, кто виноват во всех смертях здесь, Рюрик сказал ему, что это Куинн.

Яромир перевел взгляд с Рюрика на Селин.

— Что ты сказал?

— Это Куинн! Или это то, что Рюрик говорил Ливену. Амели осталась с ним наедине!

Рюрик растерянно переводил взгляд с одного на другого, но Яромиру было все равно.

Он должен был подумать.

Инстинкт подсказывал ему, что Рюрик не предатель. С ним нужно было что-то делать, но он не был предателем... и Амели была наедине с убийцей.

— Рюрик, оставайся здесь и проследи, чтобы периметр держался, — приказал он. — Селин, отведи этих людей внутрь. Я иду за Амели.

Не дожидаясь ответа ни от одного из них, он повернулся и побежал к тропинке.

Амели почти не могла поверить в это, когда она достигла линии деревьев, не будучи пойманной сзади. Она даже не слышала, как Куинн последовал за ней, и подумала, не

оглушил ли его камень.

Однако сейчас, выглядывая из кустов на открытый лагерь, она подумала, что бежать по тропинке к лагерю шахтеров было бы глупо. Возможно, Куинн потерял ее след и тоже наблюдал за ней откуда-то из-за деревьев, ожидая, когда она появится. Хотя он утверждал, что был хорошим следопытом, она не истекала кровью, и было темно. Если бы у нее была приличная фора, ему, возможно, было бы не за чем следить.

Но он все еще мог наблюдать за ней, и если так, то она никогда не убежит от него до самой тропинки.

Глядя прямо перед собой, она увидела вход в огромную палатку с провизией. Это был короткий путь, и там были арбалеты и ссоры — где-то вдоль восточной стены. Она присела на корточки, глубоко вздохнула и побежала так быстро, как только могла, к открытому переднему клапану и бросилась внутрь.

Только тогда она обернулась, чтобы посмотреть, не преследуют ли ее. И снова ее охватило почти недоверие. Где же он? Он поразил ее своей... решительностью.

Грохот раздался в нескольких шагах от того места, где она появилась, и Куинн, спотыкаясь, вышел из леса, неся копьё и истекая кровью. Он посмотрел в обе стороны, а затем остановился на палатке с провизией и побежал прямо ко входу.

За исключением общего направления — восточной стены — Амели не знала точно, где здесь хранилось оружие, и Куинн приближался.

Окруженная бочками и штабелями ящиков, она быстро приняла решение, единственное, что пришло ей в голову. Пройдя вглубь палатки и вдоль ряда ящиков, она пригнулась и спряталась.

Оставалось надеяться, что Куинн прибежит, направится прямо к оружию, поверит, что ее здесь нет, а потом снова выбежит на поиски.

После этого... у нее будет несколько вариантов.

У входа послышались шаги, и она услышала, как он тяжело дышит.

После того как Яромир убежал, Селин стояла лицом к Рюрику, но он не смотрел на нее. Его руки дрожали, и, возможно, он винил ее в том, что только что произошло. В каком-то смысле она понимала.

Но она гораздо больше беспокоилась об Амели и надеялась, что Яромир быстро доберется до нее. Как мог убийца быть Куинном? Он был здесь единственным, кому Яромир доверял.

— Рюрик? — спросила Селин, надеясь, что он все еще будет готов работать с ней.

Как раз в этот момент подбежал гвардеец Грэм с копьём в руке, и вид у него был растерянный.

— В чем дело? — спросила Селин. Она нигде не слышала шума.

— Я... я искал, — ответил Грэхем, — и все люди на месте, кроме Сондерса. Он единственный, кто пропал.

Что-то пришло в голову Селин. — Он был сегодня на страже возле нашей палатки?

Грэм печально кивнул, и Селин посочувствовала ему. Если новым солдатом-волком был Сондерс, это означало, что бедняга Грэхем потерял обоих своих друзей.

Рюрик посмотрел сначала на нее, а потом на Грэхема с сочувствием. Похоже, он тоже понимал, что это означает.

— Мне очень жаль, Грэм — сказал он. — Но лейтенант оставил нам приказ, и он был прав насчет этих гражданских. Я собираюсь проверить периметр. Селин, постарайтесь

вернуть этих людей в их дома и скажите им запереть двери.

Да, — ответила она, отступая. — Грэм, почему бы вам не прийти и не помочь мне? Думаю, кое-кто из шахтеров вас знает.

Она пыталась дать ему занятие, но тактика сработала, и он пристроился рядом. Сначала они отправились к фургонам Мондьялитко, так как она надеялась получить помощь от Мерседес, чтобы доставить их людей в дом.

Маркуса нигде не было видно, но почти все остальные Мондьялитко были снаружи, осматриваясь. Некоторые из них были вооружены и окружали своих немногочисленных детей. Возможно, в прошлом им не везло, когда они закрывались и оставляли сражение солдатам.

— Мерседес — торопливо сказала Селин. — Нам действительно нужно отвести детей внутрь. Здесь для них небезопасно.

— Как вы думаете, эти солдаты смогут удержать этого зверя?

— Думаю, у них есть неплохие шансы.

Наконец Мерседес кивнула и подошла к группе вооруженных людей. Селин огляделась и увидела Марию, которая стояла в стороне и смотрела в лес.

Селин подошла к ней и мягко сказала: — Марая, входите внутрь.

Девушка не двигалась и не отводила взгляда от деревьев. — Они сожгли тело Саллиана, — прошептала она.

Печаль в ее голосе была душераздирающей, и Селин была озадачена. — Вам нравился Саллиан?

— Он был добр. — Мария медленно кивнула. — И они сожгли его.

Селин даже представить себе не могла, как страдала эта бедная девушка, но сейчас ей хотелось запихнуть Марию в фургон.

— Пойдемте со мной. Пожалуйста.

Мария слегка повернула голову, когда Маркус выбежал из леса на северной стороне. Он все еще был босиком, рубашка свободно болталась поверх бриджей. Спереди на его рубашке виднелись темные пятна от следов когтей на груди, и Селин подумала, насколько сильно они кровоточат. Она пожалела, что не догадалась взять с собой шкатулку.

Он подбежал прямо к ним. — Я сделал полный облет над нами и не увидел никаких признаков зверя.

Приняв решение, Селин наклонилась вперед и прошептала ему на ухо: — Теперь мы знаем, кто виноват, поэтому должны быть в состоянии предотвратить это снова.

Его черные глаза остановились на ее лице.

В этот момент солдат на западной стороне периметра закричал.

Яромир побежал через лагерь Пален прямо к палатке с провизией. Он едва притормозил, проходя через переднюю дверь, но знал, что оружие хранится на стеллажах вдоль восточной стены, и поэтому пробежал через ряды бочек и ящиков, выходя на более открытое место.

Там... он остановился, увидев Куинна, дико мечущегося с копьём в одной руке и кинжалом в другой. Из головы у него текла кровь.

Амели нигде не было видно.

Холодный страх наполнил желудок Яромира, но он изо всех сил старался сохранить лицо спокойным.

— Лейтенант, — сказал Куинн.

— Что случилось? — спросил Яромир, как будто ничего не знал. — Где Амели?

Когда Яромир приблизился, Куинн тыльной стороной руки с кинжалом вытер кровь со лба.

— Зверь напал на нас по дороге, и мы разделились, — ответил Куинн.

— И вы просто бросили ее и пришли сюда?

— Я думал зайти сюда за оружием, а потом поискать ее. — Он нервно огляделся.

— Еще оружие? — спросил Яромир. — У вас уже есть охотничье копьё и кинжал. Сколько еще можно использовать?

Куинн перестал оглядываться и уставился прямо на него. Напряжение нарастало, и Яромир решил отказаться от этой уловки. Он выхватил меч.

— Что вы с ней сделали?

Без малейшего предупреждения Куинн резко взмахнул рукоятью копья.

Селин застыла, когда крик разнесся по ночному воздуху. Послышались крики — и еще крики.

Грэхем бросил копьё и побежал на шум.

— Не надо! — крикнул он. — Это Сондерс.

Селин могла двигаться и реагировать. Мария подобрала копьё и побежала за Грэмом. Не зная, что еще делать, Селин повернулась и увидела, что Маркус ушел.

— Маркус!

Никто не ответил.

Селин побежала за Марией и вскоре обогнула заднюю часть внешнего фургона Мондьялитко, достигнув западного периметра. Первое, что она увидела, были два мертвых солдата на земле, из их горла текла кровь. Рядом лежали копьё и заряженный арбалет. Все остальные солдаты, которые были здесь, похоже, бежали. Она не видела Марию.

Только два живых существа теперь занимали ее поле зрения в темноте.

Самым дальним был тот же огромный волк, который напал на нее и Амели в их палатке. Его красные глаза горели, а челюсти были оттянуты назад, обнажая клыки.

В нескольких шагах от нее Грэм стоял на коленях, лицом к зверю, и держал одну руку в воздухе.

— Сондерс. — Это я.

Волк зарычал и бросился в атаку. Селин хотелось закричать, замахать руками, сделать что-нибудь, хоть что-нибудь, чтобы отвлечь его, но звук застрял у нее в горле, и она не могла пошевелиться.

Как в тумане, Мария выбежала из тени позади фургона, мимо Селин, и она размахнулась рукоятью копья, попав волку прямо в лицо. Удар, казалось, едва ли оглушил его, но он немного дрогнул в своем нападении на Грэма, и это только подрезало его, сбив с ног.

Пока зверь пытался остановиться и развернуться, стройный черный волк ворвался внутрь, ударил его в бок и повалил на землю. Через два вдоха прибежал Рюрик с обнаженным мечом.

Мария подбежала к Грэму, опустилась на колени рядом с ним и громко заплакала. — Это уже не он, — воскликнула она. — Его там нет.

Затем рев обоих волков заглушил все остальное, что она могла бы сказать, и Рюрик в замешательстве наблюдал за битвой зубов и когтей.

— Помоги черному, — крикнула ему Селин. — Это Маркус.

Амели видела, как вбежал Яромир, и она незаметно поползла за ним, надеясь использовать свою лучшую и главную силу — элемент неожиданности — против Куинна.

Она слышала, как они разговаривают, а потом услышала, как меч выскользнул из ножен. — Что вы с ней сделали? — спросил Яромир, его голос был полон страдания.

Амели вышла из-за высокой груды ящиков и посмотрела поверх бочки, чтобы увидеть.

Прежде чем звук слов затих, Куинн размахнулся рукоятью копья и ударил Яромира по лицу. Амели хотелось закричать. Яромир ожидал прямой атаки, потому что Куинн бросился на него с острием копья.

С треском Яромир упал. Его глаза были закрыты.

Куинн подбросил копье вверх, сжимая его древко ближе к острию, а затем поднял его, чтобы вонзить в грудь Яромира.

У Амели не было никакого оружия, кроме кинжала, и она прекрасно понимала, что ей не сравниться с Куинном. Поэтому она сделала единственно возможное. Она толкнула высокий штабель ящиков рядом с собой, и они упали на Яромира и Куинна с каскадом грохочущих звуков.

Бросившись вперед, она пробежала по верхушкам упавших ящиков, надеясь добраться до Куинна и вонзить кинжал ему в горло, пока он еще не пришел в себя. Добежав до него за несколько секунд, пока он лежал на земле, она ударила вниз своим клинком.

Но его рука скользнула вверх и поймала ее запястье. Не успела она опомниться, как он рывком опустил ее на землю и оказался сверху, придавив коленями ее руки. На этот раз он не схватил ее за челюсть. Вместо этого его рука сомкнулась на ее горле. Подняв глаза, она увидела гнев в глубине его холодных голубых глаз. Он не собирался ломать ей шею. Он хотел, чтобы это было больно.

Его рука медленно сомкнулась, и она попыталась вдохнуть. Сначала боль не была ужасной, но потом стала невыносимой. Он продолжал сжимать руку, и мир начал чернеть.

Селин услышала, как Маркус взвизгнул, когда большой волк щелкнул зубами у него на плече.

Рюрик выронил меч и, схватив упавшее копье, придвинулся поближе к месту схватки, ища место, где бы не ударить Маркуса.

Но то, как он схватил оружие, заставило Селин тоже обернуться, и ее взгляд упал на заряженный арбалет, лежащий рядом с рукой мертвого солдата. Зверь, должно быть, убил его прежде, чем он успел выстрелить. Пробравшись вперед, Селин схватила его и нацелила на массу когтей, зубов и шерсти, катающихся по земле. Она не сводила с них глаз, и когда большой волк внезапно перекатился сверху, она выстрелила, поймав его за ухом. Существо взревело и отпрянуло от Маркуса, яростно тряся головой.

Как только он оторвался от Марка, Рюрик бросился вперед и обеими руками вонзил копье ему в горло, пригвоздив его к земле в потоке крови. Рюрик наступил сапогом на его переднее плечо и попытался удерживать копье на месте, пока существо истекало кровью... и, наконец, перестало двигаться.

Маркус — черный волк — попытался подняться на ноги и упал. К тому времени, как Селин добралась до него, он снова был в человеческом обличье, голый, задыхающийся и истекающий кровью. Он не произнес ни слова, когда она сняла плащ и накрыла его, одновременно пытаясь осмотреть его раны. На левом плече спереди виднелась глубокая рана.

Рюрик снял сапог с массивного мертвого волка, подошел и посмотрел на Марка сверху

вниз, словно не понимая, что видит. Селин подняла голову и встретила взглядом с Рюриком. Он был рассказчиком тайн. Это было известно, но, возможно, только там, где речь шла об успехе Антона.

— Он спас нас, — решительно сказала она. — Вы сохраните его тайну?

Через мгновение Рюрик кивнул. Затем, словно не зная, что сказать, он подошел к Грэму и Марии.

Селин снова повернулась к Маркусу. — Мне нужно убедиться, что Амели в безопасности. Потом я возьму свой ящик и займусь этими ранами. Это плечо, возможно, придется зашивать.

Он, казалось, не слышал ее и внимательно изучал ее лицо.

— То, что вы сказали раньше... о том, что знаете, кто виноват, о том, что можете остановить все это, означает, что вы скоро уезжаете, не так ли?

Вопрос сбил ее с толку, и она не была уверена, что он пытался спросить. — Да. У меня есть магазин, своя жизнь дома.

Во всяком случае, его взгляд стал более напряженным. — Вы хотите сказать, что у вас есть кто-то дома?

Она вздрогнула. Мог ли он видеть, как ее преследуют обрывки ее необъяснимой связи с Антоном? Отвернувшись, она не смогла ответить на его вопрос. Ответа не последовало.

Амели была в агонии, и ее мир погружался во тьму.

Затем, внезапно, давление на ее горло исчезло, и она втянула воздух. Какое-то мгновение ничего не имело смысла, но она услышала хрюканье и грохот, и попыталась подняться, прищурившись, чтобы увидеть, что происходит.

Яромир и Куинн, оба с голыми руками, замахивались друг на друга. Где же меч Яромира?

Неужели он видел, как ее душат, и просто ворвался, не задумываясь, чтобы оттащить Куинна?

Куинн со всей силы ударил Яромира в челюсть, откинув его голову назад, но Яромир развернулся и ударил кулаком в лицо Куинна. Затем, каким-то образом, когда Куинн споткнулся, ему удалось поднырнуть за спину Яромира и схватить его за голову.

В панике Амели заставила себя подняться. Она знала, что делает Куинн: пытается ухватиться достаточно крепко, чтобы сломать Яромиру шею. Но рука Яромира метнулась вниз к чему-то на вершине ящика, и следующее, что Амели знала, он проскользнул за Куинн, и Амели увидела, что он схватил: толстый кусок бечевки, оторванный от упавшего ящика.

В одно мгновение он накинуд веревку на голову Куинна и натянул ее туго, используя теперь обе руки, чтобы перекинуть ее через горло Куинна. Куинн дико дернулся, пытаясь сбросить его, но Яромир держал его крепче, перекрывая дыхание Куина.

С того места, где она наполовину присела, Амели увидела страх, появившийся на лице Куинна. Его рот открылся, и часть языка высунулась наружу, но она не отвела взгляда. Она смотрела, как страх и жизнь исчезли из его глаз.

Яромир продолжал крутить и дергать бечевку в течение нескольких мгновений после того, как Амели подумала, что Куинн уже мертв.

Затем он бросил тело и посмотрел на нее.

— Амели, — выдохнул он.

Яромир уставился на Амели, которая полусогнулась среди упавших ящиков. Он видел яростные рубцы на ее горле... Но она была жива и смотрела на него.

Он подбежал к ней и прижал к своей груди. — Дайте мне взглянуть на вашу шею. Вы можете дышать?

Она не сопротивлялась в его объятиях, просто позволила ему обнять себя.

— Это был он, — выпалила она. — Это он переворачивает всех солдат.

— Я знаю. Как вы узнали?

— Эликсир... черная субстанция, которую он наносит на их кожу. Он держит его в металлической фляжке.

Он задержал ее еще на мгновение, чтобы убедиться, что она дышит нормально, а затем прислонил спиной к ящику.

— Металлическая фляжка? Я собираюсь проверить его тело.

Пробираясь между упавшими ящиками, Яромир не видел, где Куинн может прятать фляжку. На нем не было плаща, а карманы бриджей казались слишком тесными. Но Яромир все равно обыскал тело.

— Что-нибудь?

— Нет.

— Вы не знаете, какая палатка принадлежит ему?

Яромир так и сделал. Он поднял меч и вложил его обратно в ножны. Когда он повернулся, чтобы помочь Амели подняться, он обнаружил, что она уже стоит.

— У вас лицо в полном беспорядке, — сказала она.

Он дотронулся до своей челюсти, которая приняла на себя несколько ударов, один из которых был нанесен острием копья. — Все заживет.

Они покинули палатку с провизией и пошли через пустой лагерь.

— С Селин все в порядке? — спросила Амели.

— Была, когда я пришел за вами. Рюрик с ней и все воины. Мы свяжемся с ней, как только сможем.

Войдя в палатку, он знал, что это личные покои Куинна, он оглядел скудную мебель, но Амели подошла прямо к кровати и подняла лежащий там плащ.

— Он держал его в кармане. — Она осторожно вытащила пару кожаных перчаток, но выражение ее лица стало тревожным, когда она продолжила ощупывать ткань плаща. — Его здесь нет. Мы должны найти его, Яромир. Всего несколько капель на кожу превратят человека.

Рядом с кроватью стоял небольшой дорожный сундук. Яромир подошел и увидел висячий замок. Вытащив меч, он рукоятью сломал замок и открыл сундук.

Амели стояла позади него.

— О... вот. — Она указала вниз.

Увидев край пробки, он отодвинул лишнюю рубашку и увидел маленькую металлическую фляжку.

— Не трогайте его, — предупредила Амели. — Снаружи может быть какая-то жидкость. — Наклонившись, она использовала рубашку, чтобы обернуть фляжку, не прикасаясь к ней.

— Что же нам с ним делать? — спросил он, зная, что они не могут просто вылить его, если есть опасность, что кто-то или что-то прикоснется к нему.

— Мы отнесем его Селин. Она знает, как правильно им распорядиться.

Внезапно его осенило. — Все кончено. Как только мы выследим последнего зверя, с этим будет покончено. Вы сделали это.

Им это удалось, и Антон сможет доложить отцу, что вопрос решен и серебро скоро снова потечет рекой. Яромир испытывал чувство, которое не мог объяснить, нечто большее, чем благодарность.

— Амели, вы были прямо в замке. Вы заслуживаете... чего-то за то, что сделали здесь. Если есть что-то, что я могу сделать, что-то, что я могу дать вам, скажите мне.

Сначала она молчала, а потом сказала.

В нескольких фразах она объяснила ему, чего хочет. Слушая, он не совсем понимал, почему она просит об этом, но это заставляло его любить ее еще больше.

— Вы все устроите? — спросила она.

— Да.

Глава 15

На следующий день Яромир прошел через лагерь солдат к палатке Кигана. Он все еще с трудом верил, что Рюрику, Маркусу и Селин удалось справиться с последним волком самостоятельно, но... зверь был мертв, и Куинн был мертв, и Яромиру все еще нужно было связать несколько концов во едино.

В то утро он отправил двух гонцов верхом.

Во — первых, он отправил Рюрика обратно в замок Сеон с письмом к Антону-вместе с некоторыми строгими условиями. Яромир еще не решил, что делать с Рюриком в долгосрочной перспективе, но он был убежден, что молодой гвардеец не был предателем и считал себя работающим в интересах Антона. Конечно, Рюрику никогда больше не разрешат быть посыльным между Антоном и князем Ливеном, но в их нынешней ситуации Яромиру больше некого было отправить домой, поэтому он послал Рюрика. Но сначала он взял с гвардейца обещание доставить письмо Антону, а потом остаться на месте. Он ни в коем случае не должен был покидать замок Сеона или доставлять послание принцу Ливену. Яромир ясно дал понять, что будущее Рюрика в Сеоне зависит от того, выполнит ли он этот приказ. Рюрик согласился и поблагодарил его.

Во — вторых, Яромир поручил паленскому солдату доставить письмо князю Ливену.

И вот... Яромир подошел к палатке капитана Кигана и остановился в дверях. Какая-то часть его с нетерпением ждала предстоящего разговора, а какая-то часть боялась его.

Войдя, он направился к задней двери.

— Капитан? — позвал он, прежде чем обойти последний гобелен.

— Сюда.

Продолжая путь, Яромир нашел Кигана одного и сидящим в постели. Прошлой ночью его отнесли обратно и уложили, и теперь он, казалось, мог есть и пить самостоятельно, хотя все еще был слаб, и, по словам Селин, еще какое-то время будет в таком состоянии.

Но выражение его лица было смесью осторожности и тревоги, и Яромир задумался, как много ему рассказали.

— Значит, это был Куинн, — решительно сказал Киган.

Что ж, это ему уже сообщили.

— Да, и он работал на принца Дамека.

Когда эти слова дошли до него, левая рука Кигана начала дрожать.

Яромир пододвинул стул к кровати и сел. — Сегодня утром я отправил письмо принцу Ливену.

— Ты? — Тревога на лице Кигана стала еще заметнее.

— Ты не в том состоянии, чтобы командовать здесь. Я вызвался остаться здесь, пока не

прибудет ваша замена.

Киган лишь неуверенно наблюдал за ним, скорее всего гадая, к чему все это приведет.

Яромир откинулся назад. — Не беспокойтесь. Я мало что сказал вашему господину. Только то, что вопрос решен, серебро скоро снова потечет рекой, что вы серьезно заболели, и что я пока оставляю командование за собой, но что новый контингент и командир должны быть отправлены как можно скорее.

— И это все, что вы ему сказали?

— Принц Ливен никогда не настаивал на подробностях. Он заботится о результатах. — Яромир помолчал. — И так долго, как вы согласитесь на просьбу, которую я собираюсь сделать, я буду гарантировать что он не узнает ничего больше.

— Какая просьба?

— Я хочу, чтобы вы освободили людей Мондьялитко от их контрактов и выплатили им полную годовую зарплату. По моим подсчетам, это всего шесть или семь человек, недостаточно, чтобы иметь значение для рабочей силы. Я велел князю Антону прислать сюда эскорт, чтобы отвезти нас домой, как только прибудет ваша замена и мы будем готовы к отъезду. В своем письме я также просил его прислать еще четырех лошадей. Вы позволите мне выбрать четырех лошадей из вашего сарая, в общей сложности восемь, чтобы тянуть повозки Мондьялитко.

У Кигана отвисла челюсть. Если бы Яромир только что сделал предложение руки и сердца, этот человек не мог бы быть более ошеломлен. — Заплатить им сполна... Четыре лошади? Ты с ума сошел? Нет! Нам нужен каждый рабочий в шахтах. Эти цыгане никуда не денутся.

Яромир поднял бровь. — Правда? Тогда я буду вынужден проболтаться принцу Ливену, что у тебя целый год был шпион принца Дамека, и ты ничего не заподозрил. Я проговорюсь, что из-за твоей некомпетентности погибло так много твоих людей, а серебро перестало поступать в казну.

Киган посмотрел на него с нескрываемой ненавистью. — Это бессмысленная угроза. Как только ваш принц узнает правду, он будет только рад рассказать ее своему отцу.

— Ты не знаешь князя Антона. Хотя я, возможно, не всегда соглашусь с ним, он твердо решил никогда не болтать о своем брате, даже когда речь идет о смерти или в тех редких случаях, когда Дамек пытался убить его. — Возможно, он и прав. Как я уже упоминал... принца Ливена обычно не интересуют детали, только результаты. — Он наклонился вперед. — Но если ты не согласишься на мою маленькую просьбу, я найду способ сделать так, чтобы некоторые из этих деталей достигли его ушей.

— Бери лошадей, — выплюнул Киган. — И эти грязные цыгане. Но имейте в виду, им некуда идти.

— Позволь мне об этом побеспокоиться. — Яромир встал. — Думаю, мы закончили.

В тот же день Эмили и Селин отправились в лагерь шахтеров, чтобы увидеть Мерседес. Постучав в дверь самого большого фургона, они оба вошли внутрь и обнаружили Мерседес дома, а Маркус растянулся на одной из задних кроватей. Марии нигде не было видно.

— Оставь дверь открытой, — сказал Маркус. — Мне нравится воздух.

Эмили подумала, что он выглядит немного бледным, но этого, вероятно, следовало ожидать. Селин допоздна возилась с его ранами, в том числе зашивала плечо.

Мерседес изучающе посмотрела на Селин. — Значит... ты скоро уезжаешь? — В ее

голосе звучало сожаление.

— Именно об этом мы и пришли поговорить с тобой, — ответила Селин, а затем повернулась к Эмили. — Может, тебе стоит...

Эмили собралась с мыслями и встала так, чтобы говорить и с Мерседес, и с Маркусом. — Вы очень помогли нам в последние дни, и Яромир прислал нас с предложением. — Она подумала, что это прозвучало бы менее похоже на милосердие, если бы исходило от него. — За стенами замка Сеоне есть участок земли, за которым уже несколько лет никто не ухаживает. Арендаторы сбежали, чтобы попытаться счастья с тележкой торговца в Энемюске. Там есть коттедж и небольшой сарай. Если ваша семья захочет... вы можете жить там и работать на земле. Половина урожая достанется принцу Антону, а вторую половину ты оставишь себе, чтобы продать или использовать в своих целях. — На мгновение она сосредоточилась на Мерседес. — Я знаю, что для вас это был бы другой образ жизни, но некоторые из арендаторов князя Антона стали довольно преуспевающими, в зависимости от того, какие культуры они выращивают.

Мерседес стояла, переводя взгляд с одной на другую, как будто пыталась понять что-то, чего не совсем понимала.

— Но мы не сможем отправиться в путь до поздней осени, когда закончатся контракты мужчин. А как же наши повозки? — сказала она. — А как мы туда попадем?

— Об этом уже позаботились. Яромир поговорил с капитаном Киганом. Ваши люди освобождены от контрактов и получают годовое жалованье. У вас будет восемь лошадей, так что вы сможете вывезти повозки отсюда. Все ваши люди получили отпуск, включая жен ваших молодых людей. Вам не нужно никого оставлять.

Мерседес опустилась на кровать рядом с Маркусом.

— Но вы не обязаны принимать землю, — быстро встала Селин. — Если ты не хочешь заниматься сельским хозяйством, тебя все равно освободят от контрактов, тебе заплатят, и ты сможешь оставить лошадей.

— Если ты решишь принять предложение Яромира о земле, — сказала Эмили — ты можешь пойти с нами, когда мы уйдем. Сначала мы отвезем вас в деревню Сеоне, чтобы снабдить продовольствием. Но спешить с решением не стоит. Мы застряли здесь, пока не придет замена Кигана. У тебя есть время подумать.

Мерседес повернулась к Маркусу, и они встретились взглядами. Затем она снова повернулась к Эмили. — Нам не нужно время на раздумья. Никто из наших людей этого не делает. Мы идем с тобой.

В открытой двери послышались шаги, и появилась Мария... с молодым Грэмом, стоящим позади нее.

— Куда идешь? — спросила Мария.

— Домой — ответила Эмили. — Ты поедешь домой с нами.

Глава 16

Чуть больше трех недель спустя, ближе к вечеру, Яромир повел отряд из семнадцати своих людей, двух провидцев и четырех повозок Мондьялитко обратно к внутренним воротам Сеона.

Никогда еще он не был так рад увидеть знакомую деревню.

Не останавливаясь, он вывел фургоны на открытую площадку позади кузницы, где было достаточно места для семей, чтобы разбить лагерь. Он решил, что им понадобится некоторое время, чтобы отдохнуть и купить припасы на зиму, а потом он сможет взять их с собой и

показать им усадьбу.

Как только повозки заняли свои места, он отпустил своих людей и увидел, как Селин соскользнула с седла и передала свою кобылу одному из стражников. Эмили уже была на земле, помогая Мерседес вернуть лошадей на место.

Яромир тоже спешил, стоя рядом с Селин и наблюдая за работой Эмили. Некоторое время они оба молчали, а потом Селин подняла на него глаза.

— Я знаю, что принц ждет более подробного отчета... Но могу ли я сдать свой завтра? Я хочу пойти проверить магазин, увидеть свои вещи и поспать в своей постели.

Он помолчал. Он знал, что Антон будет ждать полного отчета, но это было первое, о чем Селин попросила его после Рязани. Он должен был дать ей хотя бы одну ночь отдыха.

— Конечно. Я передам ему свой отчет сегодня вечером, и на данный момент этого должно быть достаточно.

— Спасибо.

Эмили теперь помогала распрягать упряжку лошадей и разговаривала с Мерседес. Затем Мария и Грэм обошли фургон, чтобы помочь. Вернувшись в Рязань, молодой Грэм попросил, чтобы его навсегда освободили от службы, чтобы он мог поехать сюда с Марией, и Яромиру не потребовалось много времени, чтобы заставить Кигана согласиться.

— Вы сделали доброе дело, — сказала Селин.

— Это была идея Эмили. Когда я спросил ее, чего она хочет, она ответила это.

— Да, но вы согласились. Ты сделал так, чтобы это произошло.

Он сделал, не правда ли?

— Ну, похоже, Эмили пробудет здесь некоторое время, — сказал он. — Могу я подвезти тебя домой?

— Нет. — Она слабо улыбнулась и прижала обе руки к спине. — Я лучше пройду пешком.

Он кивнул и проводил ее взглядом. Она была удивительной женщиной, гораздо сильнее, чем выглядела.

Затем его взгляд вернулся к Эмили, когда она забралась на крышу фургона, открыла деревянный ящик и бросила его в ожидающие руки Мерседес.

Эмили.

Она позаимствовала кое — какую запасную одежду и теперь снова была в бриджах — с закатанными штанинами и мужской рубашке, которая выглядела гораздо удобнее. Он никогда не знал никого, похожего на нее, — огонь, кремь и мягкость одновременно. Она могла быть невероятно эгоистичной в один момент и поразительно уступчивой в следующий.

Его охватило сильное желание взобраться на повозку и помочь ей разгрузиться, и не делать ничего, кроме как работать рядом с ней и провести остаток дня, помогая ей расселить этих людей.

Но он повернулся и повел коня к замку. Он должен был передать отчет.

Незадолго до заката Селин была в своей мастерской, вытирала пыль с чашек и готовила инструменты, чтобы снова приступить к работе. Ее не было некоторое время, и за садом с травами нужно было ухаживать.

Эмили еще не вернулась домой.

Хотя Селин наслаждалась передышкой в одиночестве, она не была полностью предоставлена сама себе. Ее рыжий кот Оливер, который обычно не проявлял никаких

эмоций, был так рад ее видеть, что продолжал тереться о ее ноги. В миске, стоявшей на полу возле двери, была вода, а в другой — остатки свежего молока. Селин подумала, что должна сделать что-то особенное для Эрин за то, что она так долго ухаживала за ним.

Однако вскоре растирание Оливера заставило ее почувствовать себя виноватой. Хотя о нем заботились, пока ее не было, был ли он одинок?

— Да, я тоже рада тебя видеть. — Она похлопала по верхней части стола. — Поднимись сюда на некоторое время. Только не опрокидывай свечи.

Он вскочил, на этот раз пытаясь прижаться лицом к ее рукам.

В некотором смысле, его внимание было приятным отвлечением, так как это удерживало ее мысли от возвращения ко всему, что она и Эмили были вынуждены увидеть в Рязани. Как и прежде, она подумала, что ей потребуется некоторое время, чтобы прийти в себя.

Завтра ей нужно будет подняться в замок и доложить обо всем Антону. Хотя она и радовалась перспективе увидеть его лицо, меньше всего ей хотелось вновь переживать те первые дни и ночи в шахтерском лагере.

Дверь в магазин открылась, и она оглянулась с легким раздражением. Конечно, люди здесь, должно быть, скучали по своей аптеке, но она только что вернулась, и кто придет в такой час?

Человек в плаще с поднятым капюшоном вошел внутрь и закрыл дверь. В левой руке он держал муслиновый мешочек.

— Мне очень жаль, — сказала Селин. — Я не буду работать до завтрашнего полудня, самое позднее.

Свободной рукой он откинул капюшон, обнажив бледное лицо и темно-каштановые волосы.

— Мой господин... — она запнулась. — Я не знала...

Это был Антон. Неужели он прошел через деревню?

— Не расстраивайся, — сказал он. — Яромир рассказал мне все, что случилось в Рязани, и я не мог дожидаться встречи с тобой, чтобы поблагодарить тебя.

Она смотрела, как он приближается, и не знала, что сказать.

— Ты сделала то, чего не мог сделать никто другой, — продолжал он, — и сделала это от моего имени. Мой отец доволен.

— Да, — подумала Селин, — это и было причиной всех их усилий: угодить отцу Антона.

Он поднял сумку, которую нес, и положил ее на стол. — Я боялся оскорбить вас, предложив деньги или драгоценности. Я знаю, что вы с Эмили сделали все это для меня и будущего Дроевинка. Яромир рассказал мне, о чем просила Эмили, но ты не попросила ничего. Я хотел... я хотел что-нибудь для тебя сделать. — Открыв верхнюю часть мешка, он обнажил колючую лозу, посаженную в землю. — Это бархатный розовый куст из Беласки. Хельга говорит, что ты как-то сказала ей, что из лепестков можно сделать самый сильный сироп от кашля из всех известных тебе розовых кустов, и она также сказала мне, что у тебя его нет.

Теперь он стоял достаточно близко, чтобы она могла чувствовать его дыхание на своей щеке... на самом деле слишком близко. Но, потрясенная его задумчивым жестом, она не могла оторвать взгляда от виноградной лозы. Бархатный розовый куст.

— Яромир сказал мне, что тебе нужно отдохнуть и восстановиться. Не трудись

приходить с докладом. Я знаю то, что мне нужно знать, и больше ни о чем вас не прошу.

Хотя она была тронута тем, что он приехал сюда, его словами, его заботливым подарком, его манерами... его заботой, они оба знали, что это всего лишь отсрочка.

— Пока не случится что-то еще и тебе не понадобятся мои способности? — прошептала она.

— Селин, — выдохнул он в ответ и потянулся к ее руке. Его рука замерла в воздухе, и он сделал шаг назад. — Опять же, я не могу отблагодарить вас.

Он не ответил на ее вопрос. В этом не было необходимости.

Тем не менее, глядя на него, оглядывая свой магазин, она обнаружила, что не возражает.

Когда он снова вызовет ее, она ответит.

Продолжение следует...